

*"...И светлых
мыслей
красота"*

ПЕТРОПАВЛОВСК • 2000

УДК 882.1+882.3
ББК 84Р6+83.3Р1
И11

Сборник издан на частные пожертвования. Авторы выражают искреннюю благодарность поклонникам великого поэта России.

И11 "И светлых мыслей красота". Сборник. Петропавловск, 2000 г., стр. 180.

ISBN 5-86849-215-3

Редакторы-составители не несут ответственности за достоверность имен, дат, фактов и событий в статьях тех авторов, у которых нет ссылок на первоисточники.

Непреходящая слава и сила пушкинского таланта - творческая основа разножанрового сборника литераторов Северного Приишимья, подготовленного ими к 200-летнему юбилею великого русского поэта. Авторы разных возрастов, национальностей, творческих школ объединены в нем служением исторической правде, высокому Слову, идеалам гуманизма, истинной духовности, пророком и проповедником которых был русский гений. Этот сборник - не только дань памяти А. С. Пушкину, но и творческий отчет поэтов, прозаиков, краеведов Северо-Казахстанской области перед читателями. Сборник такого масштаба - явление для нашей области заметное и уникальное, ибо способствует укреплению межнациональных и межкультурных связей народов Казахстана, генетической памяти об истоках культуры и духовности, развитию творчества молодых талантов. Без сомнения, читатели всех категорий сочтут труд своих земляков не только хорошим подарком к юбилейной дате, но и творческой удачей и откровением, а для учащихся, студентов, преподавателей вузов и школ он станет учебным пособием. Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность тем, кто помог в издании данной книги.

52387-

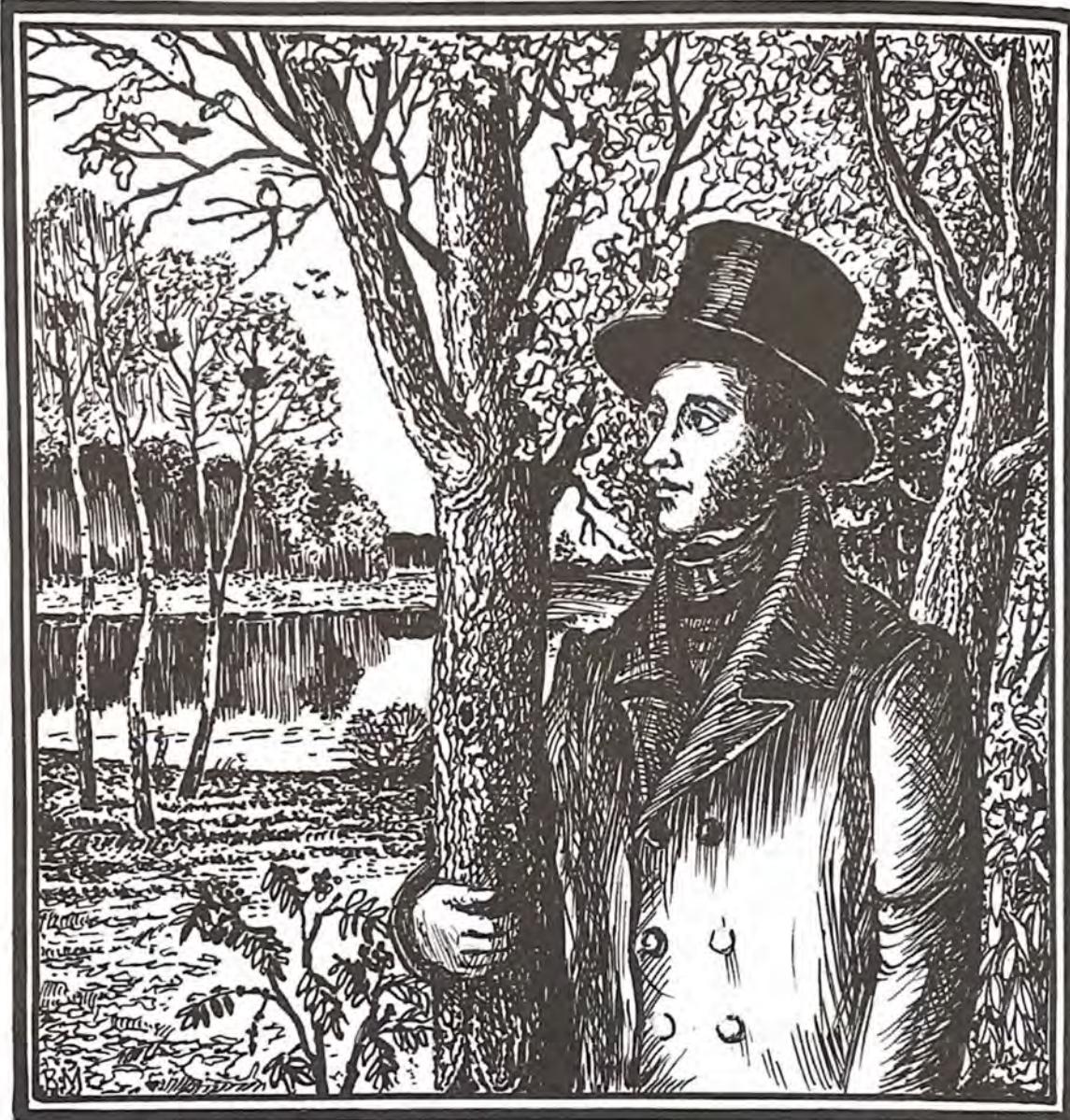
Бұласықтал ЦБС
Сен Каз облы.

ISBN 5-86849-215-3

© Редакторы-составители *А. Курленя, В. Любушин*, 2000
© Оформление и рисунки *В. Манзи*, 2000
© Полиграфия. ГУИПП "ОДП", 2000

*Североказахстанцы
к 200-летию со дня рождения
А. С. Пушкина*

*"...И светлых
мышлений
красота"*

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блестающей смиренно.

Валерий
любучин

ИСКУПЛЕНИЕ ПУШКИНЫМ

О Пушкине написано так же много, как о Гомере и Шекспире. И если последние, кроме величия своего таланта, являются еще и “*terra incognita*”, незнакомой областью для тех, кто их изучает, и этим объясняется огромный интерес ко всему неизвестному, то к Пушкину неослабевающая тяга по несколько иным причинам.

Не отрицая того, что еще многое не знаем о своем национальном гении, мы все же должны признать: о Пушкине нам известно намного больше, чем о творцах “Илиады” и “Гамлета”. Не секрет, что в обильной Пушкиниане кое-что подпортил субъективно - классовый подход. Потому в противовес фактам надо было обязательно императора Николая I называть главным убийцей в заговоре против Пушкина, конечно, в Наталье Николаевне находили то компаньона Дантеса и легко-мысленную пустышку, то неземного и чистого ангела, конечно, в поэте видели чаще всего революционного романтика и критического реалиста, а потому и предавали забвению те факты, которые противоречили партийным установкам советских литературоведов. Бог с ними, кто не грешен, кто не ошибался! Но одно обстоятельство следует отметить. Пушкин всегда современен, Пушкин очень нужен нам, какими бы тяжелыми ни были времена и десятилетия - Пушкин в эпицентре духовных споров и притягательность к нему не иссякает. Не буду повторяться в признании исключительной значимости художественного творчества Пушкина, любви к нему. При этом могу даже сказать, что для меня Пушкин - поэт на первом месте, в прозе более всего ценю “Капитансскую дочку” и “Станционного смотрителя”, не в восторге от исторических компиляций и сочинений о Петре и Пугачеве, признавая при этом исключительную историческую интуицию и прозорливость пушкинской мысли. Ведь каждый имеет право на “своего” Пушкина.

Но более всего меня поражает и вызывает восторженную любовь, уважение - личность Пушкина, Пушкин - человек. Для многих из нас, конформистов, фанатиков, политиков, опустившихся людей, бездухов-

ных и ограниченных - а перечисление негативных черт нашего современника можно было бы продолжить, свет духовный и творческий, душевный и героический, непрерывно исходящий из того, кого мы называем Пушкиным, является источником преодоления внутренней болезни, кризиса, поразивших нас так сильно к исходу второго тысячелетия.

Проницательный Гоголь писал о Пушкине: “В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла”. И тут же добавлял: “Пушкин есть явление чрезвычайное и может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...”

Вот и прошли двести лет со дня рождения поэта...

Каким же предстает русский человек после двух веков национальной истории? Тут прогрессист Гоголь явно ошибся. Он не догадывался, что главными персонажами конца ХХ века станут те фантомы и гро-тески из “Мертвых душ”, как-то Чичиков, Собакевич, Плюшкин, дубиноголовая Коробочка, тот же Селифан и многие другие.

Но есть еще у нас, кроме рыночных идеалов “купи - продай” и “продай - подкупи”, трагический опыт революций и гражданской войны, массовых репрессий и тоталитарного идеологического рабства.

Поэтому вернуться к Пушкину означает для нас вернуться к своим национальным истокам, языку, истории, святыням, о которых многие из нас забыли, потому что утеряна “почва”.

Пушкин - человек звучит как Пушкин - друг и товарищ, Пушкин - творец и патриот, Пушкин - любовник и семьянин, Пушкин - державник русский и всемирной отзывчивости гражданин, Пушкин - христианин и рыцарь чести, Пушкин - аристократ и одновременно демократ, Пушкин - наивная душа, восторженная и живая, Пушкин - мудрец и пророк, бард гармонии и красоты и одновременно “помесь обезьяны со львом”. Об этом удивительно правдиво рассказывают “магический кристалл” его поэзии и факты жизни.

Пушкин при всех своих обидах на государство и чиновников не мыслил себя вне России. Он ее любил беззаветно и не дал усомниться в этом. Еще юношей-лицеистом он писал о воинах 1812 года, о таких же, как и он сам:

Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря...

И незадолго до смерти, в 1836 году:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...

Он гордился тем, что был русским человеком, и не просто русским, а русским патриотом.

Образ “Руси великой” оживает во всех деталях и реалиях слова через образ “малой родины”. Это любимая Москва с ее хлебосольем, обилием шумных рынков и говорливых москвичей, с ее двориками и скверами, с ее уютом и безалаберностью:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед....

Самым любимым московским домом для Пушкина был дом его замечательного друга П. В. Нащокина и его жены. Она вспоминала: “В нашей семье он положительно был, как родной. Мы проводили счастливые дни втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги... Я помню частые взглазы поэта: “Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!”

Среди московских друзей поэта - актер М. Щепкин, семейство Бутурлиных, С. Соболевский, М. Виельгорский, И. Киреевский, С. Шевырев, Д. Веневитинов, Е. Баратынский, М. Погодин, П. Вяземский, В. Зубков...

И, наконец, вызов к Николаю I 8 сентября 1826 года, изменивший его судьбу, состоялся тоже в Москве. Не случайны об этом выстраданные строки. Они есть объяснение в любви к великому городу:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

Но не меньше Пушкин любил и “младшую столицу”, он чтил традиции русской государственности и не противопоставлял две столицы. Отсюда “Люблю тебя, Петра творенье...” и отсюда “Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия...”.

У поэта удивительная любовь к прошлому России, к своей родословной (о чем написал поэму), к тем, кто подарил ему жизнь. Трагические его чувства к заболевшей матери, за которой он ухаживал в ее последние месяцы жизни, хотя в детстве он не был ее любимцем и баловнем.

Чувство сыновней любви и почтения, несмотря на ссоры и конфликты, проявляются и по отношению к отцу. Никогда не забывал о братьях и сестрах, обожал крепостную няню Арину Родионовну, крепостного слугу Никиту Тимофеевича и особенно бабушку Марию Алексеевну Ганнибал, свою первую воспитательницу.

Одно из важнейших качеств Пушкина - прирожденное умение быть преданным другом. Повторяю - преданным... Лицейское братство для Пушкина не пустые слова. Он пронес его через всю свою короткую жизнь.

Вспомним В. Кюхельбекера, И. Пущина и А. Дельвига, Ф. Матюшкина, М. Яковлева, К. Данзаса. После подавления выступления декабристов многие люди, даже родственники, отвернулись от бунтовщиков. Пушкин, не разделяя экстремизма дворянских революционеров, сохранил к ним дружеское участие и не отказался от друзей. Речь идет о В. Кюхельбекере и И. Пущине, о других, оказавшихся в сибирской ссылке:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы...

Или о Пущине, большом Жанно: “Мой первый друг, мой друг бесценный...”

Умирающий поэт в последние часы своей жизни, страдая от тяжкой раны в животе, не забывает просить государя простить К. Данзаса, который был секундантом на дуэли. А его дружба с П. Чаадаевым и А. Грибоедовым, первыми интеллектуалами России, с семейством Вульфов и благороднейшим В. Жуковским, с Нашокиными и Всеволожским. Всех и не упомнишь...

Даже Николай I, особо выделяя Пушкина, относился к поэту с большим уважением, часто дарил ему благорасположение, оказывал финансовую помощь как при жизни, так и после смерти поэта - его семье. Министру народного просвещения графу Д. Блудову царь сказал: “Знаешь, я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России...”. И в ответ на вопросительный взгляд ministra назвал имя Пушкина. Отношения царя и поэта не были простыми, но то, что Пушкин значил для России и его правления, Николай прекрасно понимал. Обратите внимание на записку царя умирающему поэту: “Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам свидеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение” (текст академического издания). Известно, что царь сдержал свое слово. В общей сложности государство через императора выделило 500 тысяч рублей (половину миллиона). Огромнейшая сумма по тем временам.

Независимо друг от друга Жуковский, Вяземский, доктор Спасский, Тургенев все сходятся на признании устного ответа Пушкина царю: “Скажите Государю, жаль, что умираю, весь был бы его...”

Поэт умел быть благородным даже в самые критические моменты, что говорит о возвышенной душе его.

Да, Пушкин умер христианином, но он и в жизни являлся им. Были страсть, язвительные реплики, были фривольность и афеизм, азарт игрока. Пушкин далеко был не безгрешен, как и многие, почти все. И его “Гаврилиада”, “Царь Никита и сорок дочерей” - шалости ума, которые не отнесешь к боговдохновенным созданиям. Все это так. И все же прекрасного и благородного, святого в Пушкине было боль-

ше - оно лежало в основе его натуры, здоровой и христианской, какие бы зигзаги она ни совершила.

С образом Христа и Библии связаны его шедевры: "Мирская власть", "Отцы пустынники и жены непорочны", "Пророк", "Как с древа сорвался предатель ученик".

Это пушкинское и ничье другое: "Наш божественный Спаситель", "Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв", "Не дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья... и дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи".

Мир пушкинский огромен, чист, человечен. Таков и сам Пушкин, которому мы отдаем дань признательной любви - потому что в дни "порчи" нам нужен чистый и здоровый воздух пушкинской поэзии, его светлая голова и замечательно отзывчивое сердце, его преданная любовь к России - ей он никогда не изменял, хотя и уважал другие народы. Его удивительная гармония и "возвышающий обман", его вера в свой народ и человечество, как братство, несомненны. Пушкин преодолевал в себе и в своем творчестве хаос. Не случайно М. Цветаева писала: "Преодоленье косности русской - пушкинский гений, пушкинский мускул". Вспомним и его всеми знаемые стихи. В них надо только вдуматься, проникновенно и глубоко:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.
Велению божию, о музу, будь послушна...

Она, пушкинская муз, и была от Бога, потому что лучше не выражишь, не скажешь. Это абсолютная максима красоты, истины и музыки. Это о сегодняшнем дне, о нас с вами, о "жестоком" нынешнем окончании века. Но Пушкин протягивает нам свою руку, отдает нам жар своего отзывчивого сердца и гениального ума. Не отвернемся только от него, не забудем, понесем в душе своей в XXI век.

Пушкин и на сегодняшний день остается для нас большой тайной. Никакие биографии, факты и хроники, видимо, не откроют нам и исследователям полноту и богатство пушкинского мира, пушкинской личности. Это естественно. Только его волшебная поэзия, полная гармонии и мудрости, чистоты и человечности в какой-то степени приоткрывает туда двери. Поэтому читайте больше Пушкина - он удивительно преображает нас, возбуждает тоску по красоте и лечит наше больное и издерганное превратностями времени сознание.

В Пушкине наше искупление, в Пушкине наше возвращение к душевному здоровью, в Пушкине наше возрождение.

*Виктор
Вихляев*

СПАСЕННЫЙ ПУШКИН

Без малого шесть десятилетий в доме автора этой публикации, североказахстанского журналиста Виктора Вихляева, живет на правах любимого члена семьи эта необычная “поэтическая библия” - первый том академического издания стихов А. С. Пушкина, увидевшего свет в год столетия гибели поэта. В овале, на плотной под цвет слоновой кости лицевой переплетной крышке, тисненный барельеф поэта, а под ним два островка цифр: “1837-1937”.

Вполне возможно, что такое же давнее издание есть в личных книжных собраниях и других библиофилов. Но у каждой из этих книг-близнецовых своих, неповторимая история, связанная с биографией их владельцев, интересными обстоятельствами приобретения и долгожительства духовной драгоценности.

* * *

Поэтом на все века, для всех народов называли Пушкина еще при жизни. Время подтвердило эти высказывания. И два столетия спустя люди Земли именуют его великим певцом вечных человеческих ценностей. Живут слово и мысль Пушкина. Значит, жив и поэт, который не устрашился выйти на Черную речку, чтобы собственной жизнью утвердить свое честное апостольское слово и остаться навечно в умах и сердцах сменяющихся, как листва на древе, людских поколений.

Я принадлежу к тому из них, к которому Пушкин пришел в то время, когда судьбу большой семьи народов, по случайному созвучию с фамилией поэта, решали пушки. Вторая мировая ворвась в страну, где ценили свободолюбивого поэта, считали его своей совестью. Голосом Пушкина над страной прозвучал призыв к жестокой схватке с поработителем. Пушкин снова вышел на смертельную дуэль.

Пришло время, и мир узнал, как изуверски вели себя палачи в святых пушкинских местах. Перед роковым отступлением они заминиро-

вали даже могилу поэта, чтобы взорвать пришедших на поклон к нему вместе с памятью о нем. Силой оружия и духа свободолюбивый народ спас страну и своего любимого поэта.

... Так случилось, что к “спасению” Пушкина я, в ту пору пятилетний мальчишка, тоже имел отношение. Волею судеб за несколько недель до начала войны с фашизмом наша семья оказалась в приазовском городке Мелитополе, именуемом “медовым” за богатство даров украинской земли. Но любоваться красотой этих мест пришлось недолго. Город стал частью моего полынного детства, ранней мальчишечьей зрелости от увиденного и пережитого, выковал в характере нетерпимость к насилию, жестокости, любой житейской несправедливости. Протестовать, борясь научила война. Учил этому и непокорный поэт - мой духовный апостол с детства и на всю жизнь.

Под натиском врага город сохранял свободу до начала октября первого военного года. Его бомбили и терзали артобстрелами днем и ночью. Силы защитников иссякли. Уходили садами остатки армейских частей и заградительных отрядов. Наступила зловещая тишина. Ни души. После полудня донеслась гортанная речь, звуки веселой губной гармоники. На нашей улице появилась ватага людей в касках, с автоматами наперевес.

Поглядывая по сторонам, они вот-вот должны были пройти мимо забора, за которым я нашел временное укрытие. Бежать домой было поздно. Солдатские сапоги уже неподалеку цокали по мощеной мостовой. Поравнявшись с полуразрушенным зданием напротив моего тайника, которое еще недавно именовалось книжным магазином, приельцы построчили из автоматов и принялись ударами сапог, по-футбольному вздымать разбросанные тома. Вот ловко поддевая ногой, в мою сторону полетела большая книга. От нее в разные стороны, словно гуси-лебеди, поплыли по ветру белесые листы.

Горластая ватага процокала мимо и скрылась за поворотом. Было боязно выбираться из тайника, но мальчишеское желание прилизиться к растрепанному пострадальцу все же взяло верх над страхом. Присев на корточки, я приподнял книгу и тут же уронил - тяжеленная. Потом с оглядкойstad листать страницы со столбцами недлинных одинаковых строчек и полыньями белизны вокруг.

На одной из страниц я увидел рисунок какого-то кудрявого мальчишки. Подперев рукой подбородок, он задумчиво смотрел куда-то мимо меня... Мальчуган показался мне очень знакомым. Но прочитать подпись под рисунком, зная к пяти годам не все буквы, я не мог, и продолжал думать-гадать, забыв обо всем на свете.

Увлеченный, явно потерял бдительность и не заметил, как кто-то подошел сзади и крепко ухватил за ухо. Покряхтывая, я повернул голову и увидел свою моложавую и скорую на ногу бабку Анну. Нашлатаки!.. Ну, сейчас будет мне за самовольный побег из дома в такое опас-

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...

ное время. Но вместо трепки старушка отпустила мое ухо, наклонилась надо мной и произнесла:

- Витя, так это же Пушкин... Помнишь, я тебе его сказки читала?.. Ах, изверги, ах, супостаты... - бравилась старушка и принялась среди бумажного хлама искать страницы из пушкинского тома. Я тоже кинулся к тому месту, куда улетели несколько белых страниц-лебедей... Вскоре снова послышались гортанные выкрики, стрельба, собачий лай и людские вопли. Книгу-страдалицу я унес с собою и не расставался с нею никогда.

... Через много дорог и тревог прошел спасенный мною Пушкин. Был день, когда невыносимые тяготы погнали нашу семью из оккупированного города в недалекий хуторок. Среди нехитрого скарба вынужденных беженцев находился и Саша Пушкин. Разлучить меня с ним уже никто бы не смог. И я был по-детски благодарен своим родичам за то, что никто из них не сказал мне: "Оставь, куда тащить такую тяжесть"...

Не позволили мы погибнуть Пушкину и в сорок третьем, когда отступающие каратели уничтожали все на своем пути, и маленький хуторок Южный вблизи Мелитополя стал частью той великой Хатыни, судьбу которой до сих пор оплакивает человечество... Семья покинула горящий хутор, едва успев бросить в дворовый погребок кое-какие вещички и мою многострадальную книгу. Хутор сгорел дотла. Погребок уцелел.

И на этот раз Пушкин остался жить.

Спасенный Пушкин щедро отблагодарил меня. По его строчкам я учился читать, понимать напевность и строгость поэтической речи, впитывал на земле Малороссии истинный русский язык, чтобы не потерять его ни при каких обстоятельствах. И, слава богу, что в трудную годину всегда рядом со мной были неразлучный друг Александр да грамотная бабка Анна Петровна... Вот такой была моя первая начальная школа. В обычную, восставшую из пепелища, нас, горстку уцелевших пацанов-переростков, собрали только в 45-м. Тогда мне было без малого девять лет.

В первый класс я всегда ходил с Сашей Пушкиным. Учительница заставляла меня читать его стихи, когда через дырявую крышу класса на парты то капал дождь, то падал мокрый снежок. Писать было нельзя, да и не на чем. Я наизусть "шпарил" то, что выучил с бабкой за военные годы, и делал это с большим удовольствием. Порою пушкинское слово звучало в классе от звонка до звонка, и никто не мог воспрепятствовать этому святому единению до срока повзрослевших мальчишек военного времени с певцом и пророком свободного Отечества.

В послевоенные годы, когда на Украине начался страшный голод, нашелся один "любитель поэзии", который, узнав о нашей реликвии и гибельном положении семьи, предложил обмен: Пушкина за кружку кукурузной дробленки.

Сашу Пушкина мы “мамалыжнику” не отдали.

Не бросили друга и в 47-м, когда вконец обессилевшие от голода, опухшие вынуждены были правдами и неправдами втиснуться в переполненный поезд, идущий в Сибирь, чтобы вернуться в родные североказахстанские края, где тоже было несладко, но можно было выжить среди добрых людей родного Полудино... Сил не было, чтобы поднять лишнюю вещицу, но в портфеле одиннадцатилетнего мальчишки-беженца по-прежнему лежала одна-единственная книга.

Это был Александр Пушкин.

Потом были годы взросления, зрелости - школьные, университетские, трудовые. На полках большой домашней библиотеки обосновались десятки книг-слитков золотой пушкинской мысли, исследования его жизни и творчества. Но самой дорогой, бесценной семейной реликвией была и остается эта прошедшая через войну и страдания потрепанная книга пушкинских стихов. Теперь у нее есть новые друзья - мои шестнадцатилетние внуки-лицеисты, которые знают эту историю и не смогут “пройти” Пушкина, не посвятив ему своей души прекрасные порывы.

Не раз в минувшие годы я порывался отдать потрепанный том мастеру-переплетчику. Но всякий раз останавливал себя: нет, пусть уж книга-ветеран будет такой, какой вышла из огня и бед. Пусть она пребудет символом стойкой любви ко всему, что достойно людского почитания. Да не увидит она новых земных катастроф, которые наверняка не переживет ни человечество, ни его великий глашатай Мира, Любви и Счастья.

18.04.99 г.

Юрий
Гусинский

* * *

Прилечу издалека
Перелетной хмурой птицей,
Я не выдержал пока
Испытания столицей.
Я внезапно захотел
Убежать от горькой смути,
Возвратиться в свой предел
Хоть на час, хоть на минуту.
Чтобы щеки мне ожег,
Бил крупой оледенелой
Петропавловский снежок,
Самый колкий, самый белый.
Пусть на Пушкинской, в конце,
За панельными домами,
Будет дом, а на крыльце
Снег хрустит под сапогами.
Пусть вовсю дымит труба
И струится дым дрожащий.
Подели меня, судьба,
Меж былым и настоящим!
Пусть в окошке ветра след,
Что увел меня когда-то,
Нарисует мой портрет,
Помечая снегом даты.
Пусть в распахнутом пальто -
Словно крылья расправляя, -
Вновь узнаю, кто есть кто,
Имена припоминая...
Мглой морозною дыша,
Дымом родины тревожным,
Отогреется душа
Постепенно, осторожно.

ОЖИДАНИЕ

Дорогу к дому застилают флоксы.
В лиловых вспышках умиранья нет.
И мне вольготно сельским ортодоксом
Озябшей кожей чувствовать рассвет.

Орет петух простуженною глоткой,
Как часовой, что требует пароль.
Я отвечаю посвистом коротким,
Играя предназначенную роль.

Мне назубок учить ее не надо:
Играю с потемневшего листа
Малинника за ветхую оградой,
Смородины шершавого куста.

Мой день пройдет в трудах неутомимых,
В округе не понятных никому, -
Я молча жду шагов неповторимых,
С утра гляжу в назначенную тьму.

Туда, где скрип калитки с нежной силой
Меня объявит навсегда в плenу
Двух глаз, наполненных водою - черной, стылой,
Двух омутов, в которых утону.

ВЕНЧАНИЕ

Умолкли птицы.
Степь.
Закат расплавлен.
Ночь в теплых звездах.
Между двух холмов,
Как церковь,
Островерхий стог поставлен.
Он к нашему венчанию готов.
Как ты горишь,
Во тьме срываая платье!
Как я дрожу!
Но ночь меня смелей.
Как плачешь ты, сомкнув свои объятья
Над юностью беспутною моей.
И ничего
На свете не осталось.
Лиши только схватка
Ликовавших тел.
Как радостно лицо твое металось
Передо мной...
И жаворонок пел,
Над утреннею степью поднимаясь.
И ты светилась розовым огнем,
Как будто пламя наше,
Унимаясь,
Бесстрашно в теле пряталось твоем.
Ищу огонь иссохшими губами,
Целую два высоких я холма,
Усыпанные дикими цветами
И травами, сводящими с ума.
В моих кудрях -
Ковыль, чабрец и мята.
В твоих губах -
Пыль желтого цветка.
Ах, молодость,
Ты разве виновата,
Что все венчание
Стоило венка?!

Того, что, усмехнувшись,
Ты надела
И по тропе ушла, как в забытье...
Но как там пело,
Как светилось тело
Сквозь ситцевое платьице твое!

* * *

Я к воле, как будто в неволю,
У низких небес на виду
Пройду через русское поле,
До русской дороги пройду.
Где слева татарник лиловый,
Где справа заржавленный куст,
Где песня не ведает слова,
Где колос таинственно пуст.
Осыпались зерна, седея.
И пыль под ногами, как прах.
Здесь мне ли с веревкой на шее
Иль предку идти в кандалах?
Все спутали странные токи,
Пронзая меня со спины,
Где ели молчат, как пророки,
Забытою верой темны.
Но горбя покорную спину,
Бреду я туда, где одне
Кровавые руки рябины
Уже простирают ко мне.
Но ужас так долог и краток,
Что стал как бы и нипочем.
Но чем он так дорог и сладок?
Не знаю я в сердце своем.

* * *

Когда в Отечестве разруха
Не по причине мятежа,
То лишь постанывает глухо
Неразоренная душа.

Казалось бы, такая малость -
В просторе, выжженном дотла,
Одна она и не сломалась,
Не вымерзла, не полегла.

Но только ей служить опорой
Самой себе или другим,
Коль над разором и раздором
Набата нет, невидим дым.

Одень в пиджак ее, пропахший
Дождем, дорогой, табаком,
Отправь к пропащим, павшим, падшим
Не пастырем - поводырем.

Внедри в толпу ее любую,
В любую очередь втолкни,
Чтоб, даже и тебя, прессуя,
Твой свет почуяли они.

Ведь только укрепленью духа
Душа твоя еще нужна,
Когда в Отечестве разруха
И не исчерпана вина.

Дахнцл осенний хлаq - дорога промерзает.
Журча, еще бежит за мельницу ручей,
Но прицд уже застыл...

* * *

Любовь не знает середины -
То жар, то лед, то снова зной.
Мы, как две скрипки, воедино
Сплелись в мелодии одной.

Одной, которой и не мнилось,
Кто был рабом, а кто рабой.
Ты на плече моем забылась
Моей закатною судьбой.

Мы так тела переплетали
И души так переплели,
Что все цветы на одеяле
Всегда, как в августе, цвели.

Последней нежностью безумной,
Отважной горечью в крови,
Когда весь мир, пустой и шумный,
Не стоит ноготка любви.

БАЙГА

На целине нет праздника без скачек.
Тревожно кони стынут на лугу.
Беру седло. Я из семьи казачьей.
По зову предков запишусь в байгу.
Дымит толпа. Домбра звенит. Хлопочет
Судья. Поодаль бабы варят бесбармак.
Мой конь косит кровавым глазом. Хочет
Рвануться первым. Не дают никак.
Хлопок бича! И расстелились кони
По всей степи. Рябит в глазах ковыль.
Нас не видать. Лишь розовая пыль
Укажет след ликующей погони.
Попоной рыжей мчит навстречу степь.
Меня хлыстом огrel крутой соперник.
Догнать! Но пыль глотаю. Не успеть...
Но врешь - не ты сегодня будешь первым!
Прости, мой конь. Я вынужден тебя
Послать вперед над голубым оврагом.
Ага! Тюльпаны дикие губя,
Теперь нам дышит в спину вся ватага.
Летит навстречу пестрая толпа,
Визжит и нас разглядывает жадно.
Мы первыми мелькнули у столба!
Весь в мыле конь. И проигравших жалко.

* * *

Мальчуганы с седыми висками,
Соловьи лихолетий глухих,
Поднимают забытое знамя,
Созывают под знамя своих.

Над болотом, над пыльным окопом,
Где погибнуть другим довелось,
Без ракет поднимается скопом
Молодая веселая злость.

Бить чужих, словно громом по крышам,
Жечь богов, низвергая в огне, -
Все равно! Только был бы услышан
Новый голос в родной стороне.

Степень риска и степень изыска
На безмене прикинув стальном,
Каждый машет безменом со свистом,
Словно вышел в поход с кистенем.

Но и ты не сжимайся в пружину,
Не пугайся, пускай и в душе,
Хоть тебе улюлюкает в спину
Соловьиная стая уже.

Да не ведает сила шальная
Одного, что открыто тобой:
Соловьи не сбиваются в стаю,
Не поют ни в толпе, ни толвой!

Борис
Дивинский

“Я ПОСЕТИЛ МЕСТА...”

(отрывок из повести)

Солнце светило ласково, степной воздух был напоен запахами горьких трав. Когда стемнело, Пушкин задремал, потом почувствовал, что лошади стали, и проснулся.

- Извольте вставать, барин. Лошадей менять будем.

Поэт вылез из кибитки. Впереди возвышалась небольшая крепость с часовенкой. Несколько каменных домов и россыпь деревянных изб сбегали с холма в долину. Здесь скрывался Пугачев накануне своего открытого выступления, ожидая начала осенней пущины, чтобы сформировать свою армию и “броситься на Русь”. Но неожиданный арест Пьянова и Кожевникова ускорили развязку. Выжидать было нельзя. Пугачев дерзким налётом захватил Бударинский форпост и, объявив себя царём, через два дня появился уже перед Яицким городком.

Так началась эта народная эпопея, исхода которой никто не мог тогда предвидеть.

В Уральск вернулись уже в двенадцатом часу ночи, но поэт чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим. Наскоро выпив стакан чаю, он отправился спать, завтрашний день обещал быть трудным. Предстояла интересная встреча с Дмитрием Пьяновым, который был крёстным сыном Пугачева. Отца же его, Дениса Пьянова, можно было в известном смысле считать крёстным отцом Пугачева, так как он был одним из главных организаторов восстания.

Дом Пьяновых был добротный, рубленый в “лапу”. Наличники окон окрашены в голубой цвет. За резными воротами заливисто лаяла собака. Здесь, видимо, жили солидно и спокойно.

Вышла девушка, русая, румяная, коса ниже пояса и приветливо, без смущения, попросила их в “горницу”. В доме было чисто, по комнатам разостланы половики, на окнах горшки с цветами.

Хозяйка встретила и поклонилась им на пороге.

- Здравствуйте, Марфа Петровна. Привела гостя вам, - пропела старостиха.

- Гостям мы всегда рады, - в тон ей, церемонно ответила хозяйка.

Голос у нее был высокий, с мягким украинским выговором.

- Присаживайтесь, сейчас сам выйдет.

Пушкин быстро огляделся и присел на табурет. На стене висел домотканый ковер с неизменной казацкой саблей и папахой, на столе 29-я книжка "Сына Отечества" за 1821 год. Он быстро просмотрел ее. Книжка была открыта на статье об Астраханской губернии. Интересные сведения о местном казачестве и инородцах: калмыках и киргизах.

- Здравствуйте, не знаю, как величать вас.

От резкого, хотя и негромкого голоса Пушкин вздрогнул и приподнялся. В дверях стоял старик небольшого роста, с острой бородой.

- Здравствуйте, Дмитрий Денисович, - Пушкин протянул ему руку. Пьянов легко и осторожно пожал её.

- Любопытствуете? - хозяин указал на книгу.

- Просмотрел немного. Тут все списано у Левшина и других авторов, но я не во всём согласен.

- С чем же Вы не согласны? - старик с любопытством посмотрел на поэта.

- Ты чего, Денисич, гостей стоймя держишь? - вмешалась хозяйка.

- Приглашай за стол, а разговоры потом держать будешь.

- И впрямь, верно ты, мать, сказала. Присаживайтесь, барин. Имеши вашего не знаю.

- Я не барин. А знакомы будем - Александр Сергеевич.

- Мне сказали, что вы сочинитель. Простите, полюбопытствую, какие вы книжки сочиняете?

- Разные книги были, Дмитрий Денисович, фамилия моя Пушкин, может, слыхали?

- Пушкин Александр Сергеевич? - Пьянов встал и протянул к нему руку. - Так это вы сказку про Царя Салтана написали?

- Не думал в своём доме повидать. Большое спасибо Вам. За сказку... за красоту эту. Вот она, Аниська, - старик показал на девочку, - день-деньской читает её.

- Это народная сказка. Я только написал её.

- Всё равно. И записали вы её хорошо. Старик прикрыл глаза ладонью и медленно произнёс:

Он бежит себе в волнах,
На раздутых парусах
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.

Глаза его увлажнились. Он достал большой красный платок и вытер слезы.

- А есть он - остров Буян. В молодости слыхал о нём. И про Царевну-Лебедь слыхал. Намедни ночью мне привиделась. Вся белая, как перо голубиное, а вода вокруг синяя-синяя. Такую воду на Каспии видел, когда на турок ходил.

Знакомая уже девушка с косами поставила на стол поднос с закусками. Потом принесла турецкую суплю с квасом. Квас был отменный и очень холодный.

- Так про что же вы хотели дознаться у меня, Александр Сергеевич? - спросил Пьянов.

- Я хочу написать роман о Емельяне Пугачеве. Расскажи, как Пугачев был у тебя посаженным отцом.

Пьянов изумленно посмотрел на него. Лицо его сразу стало злым и неприятным. Задыхаясь, он хрипло проговорил:

- Он для тебя Пугачев, а для меня - великий государь Петр Федорович.

Пушкин не нашелся сразу с ответом.

- Так значит - государь Петр Федорович! - вызывающе повторил Пьянов и ударил ребром ладони по столу.

За беседой время текло незаметно, и поэт удивился, увидав, что уже час дня. А в два назначена была встреча с бывшим комендантом Буаринской крепости, в четыре его должен был принять уральский атаман, у которого он хотел узнать об участии казахов в восстании, в шесть назначен прощальный обед.

Пьянов проводил его до ворот и указал на остаток сруба во дворе - здесь был дом, где проходила его свадьба.

Распростились они очень тепло. Поэт пообещал прислать свою книгу с Пугачеве. Пьянов долго смотрел ему вслед, а Пушкин оборачивался и махал шляпой.

С реки подул холодный-холодный ветер. Погода менялась. По улице кружились охапки увядших листьев. Темные тучи неслись над городом... "Уж небо осеню дышало!" Осень всегда приносila поэту обильный поэтический урожай. Это была его страдная пора, когда он работал, не зная отдыха, плохо различая дни и ночи.

Что даст ему этот год, поэт еще не знал, но чувствовал, что он будет плодотворным. Всего неделю провёл Пушкин в казахских степях, но как много нового увидел и узнал. Посездка в эту отдалённую окраину открыла перед ним неизвестную страницу истории России и народов, о которых он знал только попаслышике. А дальше, за песками, Пушкину виделись таинственные Хивинское и Кокандское ханства, где еще никто не бывал.

- Теперь писать! Писать! Добраться бы только до Болдина, - произнес он вслух.

Василий
Коноплев

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭНЦИКЛОПЕДИЧНОСТИ “ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА”

Почему Белинский, столь требовательный к стилю речи в своих критических выступлениях, позволил себе в 8-9 статьях, посвященных “Евгению Онегину”, несколько раз повторить одну и ту же мысль?

“...мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества...”¹, “...поэтическое изображение русской действительности”², “...нравственную физиономию наиболее европеизвешегося в России сословия...”³, Пушкин “... поэтически воспроизвел русское общество того времени”⁴.

В процессе чтения статей В. Г. Белинского создается впечатление, что он хочет нас в чем-то убедить и подводит к этому постепенно. Действительно, в конце десятой статьи критик заключает: “В своей поэме он (Пушкин) умел коснуться так многоного, намекнуть о столь многом, что принадлежит исключительно к миру русского общества. “Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением”⁵.

Вот, значит, к чему подводил нас великий разночинец: “Онегин” - энциклопедия русской жизни!

¹ В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 496.

² С. 497.

³ С. 504.

⁴ С. 536.

⁵ С. 340.

* * *

Итак, энциклопедия - “круг знаний” в переводе с греческого. В отличие от научных энциклопедических изданий в интересующем нас художественном произведении только один автор, так что проблема энциклопедичности “Евгения Онегина” - в большей степени энциклопедичность знаний Пушкина. И первым об этом заговорил В. Г. Белинский в своих знаменитых статьях через 15 лет после написания романа в стихах и через 8 лет после смерти поэта. *“...Можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотою, ...как отразилась в “Онегине” личность Пушкина”*⁶. *“Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы”*⁷.

Не случайно среди знакомых, друзей, приятелей заглавного литературного героя те, кто в действительности окружал самого Пушкина. Так было проще писателю рассказать о людях, их жизни, обычаях, традициях, мыслях, о времени, в котором он жил, то есть о 20-х годах XIX столетия. Поэтому мы узнаем из повествования о реальных людях, современниках Пушкина. Это П. П. Каверин, П. А. Катенин, Ф. Толстой, К. Языков. Среди знакомых Татьяны ближайший друг Пушкина: *“К ней как-то Вяземский подсел”*. А кабинет героя поэт наполнил книгами из своей библиотеки. Все это реалии времени, причем для современников поэта многоговорящие, узнаваемые, а для нас не всегда имеющие отклик в памяти, не у всех вызывающие длинный ряд ассоциаций. Но в том и гениальность автора “Евгения Онегина”, что он незаметно для нас заполнил роман ароматом эпохи. История и литературоведение способны открыть читателю то, что ему может быть непонятно и недоступно. Прав Белинский: поэт сумел намекнуть о многом. Этот намек в 10-й главе “Онегина” столь прозрачен, что Пушкин не рискнул ее ни опубликовать, ни передать потомкам в первородном виде.

Разве не понятны были современникам иносказательности поэта?

“Певец пиров и грусти томной...” 3, XXX, 1.

“Один под финским небосклоном...” 3, XXX, 2.

О ком это? О другом опальном поэте - Е. Баратынском. В определенном смысле их судьбы очень схожи. В 1820-м году оба поэта под видом назначения попадают в ссылку: один - на север, в Финляндию, другой - на юг, в Молдавию. Пушкин признавал за Баратынским первенство в любовной элегической поэзии. Ему бы мог доверить Александр Сергеевич перевести с французского письмо Татьяны: “Свои права передаю тебе с поклоном” 3,XXX,8,9. Будучи сам в опале, Пушкин пытался привлечь общественное мнение к судьбе Баратынского. Меж-

⁶ В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 495.

⁷ С. 495.

ду строк сказал один Поэт о другом. Так же сказал он и о Грибоедове, то есть о его комедии:

“Талия тихонько дремлет..” 7, L, 5.

Талия - одна из муз, покровительница комедии. Этот жанр в 20-е годы прошлого века не процветал, а пьеса “Горе от ума” запрещалась в печати и постановке. Дремала талия вплоть до “Ревизора”, сюжет которого, кстати отметить, Гоголю подсказал Пушкин.

* * *

Читая роман в стихах, не раз сталкиваешься с именами языческих богов, в основном греческих и латинских. В чем здесь энциклопедичность Пушкина и его произведения?

Чтобы понять образность мыслей и намеки, которыми насыщен роман, нам необходимо обратиться к справочникам, узнать, что означают то или другое имя, название. Александр Сергеевич невольно заставляет нас обогащаться знаниями, расширять свой кругозор. А для просвещенных соотечественников поэта эти знания были нормой. С одной стороны увлечение литературой древней Греции и Рима было данью классицизму, с другой - в лицее, где учился Пушкин, да и в других учебных заведениях преподавались латынь и древнегреческий. Еще не закончен был “Евгений Онегин”, в свет вышла “Илиада” Гнедича. “Одиссея” в переводе Жуковского появилась позже. Однако в первоисточнике, на немецком или французском эти прославленные труды Гомера были доступны и известны читающей российской публике и до перевода их на русский.

Роман Пушкина усыпан именами из мифологии: Терпсихора, Зевс, Флора, Фортуна, Диана, Аполлон и т. д. Но это не просто слова - это образы. Терпсихору - богиню танца - поэт упоминает в связи с балетом и прославленной Истоминой, сравнивая её движения с полетом пушинки, поднятой Эолом - повелителем ветров.

Об обширных познаниях Пушкина в области древней литературы можно говорить утвердительно, перечислив хотя бы упомянутых в “Евгении Онегине” поэтов Греции и Рима: Гомер, Феокрит, Апулей, Ювенал, Вергилий, Овидий; исторических лиц и философов: Ромул, Регул, Гораций, Сенека, Цицерон; знаменитых итальянцев: Петrarка, Данте, Торкватто, Тассо; известных французов: Корнель, Расин.

В связи с древними именами позволю себе один пример из “Путешествия Онегина”, в котором Пушкин завуалировал и шутку, и иронию. Поэт говорит об отдыхающих на водах: “*Кто жертва чести боевой, кто Почечуя, кто Киприды...*” Как много рассказал поэт в двух строках о тех, кто приезжал на Кавказ лечиться, о сливках общества! О чем же мы узнаём? Жертвы чего торопятся “*жизни нить в волнах чудесных укрепить*”?

Еще не зажили раны героев 12-го года, “жертв чести боевой”. Тут все понятно. А **Почечуй, Киприда?** Давайте обогатим свои знания и подивимся таланту Пушкина, двумя словами развенчивающего своих светских соотечественников. **Почечуй** - так назывался геморрой - божество канцелярского образа жизни. **Кипридой** величиали **Афродиту**, в Риме именуемую **Венерой**, - богиню любви. Так вот кто отдыхал на водах Кавказа, жертвы геморроя и венерических заболеваний. Об этом **Лермонтов** и в прозе не смог так откровенно сказать, в своем “**Герое нашего времени**”.

* * *

Но не будем столь глубоко забираться в зашифрованность “**Евгения Онегина**” - это особая тема разговора. Подойдем к роману с другой позиции. Читает его наш современник. Кроме эмоционального и художественного впечатления, что еще приобретает сегодняшний читатель? Немалые знания. Знания о жизни начала прошлого века. Знакомится с тем, какое образование было тогда, интересы и занятия у светского человека, его развлечения, каким было дворянское жилище в городе и деревне, как велось хозяйство, какие интересы и занятия были у женщин дворянского сословия, как проходили балы, застолья, дуэли. Все это довольно подробно изучено в многочисленной исследовательской литературе. А положил начало изучению романа **Белинский**. Подробно расследовано им на основе стихотворного произведения положение женщины в России, этому посвящена практически вся девятая статья его знаменитого критического труда. А уж несколько строк из первой главы романа (“*Наследник всех своих родных*” II, 4., “*И уж заранее зевал, приготовляясь, денег ради, на вздохи, скучу и обман...*” LII, 8-10) вызвали пространное рассуждение **Белинского** о наследовании и отношении к нему дворянства, о родстве, обычаях и лицемерии в их соблюдении. Критик выступил защитником **Онегина**, которого читающая публика приняла за безнравственного человека. Эти обвинения, направленные на героя романа, адресовались и самому поэту. Крайнее неудовольствие у некоторой части читателей вызывали первые же строки “**Онегина**”: “*Вздыхать и думать про себя: когда же черт возьмет тебя?*” I, I, 13, 14. Но разве виноват **Онегин** в том, что он живет в безнравственном обществе? **Пушкин** правдиво рассказал русской публике о светском человеке, о принципах, о морали, главенствующих в дворянском сословии. Так было принято: “*вздыхать*”, “*обманывать*”, “*зевать*”. Не было принято говорить об этом. Надо было бы умолчать об истинных своих чувствах и назвать дядю благодетелем. Того требовал этикет. “*Какой же дядя благодетель, если Онегин был законным наследником его имения?*”⁸ **Пушкин** учил литературных героев и мыслить, и действовать

⁸ В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 514.

иначе, нежели это было принято до него. “*Нет, Пушкин поступил нравственно, первый сказав истину, потому что нужна благородная смелость, чтобы первому решиться сказать истину*”⁹. Много позже Салтыков-Щедрин в своих романах полностью развенчивал порочные принципы родства и наследования в России. Можно сказать, что сатирик продолжил написание некоторых статей “энциклопедии русской жизни”, которые начал Пушкин.

Народный фон, на котором происходит все действие романа, - это удивительная страница энциклопедичности “Евгения Онегина”. Не сразу смогли писатели освоить это достижение пушкинского гения в отображении художественной правды.

Толстой в эпопее “Война и мир” продолжил традицию многослойного описания жизни дворянства, столичного и провинциального, на широком социальном фоне. Народ у Толстого изображен таким, каким учил его рисовать Пушкин. У поэта были большие трудности: впервые он писал роман, мысли нужно выражать в ритме стиха, зарифмованные. Языком прозы объемный образ человека из народа Пушкин нарисовал в “Капитанской дочке” - преданного слугу **Савельича**. Но и в “Онегине” действует живой тип русской крепостной женщины, которую поэт научил говорить нормальными словами. Этот образ восхищал Белинского. “*В словах няни, простых и народных, без тривиальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взгляд на отношения полов, на любовь, на брак... Как хороши эти добродушные и простодушные стихи: “И, полно, Таня! В эти лета мы не слыхали про любовь, а то бы согнала со света меня покойница свекровь!”*¹⁰. Конечно, для нашего современного читателя уже привычно стало такое естественное, а не напыщенное выражение мыслей. После Пушкина писать иначе было невозможно.

Меня лично восхищает и удивляет умение Пушкина передать действительно энциклопедические данные из жизни народа в двух-трех строках. “*Да как же ты венчалась, няня? - Так видно бог велел. Мой Ваня моложе был меня, мой свет, а было мне тринадцать лет*” 3, XVIII, 5-8. Нигде более не встречал я столь обвинительных фактов социальной безнравственности. И если у Шекспира Джуллетта тоже была неполных четырнадцати лет, то Ромео, по крайней мере, был старше ее, да и жили они не в наших северных широтах, а в солнечной Италии, где очень рано “кровь закипает в жилах”. Но из романа мы узнаем, что раннее замужество в России было нормой жизни.

⁹ В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 516.

¹⁰ С. 554.

Буря и gloю небо кроет,
Вихри снежные крутят...

“Качая важно головою, соседи шепчут меж собою: пора, пора бы замуж ей!..” 4, XXIV, 5-7. Это “*пора бы замуж*” о семнадцатилетней Татьяне. Ее сестра Ольга именно в 17 лет и вышла замуж.

* * *

Действительно, как об энциклопедии начинаешь думать о романе, когда выписываешь из него имена. Их так много, что удивляешься, как сумел поэт наполнить таким количеством имен, упомянуть столько людей своего поколения и поколения отцов? Ведь написано художественное произведение о любви людей не выдающихся: история городского франта и сельской дворянки. Не могу сдержаться, чтобы не огласить хотя бы и неполный список поэтов, писателей, публицистов, экономистов, политических деятелей: Вальтер Скотт, Адам Смитт, Ричардсон, Байрон, Бентам, Гиббон, Матюрин, Руссо, Шатобриан, Де Сталь, Мармонтель, Парни, Льюис, Нодье, Луве-Де-Кувре, Коттень, Мальфилатр, Неккер, Сэ, Прадт, Виллер, Кант, Лафонтен, Манзoni, Озеров, Дмитриев, Богданович, Шаховской, Шишков, Дельвиг, Левшин, Языков.

“Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь” 1, V, 1, 2.

В этих строках больше иронии к себе и своим сверстникам. Широте знаний лицеистов может искренне позавидовать современный гуманист, лингвист, экономист, правовед, военный и гражданский служащий.

Вряд ли нынешний молодой человек может “потолковать об Ювенале” или “судить о том, как государство богатеет”.

А. С. Пушкин непринужденно вводит нас в круг чтения, а значит и интересов молодых людей. Если Татьяна зачитывается любовными романами, то Евгений восхищается романтическими похождениями герояев Байрона.

* * *

Четыре времени года описаны Пушкиным в “Евгении Онегине” во всей их противоположности и особенности, именно таковыми, какими они бывают в северной Руси, - с обильными снегами, лютыми морозами, крестьянином на дровнях, ямщиком в тулупе, коротким летом, распутицей. Описание русской природы нашло дальнейшее развитие в русской литературе XIX века.

Собственно, что такое энциклопедия - это свод знаний, понятий, по которым мы ориентируемся, которыми обогащаемся, с помощью которых имеем возможность сравнивать, сопоставлять. Хотите знать, какие прически были в моде в онегинскую эпоху? Пожалуйста. Городской щеголь, как Онегин, был “*острижен по последней моде*” 1, IV, 6, а провинциальный Ленский носил “*кудри длинные до плеч*” 2, VII, 14.

Конечно, Пушкин этим противопоставлением еще раз заостряет наше внимание на поэтичности натуры одного из героев и светской зависимости другого.

С романом в стихах пришел в нашу литературу типичный герой, представитель и выражитель идей определенного сословия. До Евгения Онегина мы не можем назвать такого героя, после - сколько угодно: **Печорин, Хлестаков, Базаров, Катерина, Чичиков, Рахметов, Обломов, Каренина, Карамазовы, Головлевы** и т. д. Они, как и Онегин, связаны, и неразрывно, со своим временем, действуют в обстоятельствах русской действительности, живут в русском обществе.

* * *

В четвертой статье о Пушкине Белинский, говоря о значении творчества двух поэтов (**Пушкина и Лермонтова**), отметил, что "...каждая строка, написанная их рукою, ...напоминает собою или черту их времени, или факт о их образе мыслей..."¹¹. Именно об этом и хочется сказать в завершение. Читая "Онегина", задумываешься над каждым словом. Для молодых людей, идущих за нами, уже будет совершенно непонятно выражение "заводской гудок". А когда-то он был деталью повседневности. Маяковский в детском стихотворении обращался к малышам: "*Вставай! Иди! Гудок зовет, и мы приходим на завод*". Заводской гудок будил наших отцов и дедов. А вот Пушкин рассказывает нам, что в начале прошлого века трудовых петербуржцев по утрам поднимал сигнал побудки, разносившийся из казарм гвардейских полков, которые располагались в разных концах города. "*А Петербург неугомонный уж барабаном пробужден...*" I, XXXV, 3, 4. В то же время про Москву автор "Евгения Онегина" говорит, что в первопрестольной рабочий люд поднимал церковный колокол. В четыре утра звонят к заутрене. "*И ранний звон колоколов, предтеча утренних трудов*" 7, XLII, 7, 8.

Пушкину с поразительной легкостью удается изобразить и светскую праздность, и трудовую напряженность народа. В то время как, пропрыгав на балах до утра, "*спокойно спит в тени блаженной забав и роскоши дитя*", "*Встает купец, идет разносчик, на биржу тянется извозчик, с кувшином охтенка спешил, под ней снег утренний хрустит. Проснулся утра шум приятный, открыты ставни, трубный дым столбом восходит голубым. И хлебник, немец аккуратный, в бумажном колпаке, не раз уж отворял свой васисдас*" I, XXXV, 5-14.

¹¹В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 340.

* * *

Говорить о том, что Пушкин был атеистом, я не берусь, но то, что поэт иронически относился к официальной религии, доказывают некоторые строки “Онегина”. Уже во второй строфе появляется фраза: “*Всевышней волею Зевеса наследник всех своих родных*”. Почему “Зевеса”? Почему не “бога”? Мелочь? Что это, слово для рифмы? Пожалуй, есть объяснение. “*И стаи галок на крестах*”, такое упоминание церкви в описании Москвы применил дерзкий Пушкин. Известно, что эта вольность вызвала неудовольствие московского митрополита **Филарета**, который жаловался **Бенкендорфу** на поэта, найдя в этой строке оскорбление святыни. Ясно, что для Пушкина упоминание языческого бога Зевса было ближе, как литературного героя из мифологии, нежели героя Ветхого завета, христианского бога.

* * *

“Энциклопедия русской жизни” - эту основную мысль В. Г. Белинского о романе “Евгений Онегин” хочется укрепить еще такими мыслями критика: “...эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение”,¹² “...как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей”¹³.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

Память ученичества настойчиво хранит в себе неприязнь к имени **Митрофан** как символу тупоумия, лени и злой неблагодарности. Во времена создания “Недоросля” имя это было достаточно популярным, ведь в переводе с греческого оно означает “похожий, показывающий на мать”. Другое дело, что образ госпожи Простаковой, созданный по законам классицизма, воплотил в себе черты литературного антигероя из рода Скотининых.

Традиция давать вымышленным персонажам говорящие имена оказалась очень живучей в русской классической литературе. Со времен Фонвизина она удивительно последовательно развивалась русскими писателями. Порой откровенно и даже прямолинейно (**Правдин**, **Держиморда**, **Счастливцев**), а порой завуалированно (**Репетилов**, **Базаров**, **Паратов**).

¹² В. Г. Белинский, соб. соч., Госиздат худ. лит., М., 1948, т. 3, с. 495.

¹³ С. 179.

I

Если Д. И. Фонвизин в “Недоросле” назвал свою героиню просто **Софью**, по-гречески “мудрость, разумность”, что и соответствует “немногословному, положительному персонажу, то **София** А. С. Грибоедова в “Горе от ума” вряд ли умна и разумна, предпочитая “дурака умному человеку”, по мнению самого автора. Давайте предположим, что драматург А. С. Грибоедов, уходя от традиций классицизма, давал героям своей пьесы случайные имена, не заостряя внимания на их значении. Однако этому предположению будут противоречить некоторые удивительные совпадения. **Фамусов** - достаточно редкая фамилия в русском языке и скорее всего является производной от латинского слова “фамосос” - известный, знаменитый. Пожалуй, так оно и есть. **Молчалин** молчит себе на уме, а князь **Тугоуховский** так и выведен на сцену почти совсем глухим со слуховой трубкой в руках. Нет! Все это не случайность, а, пожалуй, закономерность. Как же быть с Софией? Ответ у самого Грибоедова. В перечне действующих лиц она упомянута по имени-отчеству: **София Павловна**. Латынь подскажет, что **Павел** означает “малый”. Итак, у грибоедовской **Софии**, в отличие от фонвизинской, разумности-то и маловато.

Толкование имен просто необходимо для более глубокого понимания характеров и персонажей пьесы, всех тех гостей, которых А. С. Грибоедов приводит в гостиную **Фамусовых**.

Вот любопытная парочка - Горичи. Заботливая до назойливости супруга **Наталья Дмитриевна** и безвольно согласный со своей участью закрепощенного мужа **Платон Михайлович**. Усердная опека молодой жены понятна: он для нее пока игрушка, “*прелестный муж*”, “*дружочек*”, “*единственный*”, “*бесценный*”, “*ангел*”. Напускная суетливость вокруг здоровья суженого заложена автором в имя и отчество этой дворяночки: “*родная*”, “*плодородная*”. А вот называя отставного военного, лихого кавалериста **Платоном**, поэт, пожалуй, иронизирует, противопоставляя храбрость этого несостоявшегося московского коменданта хлопотливому усердию женушки: “*Платон Михайлович мой здоровьем slab... Все рюматизм и головные боли... Мой милый, застегнись скорей. Да отойди подальше от дверей, сквозной там ветер дует...*” Комедиограф Грибоедов с помощью имени мужа все это женское многословие легко преображает в насмешку, потому что сочетание **Платон Михайлович** переводится не иначе как “широкоплечий, равный богу”. И ведь, действительно, еще не так давно в полку “*лишь утро: ногу в стремя*”, и носится на борзом жеребце. Теперь же, сожалея о том славном житье, **Платон** - скучающий “*муж-мальчик*”.

Красноречиво имя еще одной гостьи, родственницы Софьи. Вначале мы узнаем, что это свояченица **Фамусова**, то есть сестра его жены. Драматург представляет ее среди действующих лиц как старуху **Хлестову**. А потом из уст Чатского мы узнаем, что она живет все так же, как “

лет сорок назад, и так же, как и ее любимая императрица, покровительствует юным девам. “*Все девушкой (!) Минервой (!) Все фрейлиной Екатерины Первой (!) Воспитанниц и мосек полон дом.*” Этой пожилой барыне поэт даст имя **Анфиса** - “цветущая”. Остроумно, не правда ли? О многом говорит и фамилия Софьиной тетушки. Владимир Иванович Даль нам подскажет, что в переносном значении “хлестать” звучит как бранить, ругать, поносить беспощадно. Вот этого в характере **Анфисы Ниловны** предостаточно. Цветущая в свои шестьдесят пять, она по-старушечки ворчлива, готова всех и вся честить. За весь вечер она ни о ком слова доброго не вымолвила.

Последний гость в доме Фамусовых - **Репетилов**. Болтун, столь увлекающийся в разговорах, что и секреты с увлечением разглашает и сплетни вдохновенно разносит. Для него нет разницы, кого позвать в “секретный союз”. И Чацкому, и Скалозубу одно и то же твердит он про Английский клуб. Да собственно, и фамилию придумал ему автор соответствующую: “репете” по-французски - повторять. Когда Репетилов не находит себе собеседника для своих рассказней у Фамусовых, то просит лакея отвезти его еще куда-нибудь. Что ж, к его фарсовым пересудам о завсегдатаях клуба прибавится живописная сплетня о сумасшествии Чацкого. Не стоит сомневаться, что он понесет ее по всей Москве. Не случайно Загорецкий признает его за себе подобного: “*Такой же я, как вы*”, - то есть “*переносить горазд*”.

В свою комедию А. С. Грибоедов вводит большое количество вне-сценических образов, которыми поэт населяет Москву, создавая объемную картину столичной жизни. Практически всем этим вымышленным героям автор дает имена-характеристики. С каким сарказмом именует он обитателей Английского клуба. Певец **Воркулов**, звать его **Евдоким** - “славный”. Гений-сочинитель **Удушьев**, правда, “он не пишет ничего”, хотя можно в журналах отыскать некоторые его опусы “*отрывок, взгляд и нечто*”. Такому ретивому писателю имя дано великолепное **Ипполит** - “распряженный конь”. Гостеприимный хозяин клуба всю ночь напролет готов поить шампанским и поддерживать весельем шумные заседания. Хватает же ему сил бодрствовать ночи напролет. Оказывается, именно “бодрствующий” и переводится имя князя **Григория**, к которому зазывает всех Репетилов.

О другом князе упоминает княгиня Тugoуховская, что будто бы тот, отучившись в Петербурге, в педагогическом институте

*Чинов не хочет знать!
Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.*

Почему же именно **Федор**? Да потому, что имя это на русский переводится как “дар божий”.

Княгиня Ласова, по словам Скалозуба, “*расшиблась в пух*”, свалившись с лошади. Недоставало этой избалованной наезднице кавалеров,

“теперь ребра недостает, так для поддержки ищет мужа”. У В. И. Даля можно прочитать, что “ласый” - значит сластолюбивый, живущий в роскоши.

Примеров тому, что действующие лица пьесы нарекаются драматургом говорящими именами, можно приводить много. И вот еще одно любопытное тому подтверждение.

Главный герой комедии - **Александр Андреевич Чацкий**. Имя и отчество его уже сами по себе характеристика: “храбрый, мужественный защитник”. Именно эта роль и отведена Чацкому: защищать нынешний век, обличая минувший. Однако его храбрость заключается лишь в том, что он не боится один выступить против Фамусовых и Скалозубов, заметьте: не Зубоскал, а Скалозуб. И таких скал, утесов, глыб (перевод имени Петр) предостаточно не только в прошедшем 18 веке (**Максим Петрович, Кузьма Петрович, Петр Ильич**). Защитником их философии “сгибаться вперегиб” является **Алексей Молчалин**. Это еще одна авторская шутка: двум противоположным героям даются похожие имена (“Алекс” - в переводе с греческого “защищать”). Два защитника двух разных жизненных позиций. Один молчит до времени, другой, по мнению автора, чадит (**Чадский** - орфоэпическое словотворчество Грибоедова по аналогии с **адский, людской**). “Чад - это дым без огня”, - объясняет в своем “Словаре русского языка” С. И. Ожегов. Обычно чад появляется от нехватки кислорода. Вот как! Кислорода не хватает молодому человеку в фамусовской атмосфере. Но виноват в этом скорее всего сам Чацкий. Это утверждал еще в 1825 году Александр Сергеевич Пушкин в письме А. Бестужеву: “Первый признак умного человека - с первого взгляда знать, с кем имеет дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и подобными” Итак, нет огня, нет кислорода - один чад. В русском языке от слова “чад” образуется прилагательное “чадный” - затменный, одурманенный, так объясняет его Ожегов. Чем же одурманен Чацкий? Любовью? Страстью обличительства? Ненавистью к глупости и раболепию? Понемногу и тем, и другим, и третьим. Все это признаки юношеской категоричности. Над нею ведь тоже посмеивается автор. То, что с первой сцены понятно нам, читателям, только к концу четвертого действия становится ясно Чацкому, настолько затмлен рассудок молодого человека максимализмом.

II

Драматические произведения 19 века - яркое подтверждение того, что русские литераторы широко использовали традицию классицизма придумывать имена и фамилии для характеристики вымышленных героев. Действительно, в такой сжатой эпической форме, как пьеса, имя становится дополнительным, а порой и основным определителем поведения сценических образов.

Вряд ли нужно что-либо добавлять к фамилиям из “Ревизора” Уховертов, Свистунов, Держиморда. А с помощью знаменитого словаря Даля мы дадим полную характеристику и другим действующим лицам. В живом великорусском языке слово “хлестать” (**Хлестаков**) используется кроме всего прочего еще и в значении “врать, пустословить”. А вот как в словаре комментируется первая часть фамилии городничего **Сквозник-Дмухановский**: “сквозник” - зоркий умом, проницательный человек, но при этом плут и пролаз” Можно только удивляться, насколько точен Н. В. Гоголь, придумавший своим героям именно такие фамилии. Вот еще тому один пример. Лука Лукич **Хлопов** - смотритель училищ. Хлопа - так называют в народе лгuna, враля, хвастуна, пустобая, сплетника, болтуна. Сегодня достаточно сложно говорить о тех причинах, которые заставляли драматургов выискивать из тысячи имен единственно нужное, а фамилии придумывать новые, говорящие сами за себя. И если у Фонвизина такие фамилии точно определяли характер и поступки персонажей (**Кутейкин, Цифиркин, Вральман**) и были понятны с первого прочтения, то писатели эпохи реализма расчетливо зашифровывали своих героев. Нам, живущим на удалении в сто и более лет и не владеющим латынью, древнегреческим и старым великорусским, практически невозможно без словарей раскодировать эти шифровки.

Заглянув в словарь имен, мы поймем, что не случайно А. Н. Островский называет **Кабанову Марфой**, а ее сноху **Катериной**. Первое имя переводится с арамейского “госпожа”, а второе - с греческого “чистая”.

С фамилиями персонажей в “Грозе” несложно сопоставить характеры их обладателей: **Тихон** - тих и безволен, **Кудряш** - лих на язык и на девок. **Дикой** и **Кабанова** сродни друг другу по дикости и свинству. Сложнее это сделать, анализируя психологическую драму “Бесприданница”. Хотя... Вот как можно пересказать фабулу пьесы, используя словарь Даля в качестве переводчика.

Два бряхимовских купца: один - молодой, обходительный, вежливый, приветливый, занимательный собеседник, словом, **вожеватый** человек; другой - пожилой, с громадным состоянием и от своего богатства и превосходства над другими похожий на кабана, крупного борова, или, как говорят в центральных губерниях, **кнура**, - решили поразвлечься, прощаясь с одним из своих товарищей, бойким, сильным, быстрым, в общем, **поратым**, как бы сказали в северных областях. Ну что за отдых без цыган и красивых женщин. И так хочется купцам, чтобы украсила их компанию **Лариса Дмитриевна**. Главное, и маменька ее не очень-то и против. Уж она-то сама умеет оплести, обольстить в собственных интересах кого угодно, а затем обмануть, провести, облапошить, как говорится, **огудать**. Так уже было, когда она выдавала замуж двух своих старших дочерей. Нынче она тоже пытается огудать купцов. Однако, против поездки за Волгу жених Ларисы. Но по сравнению с

местными богатеями этот женишок - экономически, да и физически недоросток, коротышка, или попросту **карандыш**. Так уж устроена жизнь, что для денежных мешков все доступно, все продается и покупается. И Лариса Огудалова для них всего лишь предмет удовольствий и развлечений, красивая вещь, попользовавшись которой и испортив, они по торговой привычке готовы продать ее. И получается, что с бесприданницей Ларисой Паратов поступает так же, как и с пароходом "Ласточка". Кстати, Лариса - по-гречески "чайка".

Но чтобы не сложилось впечатления, будто лишь одни драматурги использовали говорящие фамилии, стоит повнимательнее взглянуться и в прозу.

III

"Отцы и дети" И. С. Тургенева. С глубокой иронией отнесся Иван Сергеевич к последователям нигилизма в лице **Кукшиной** и **Ситникова**. Образы эти только оттеняют глубину ума и силу воли главного героя романа. **Евдоксия** - имя Кукшиной можно перевести словосочетанием "пользующаяся хорошей славой". Славой эта женщина пользуется, да вряд ли хорошей. Неопрятная, прокуренная, с "*побуревшими от табака пальцами*", болтливая и назойливая. Словарь Даля растолкует, что в народе "*дурно, неуклюже одетую женщину*" называют "кукшей". А еще добавляется, что в северном наречии **кукша** - это **шелуха, лузга, скорлупа**. Действительно, поверхностные знания Евдоксии и ее манеру общаться иначе, как шелухой, и не назовешь. Кукшинскому нигилизму под стать нигилизм Виктора Ситникова. В корне этой фамилии семантически заложено понятие "сито", то есть решето, пустота. Единственное, что из нигилизма задержалось в голове этого молодого человека, так это отрицание авторитетов, обо всем ином он и представления не имеет. А вот еще вариант дешифровки фамилии, по которой мы можем обратить внимание на важную деталь во внешности Ситникова. Так издавна называли людей пышных, полных, питающихся **ситным хлебом**. Остается поразмышлять над именем этого персонажа. Виктор - "победитель". Это что, излишняя высокопарность? Нет, авторская ироничность. Вспомним хотя бы последнюю реплику в романе об этом "победителе": "*Говорят, его кто-то недавно побил, но он в долгу не остался: в одной темной статейке, тиснутой в одном темном журнальце, он намекнул, что побивший его - трус*".

Удивительно точно, с восхищением и сочувствием поименована в романе **Анна Одинцова**, Анна - грация, миловидность. **Одинцами** же на Руси называли одиноких людей, бобылей. Она так и останется в памяти читателя грациозной, но одинокой дамой.

Ю. А. Федосюк, автор популярного этимологического словаря, предлагает интересный вариант происхождения фамилии **Кирсанов**, производя ее от греческого "хрисантес" - златоцветный. Великолепный эпитет для светского льва **Павла Петровича**. Посложнее выстраиваются ас-

социации вокруг имени главного действующего лица. Если Евгений - достаточно распространенное имя среди литературных героев и переводится звучно - "благородный", то с фамилией Базаров оно на первый взгляд и не сочетается. Это при условии, что базаром называют крик, шум, гам. Не сообразуются эти понятия с немногословным, спокойным Евгением Васильевичем. По другой версии, так нарекали родившихся в праздничный, базарный день. Пожалуй, и эта версия далека от авторской идеи. Но есть еще одна. На востоке России в некоторых языках "базар" означает "алмаз". Этот кристалл великолепен в огранке, бесценен в оправе и с практической точки зрения незаменим как суперпрочный минерал. Вот каков он, Евгений Васильевич Базаров - благородный, царственный алмаз. Так, исследуя происхождение фамилий героев, мы можем оценить и авторское отношение к создаваемым образом.

На заре цивилизации имена скорее всего соответствовали их обладателям или присваивались в надежде, что Ирина будет воплощать мир и покой. Мария станет любимой и желанной, Борису предстоит бороться за славу, а Петру быть крепким, как камень, и стойким, как утес. Так, видимо, происходило и в русской литературе, связанной с современным русским языком, начиная от эпохи классицизма. Но так же, как и нас теперь величают в честь кого-либо или совершенно случайно, так и писатели критического реализма постепенно отошли от традиции давать персонажам говорящие имена. Хотя периодически можно делать неожиданные открытия писательского творчества в области ономастики и у Ф. Достоевского, и у Л. Толстого, и у литераторов 20 века.

Александр
Куриленко

МОЙ ПУШКИН

Когда мой Пушкин вновь войдет ко мне,
Веками отдаленный от мирского,
Услышу я в звенящей тишине
Его стихов магическое слово.
Прожжет мне сердце пламенный глагол
Повенчанного с музою пророка,
И станет ожидаемый укол
Началом чудодейного урока:
Как быть великим в строчной простоте
Без вычурности, чванства и витийства,
Являя в первозданной чистоте
Великую культуру евразийства?..
Как приковать вниманье и сердца
К природе стихотворных превращений
И снисходить с улыбкой мудреца
До сути философских обобщений?..
Как быть слугой салонных героинь,
Не оскорбляя их метаньем чувства,
И слыть среди блистательных богинь
Единственным ревнителем искусства?..
Как презирать в себе шальную страсть
И быть в миру исчадием порока,
И жертвою безденежья упасть
В глазах судьбы, двора, семьи и бога?..
Как душу полюбить сильней лица
У юной легкомысленной супруги
И защитить любовь от наглеца
Ценою жизни и предсмертной муки?..
Как видеть знайным оком русский снег
И Русь, Петровой вздыбленную плетью,

И предсказать своим твореньям бег
Сквозь череду мелькающих столетий?..
Ответа нет ни на один вопрос:
Непостижим он, как сама природа.
Но знал одно с кипучей кровью росс -
Потомок абиссинского народа,
Что значит быть поэтом на Руси,
Являясь к ней в стихах единоверцем!
О время, имя Пушкина неси,
Как я несу его в душе и сердце.
Неси его при солнце и луне
Сквозь счет веков и праздный счет кукушки,
Чтоб слышал я в звенящей тишине,
Как вновь идет ко мне бессмертный Пушкин.

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТИ

Нам молиться бы дару благому,
Что совпали с природою в такт.
Жизнь могла бы пойти по-другому,
Если б звезды светили не так.

Нам слова Иисуса знакомы.
Счет векам мы ведем от креста.
Жизнь могла бы пойти по-другому,
Если б мы не распяли Христа.

Мы впадаем в тяжелую кому.
Беспощаден судьбы марафон.
Жизнь могла бы пойти по-другому,
Если б не было мора и войн.

Поклоняемся мы дорогому,
В детях близких своих возлюбя.
Жизнь могла бы пойти по-другому, -
Слава Богу, я встретил тебя!

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

*9 июня был акт. Мы плакали,
и государь прослезился.*

И. Пущин

Зрел по часам июньский день.
Стремилось время в бесконечность,
А на парадную ступень
Вбегала юная беспечность.
И выпуск, стянутый сукном
Мундиров, сшитых по заказу,
Жил в измерении ином
По высочайшему указу.
Уже получены чины
И сладкой негой сердце сжали,
И мнят дворянские сыны
Себя великими мужами.
И перспективы впереди
На счастье, славу и богатство...
Но что-то екнуло в груди
У впечатлительного братства.
И, слез высоких не тая
От чувств, скопившихся в излишке,
Не постеснявшись и царя,
Они расплакались, мальчишки.
Они - надежда и краса,
И гордость будущей России,
Не пряча влажные глаза,
Слезами юность оросили.
Учиться властвовать собой
Им предстоит теперь в разлуке
Мужать, встречая жизнь борьбой,
И помнить дружеские руки.
Теперь Отечество и Бог
Их за дела и думы спросят,
И государь к глазам платок
С монаршей важностью подносит.
Не знал он, статен и велик,
Что рядом, музою помазан,
Тот, кто за дерзостный язык
Им будет ссылками наказан.
Кто, пронеся нелегкий груз
Судьбы со многими грехами,

Прославит свой лицейский курс
Непревзойденными стихами.
А тот в рыдающем строю,
Потомок севера и юга,
Склоняет голову свою
На грудь единственного друга.

* * *

Как трудно жить в невысказанной муке
В среде полунамеков и смешков:
И шиканий врагов в придворном круге,
Лелеющем повес и пошляков.
Как трудно быть обласканным поэтом
И шутовской напяливать мундир,
И на балах порочным высшим светом
Быть в спину пробуравленным до дыр.
Сменил бы он блестящий лак паркета
На болдинский лирический ярем,
Но чести долг - параграф этикета
Ему велит явиться на прием.
За видной парой - чуткое слеженье.
Интрижными парами дышит зал,
И ловит он в зеркальном отраженье
Насмешников двусмысленный оскал.
Какой там вальс - властитель чувств парящих
Иль император танцев - полонез,
Когда во всех, на Натали смотрящих,
Ему мужчинах видится Данте!
В разгаре бал, а он накинул шубу,
И кони мчат по Невскому в ночи,
И он во тьме кусает молча губы,
И боль в душе такая - хоть кричи!
“Они еще поплатятся за это,
Я должен зло с лица земли стереть!” -
Он думает, а жерло пистолета
Дуэльного ему пророчит смерть.

Сквозь волнистые туманы
Пробивается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она.

ССЫЛКА ПУШКИНА

Он сослан... Какая немилость:
Суров высочайший указ.
И пыль деревенская впилась
В дорожный его тарантас.

Он сослан... Какое насилие
Над вольной и дерзкой душой.
Ликует, шипя, камарилья
Придворная в злобе большой.

Он сослан... Какое лишенье:
Запретны и дамы, и свет.
В крестьянках простых утешенье
Найдет ли опальный поэт?

Он сослан... Какая досада:
Невольника ношу нести.
А может быть, это награда,
Чтоб жизнь от дуэли спасти?

Он сослан... Какое броженье
В его голове мудреца,
И в сердце - простор и движенье,
И в мыслях - не видно конца!

Он сослан... Какое раздолье
Для духа его и ума.
И музे его слововолья
Поторствует вечность сама.

Он сослан... Какая свобода
Себе он и царь, и судья.
Он спорит с собой до восхода
От азъ добираясь до Я.

Он сослан... Он счастлив и полон
Работы, задора и грез,
И дивный михайловский полон -
Как манна для творческих слез.

* * *

Когда погибают поэты,
Стареет от скорби земля.
На варварский залп пистолета,
О господи, воля твоя.
Пути твои - страшная тайна
Под роком небесных светил.
А может, совсем не случайно
Ты судьбы людские скрестил?
Но где же тогда справедливость,
Коль гениев страшен удел?
Ведь знаю: сдаваться на милость
Поэт подлецу не хотел.
И голову гордо откинув,
Смотрел на молчанье небес...
Зачем ты родился, Мартынов?
Зачем ты приехал, Данте?
Поставлены скорбные свечки
Под ликом того, кто не спас...
И тычутся чёрные речки
Волной в сиротливый Парнас.
И голос мне слышится где-то
На дальних задворках планет:
“Когда погибают поэты,
Убийцам прощения нет.
Но так предназначено в мире,
Что рядом и слава, и смерть,
Но пуля чарующей лире
Не даст никогда умереть.
И в миг торжества озлобленья,
Заполнив собою просвет,
Рождается дар провиденья,
Рождается новый поэт!”
И верю я голосу свыше.
И вновь молодеет земля.
На всё под небесною крышей,
О господи, воля твоя!

МИРСКАЯ ЧАША

Мирская чаша движется по кругу,
И на спиралях свой отмерив срок,
Сменяют поколения друг друга,
Беря сосуд, что дал для смертных Бог.
Не заслонить уста рукою крепкой,
Не отвернуть в смятении лица:
Придется всем судьбы напиток терпкий
Испить из страшной чаши до конца.
И что внутри окажется, не знают
Ни те, кто пьет, ни тот, кто подает.
И яд, и желчь, и кровь, и пот бывают,
Бывают молоко, вино и мед.
Кому какой достанется напиток,
Такой и будет линия судьбы:
Одним - скитанье вечное кибиток,
Другим - бесславье суэтной борьбы,
А третьим - смерть на жизненном пространстве
Среди достойно выживших племен...
Страшна она в своем непостоянстве,
Мирская чаша - детище времен!
Уйдут эпохи, канут в Лету эры,
И состоится снова тайный пир,
И будет влагу с трепетною верой
Вливать в себя притихший новый мир.
Всевышний никогда не даст прогноза,
Но даст испить мирскую чашу вновь:
Одни хлебнут мучения и слезы,
Другие - счастье, славу и любовь.

САД КАМНЕЙ

В японском городе Киото есть “Сад Реандзи”, “Философский сад”, “Сад камней”. Состоит он из пятнадцати черных необработанных и разных по величине камней, разбросанных по белому песку. Столько указано в путеводителе. На самом деле замечаешь лишь четырнадцать. Пятнадцатого камня перед глазами нет. Его загораживают соседние. И так со всех сторон.

В. Цветов “Пятнадцатый камень сада Реандзи”

А есть ли он, пятнадцатый? Вопрос,
Ответить на который невозможно:
И да, и нет, - всё будет скрытой ложью
В саду камней.

Вот так же думал юноша-монах,
Впиваясь взглядом в черное на белом,
И мучила душа худое тело
В саду камней.

Зачем пришел ты, юноша, сюда
И ищешь зорким взглядом невидимку,
Кругами ходишь с мыслями в обнимку
В саду камней?

Что за загадка мучает тебя,
Когда ты смотришь в гениальный хаос
И на нее ответ найти пытаешься:
В саду камней?

- А как звучит хлопок одной руки?
Хлопок двумя руками всякий слышит...
Но тишиной гранит безмолвный дышит
В саду камней.

Ответ искал он в шорохе ручья,
И в песнях гейш, и в легком свисте ветра,
В слезах совы, но получил ответ он
В саду камней.

- Да это же звучанье тишины! -
Догадка, равнозначная прозрению...

Вот так пришло к монаху озаренье
В саду камней.

Пятнадцатый он тоже не нашел.
А может быть, не в камне сила сада,
А в человеке с философским взглядом
В саду камней?

Не мни себя ни мудрым, ни глупцом,
Признай в ином иную точку зрея,
И ты постигнешь чудо озаренья
В саду камней!

ОБРАЩЕНИЕ К ГОСПОДУ

Встречу нового дня я начну с поэтической мессы
В память всех убиенных в вековой исторической мгле.
Сделай, Боже, меня хоть на час секундантом Данте,-
И убийцей одним стало б меньше на грешной земле.
Должностей и чинов мне просить у тебя не пристало.
Но хочу, чтоб одну ты награду мне все-таки дал.
Подари мне любовь, чтобы гранью алмазной блестала
И которую б я сам на вечный возвел пьедестал.
Солнце дарит опять бесконечное щедрое злато.
Награждая природу, как талантом расцветшую дочь.
Сделай, Боже, меня хоть на день нескованно богатым,
Чтобы бедным поэтам я успел в этой жизни помочь.
Я пытаюсь дойти до спасительной веры истоков.
Только труд мой сизифов - собранье попыток пустых.
Отними у меня хоть на время немного пороков,
Чтобы мог приложитьсь с любовью я к ликам святых.

:

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Пахнет смертью в жилище пустынном.
Ветер в окна - холодный и злой.
Старый Рембрандт с холста мастихином
Соскребает испорченный слой.
Недовольный, ворчливый, дотошный,
Не смирившийся с ложью мазка,
Вновь упорно он пишет подошвы
Наstrandавшихся ног ходока.
Вновь рисует согбенную спину,
Ощущившую тяжесть грехов,
Чтоб последнюю в жизни картину
Отослать по дороге веков.
День и ночь он творит неусыпно,
Над библейскою притчей корпя,
В "Возвращении блудного сына"
О превратностях жизни скорбя.
Оплывают горящие свечи,
Воск, как слезы из гнойных глазниц...
Грешный сын, ты пришел издалече
Из объятий распутных блудниц.
Ты пришел, не надеясь на ласку,
Потерявший дорогу назад,
Но к тебе без брезгливои опаски
Потянулся отеческий взгляд.
Над тобой - умиленные руки
И лица всепрощающий свет...
Как вы, краски - художника слуги,
Понимаете Новый Завет!
Наливается в тело усталость,
Смертным одром темнеет кровать.
Одинокая скорбная старость -
Время камни свои собирать.
И, окинувши лет расстоянье,
В блудном сыне себя не тая,
Он картиной пришел к покаянию,
Возвратившись на круги своя.

* * *

Скажи мне, зачем в этом мире
Душой искривляемся мы
И праведность в ложном кумире
Всё ищем под знаменем тьмы?
Ответь, по каким коридорам
Гонимые страстью идем,
И скоро ль, орущие хором,
Пенаты покоя найдем?
Шараханьям нашим предела
Не видно в колене любом,
И в двери судьбы ошелело
Мы долбимся каменным лбом.
Не видим, не чуем, не слышим
Биение горячих сердец,
Заполнив душевные ниши
Мечтой, устаревшей вконец.
Отсутствует в нас прозорливость
В тисках своего бытия...
О где же твоя справедливость,
Создатель, Вершитель, Судья?!

Мы немы и глухи, и слепы
К посланиям звездных глубин.
Но мы-то - подобье и слепок
С тебя, мировой властелин.
Ты дай нам не манны небесной,
Не пять баснословных хлебов,
Дай мыслей в обители тесной
Уставших от праздности лбов.
Приблизь нас к любви и блаженству,
И, выдохнув слезно: "Прости!" -
Мы сделаем шаг к совершенству
В своем бесконечном пути.

* * *

В акварельной легкости заката
Нет тревожных сумерек примет,
И душа парением объята,
Жаждет очищенья от сует.
Где-то там, в сгущающейся сини,
Взором звезд пронзая тьму веков,
Сходишь ты ко мне, творец всесильный,
В виде серебристых облаков.
Замер я в торжественной минуте
Ожиданья чуда из чудес -
Тихого познанья самой сути
Благодатной мудрости небес.
Как хочу я слышать голос Бога,
Как хочу принять его урок,
Чтоб лежала звездная дорога
У моих усталых грешных ног.
Чтобы веры множилась твердыня,
Как основа сущего всего,
И слетала шелухой гордыня
С страждущего сердца моего.
Чтобы мог я искренне и просто,
Ощущая внутреннюю связь,
Посмотреть твоим лицом на звезды,
Ото всей души перекрестясь.

* * *

- Как же ты?..
- Я без души лето красное пропела!
- Ты всё пела? Это - дело.
Так поди же попляши!

И. А. Крылов

В разгаре мое безотчетное лето.
Всего и забот: наслаждаться и петь!
И стелет мне путь безбоязнь пустоцвета,
И голову кружит любовь-буйноцветь.
Не знаю тропинок, а трактами мерю
Свое семимилье душевных щедрот,
Слагаю поэмы и ближнему верю,
И вижу безбрежье небесных широт.
Оно не с овчинку живущему вдоволь
По полной программе судьбы ходока,
И пью вдохновенно я запах медовый
Надетого, будто корона, венка.
Я сил и надежд удивительных полон,
Но опыт увядших понять мне помог,
Что будет нелегким, и горек, и солон
Период похмелья - веселья итог.
Что делать: платить по небесному счету
Придется и духу, и плоти сполна.
И тихо готовятся кудри к отлету,
Становятся ближе родных имена.
Быть может, я пляской веселой отмечу
Приход листопада, унынье небес
И, как подобает, с почтением встречу
Тропу в философский загадочный лес.
В нем будут на ветках свидетели лета -
Плоды созиданья, собратья мои :
Удача и удаль, размах и победа-
Крылатой мечты маяки и огни.
Они мне дорогу в прозренье открыли,
В безбрежные дали сознанья маня,
Пусть станут мои стрекозиные крылья
Крылами, несущими в вечность меня.
Я, бренный, не буду цепляться за корни,
Чтоб в лете остаться во веки веков.
Пусть осень по-летнему душу накормит
Нектаром полыни для мудрых стихов.

КОЛОКОЛА РОССИИ

Царь-колокол никогда не звонил.

(Исторический факт)

Были вырваны с корнем
языки у глаголов набата,
Были сброшены вниз
те, что лили малиновый звон.
Что ж, Царь-колокол, ты
промолчал, не вступившись за брата,
За кремлевской стеною
оглохший от крика ворон?
Ты, я знаю, не мог,
ты молчал, как другие молчали,
И угрюмо смотрел,
как кружило вокруг воронье,
И сурово скорбел
о великой российской печали,
Разрывая на части
державное тело свое.
Твой язык онемел
от безумных российских пожаров.
Твой язык омертвел
от безбожных российских костров.
Полыхали они
в назиданье притихшему шару,
Разгорались они
в устрашение посадских дворов.
Ты, отлитый навечно
Великим Господним Полпредом,
За размер и за голос небес
нареченный Царем,
Был, как царь убиенный,
земному забвению предан,
Как изгой,
экскурсантами принят в наем.
Но тебя, исполина,
волшебные руки отлили,
Чтобы, даже немой,
ты воззвал к очищению от скверн.
За тебя, за Россию
радел в подземелье Илия,

С гор ливанских
молитвы творя об осадной Москве.
И прозрела страна,
ослепленная бурей безбожья,
И опять призвала
в колокольни своих звонарей,
И вернула домой
из гулаговской пасти острожья
Тех, кто верой омыл
оскверненное лоно церквей.
И в одном колокольном
горячем призывае набатном
Был и твой, великан,
не звучавший во времени бас,
И победу добыть
над врагом в испытании ратном
Нам помог услыхавший
слова покаяния Спас.
Мы вернем языки
воскрешенным певцам поднебесья,
Мы искупим свой грех,
возрождая Спасителя храм,
Чтобы в души лилось
в перезвоне малиновом песня
И не жег бы сердца
нам огонь исторических драм.

ПРЕДЗИМЬЕ

Смотри: усилилось движенье
К теплу чужбины птичих стай.
Зимы готовится вторженье,
Захочешь выжить, - улетай!

И, словно выцветшие зайцы,
В холодной мгле линяют дни,
И осень зябко греет пальцы,
Присев на иневые пни.

И солнце, в дымковом зените
Разрушить тщась плотины туч,
Закрыло до весенней прыти
Свое могущество на ключ.

Белеют крышные макушки.
А под напором каблука
Хрустят зеркальные горбушки
Свежепеченого ледка.

И клен, как прогнанный любовник,
Стоит угрюм и одинок,
И черный ежится шиповник,
Своей беды почуя срок.

* * *

Я люблю эту женщину, Господи!
Я пред ней в неоплатном долгу:
Ведь к ногам ее звездные россыпи
Постелить никогда не смогу.

Не одену в меха соболиные,
Не осыплю алмазным песком...
Но за нею дорогою длинною
По вселенной пойду босиком

Через черные дыры и тернии,
Через скопище страхов и бед,
По тропинкам, во мраке затерянным,
И неоновым трассам комет.

И ступни ободрав астероидами,
Наstrandавшись на Млечном Пути,
Ей скажу после вечности пройденной:
- Я пришел, я не мог не прийти!..

* * *

Подарит нам опять рожденье ночи
Свет дальних звезд и бледный лик луны.
Как в темноте твои сияют очи,
Каким огнем надежд они полны!
Как я горю в неведомом томленье
Придти на помошь скованным рукам,
И тает сердце в сладостном стремленьи
Свой преподать урок любви векам.
Мы в двух шагах от тайны мирозданья,
Невинны и наивны, и чисты,
И тянутся минуты ожиданья
У заповедной стартовой черты.
В твоих губах ищу свое спасенье
От скованности, страха, маеты,
И на меня глядишь без опасенья
Родная и доверчивая - ты.
И никого на этом белом свете,
Погашенном Создателем для нас.
Лишь ты и я, взаимной тяги дети,
Под неусыпным взором звездных глаз.
Как далеки от нас земные думы
О преходящих тяготах мирских,
И мир двоих, счастливый и безумный,
Не признает вмешательств никаких.
В нем всё для нас: пылающие губы,
И жар, и дрожь, и кольца нежных рук,
И божий свет - житетский, пошлый, грубый
Не может взять влюбленных на испуг.
Всё по колено: море, горе, время
Пьяненным высшим чувством прозапас.
И звездное задумчивое племя
Взирает снисходительно на нас.

.

НЕЖНОСТЬ

Под какою звездой я тебе признавался в любви
Средь лохматых сиреней, дышавших мне в щеки дурманно?
Я не знаю, но помню, что жгучие губы твои
Были выше того, что насущно, потребно, желанно.
Я мечтал исповедать невинную робкую суть,
Прикоснувшись к устам твоим в страсти горячей,
И за тайный предел, распахнувшись душой, заглянуть,
Чтобы стала она в безграничии чувственном зрячей.
Чтоб увидела то, что дороже крылатой мечты,
То, к чему неосознанно сердце стремится:
Первозданный исток неподдельной земной красоты,
Из которого раз только в жизни мечтаешь напиться.
Пью и пью до сих пор вдохновенно твою чистоту,
Изыная всечасно от светлой и радостной жажды,
Постигая уроками жизни судьбы правоту,
Что дается нам счастье святое однажды.
Звезды смотрят в окно, охраняя твой сладкий покой.
В нем слились воедино доверие и безмятежность.
Я знамением крестным тебя осеняю рукой,
Уходя в запределье с высоким названием “нежность”.

* * *

Вы уходите смело, не робко,
Как царица, добившись победы,
И горит сладострастия тропка
Под ногами воинственной Леды.

Окунаясь в лебяжью перину,
Вы из пены взошли Афродитой
На мою раскаленную спину,
Из любви и желанья отлитую.

В зоревом наслажденье стеная,
Вились вы, как свободная птица,
Молодая нагая Даная -
Откровенного пламени жрица.

Умолял я: “Любимая, где вы?”
Но лукаво мне строила очи,
Искушение грешное Ева,
Убыстряя течение ночи.

Опливали и таяли свечи
От сверкания глаз Нефертити,
И спускались на груди и плечи
Золотые рассветные нити.

Билось солнце в хрустальные дверцы,
Ощущив благовонья Суматры,
И восторженно екало сердце
От смертельной любви Клеопатры.

Стало утром холеное тело,
Как в огне обожженная глина.
И ушли вы походкою смелой
Нераскаившейся Магдалины!

* * *

Склони свою голову мне на плечо,
Побудь беззащитной в объятьях опоры
И на ухо слово шепни горячо,
Которое в сердце уладит все споры.

Мы к осени сделали первый шажок:
Хотя еще жить бы да жить, припевая,
Но волосы тронул неровный снежок, -
И, значит, не будет зеленого мая.

Он был безмятежен, и лето прошло
Такое, что в памяти счастьем осталось.
Мы впрок запасали с тобою тепло
Для зимней поры под названием старость.

На небо нам рано с тревогой смотреть,
Туда, где квартиры бронирует вечность,
Но первые листики стали желтеть,
И, значит, не надо вдаваться в беспечность.

Мы тоже однажды в аллее судьбы
С тобой окунемся в игру листопада,
Не вымолвив праздное слово мольбы,
Прося о возврате цветущего сада.

Пусть будет что будет, склони на плечо
Мне голову, будь теплотою согрета,
Порадуйся тайно, что с нами еще
Не ранняя осень, а сумерки лета.

*Валерий
Любушкин*

* * *

А Пушкин не канул в вечность,
В беспамятство быта и снов,
Хоть звёзды уходят в млечность,
Но к нам возвращаются вновь.

Курчавый знакомый профиль
Дороже сиятельных лиц.
Стихи, зарисовки, строфы
Струятся с бессмертных страниц.

А жизнь то расцвет, то ветхость,
И хочется всё вопрошать...
Но Пушкин для нас неизбежность
Прекрасное приумножать.

Апрель 1999 года.

* * *

Расскажи мне, лесной коростель,
Про чащобу, речные запруды,
Про растущую в ночь повитель
И повисшие звезд изумруды.

Протянулся сверкающий шлейф
От кометы, супруги Перуна,
Души стонут, в тоске созрев,
Как поющие стланика струны.

Мне так тяжко любить и дышать,
И покоя все нет в одночасье,
Будут женщины в муках рожать,
Кони ржать и носиться от счастья.

Ах ты, молодь лесов и полей,
Красок, звуков и тайны свидетель!
Как кричит, причитая все злей,
Уходящая нежить планеты.

Я тащусь по измокшей траве,
Скоро кончится бег ее рваный,
На измятой ногами траве
Обозначился след покаянный.

Неужели в тупик мы зашли,
Неужели абсурдом закончим...
Хоть приносят надежду дожди,
Но настигнет безжалостный гончий!

В поле чистом серебрится снег волнистый...

* * *

Пушистая елка
Расправила крылья для счастья.
В ней зелени столько,
Что нет и как будто ненастия.

В ней столько мороза,
Веселого духа застолья,
Что тает угроза
Смолистою каплей настоя.

- И звезды, танцуя,
Раскроют нам вещие знаки,
Секрет поцелуя,
Улыбки тепло в полумраке.

Спасибо зеленой
За свет, воссиявший как прежде,
Моей опаленной
Судьбе - Вифлеемской надежды!

Январь 1999 г.

* * *

"Наступало вербное воскресенье... "

У вербы набухли почки. Она в ожиданье рожденья
Зеленои листвы запашистой, надежда - не прошлый снег.
И все учащеннее сердца восторженное биенье,
И все сумасшедшее стрелки по кругу любовный бег.

Природа - она вешунья, предчувствует зиму и холод,
Что вскоре нагрянет лето, черемуха дышит весной.
Но человек - вот загадка. Он древний запутанный город,
Вместилище тайн он и песня, тропинка в глуши лесной.

Какой ожидается вечер? Тихий, спокойный, вербный...
А может, с грозою и бурей, где души играют в молчок?
Признаюсь с улыбкой грустной, и Вы мне на миг поверьте
Бег жизни не остановишь, хоть кончил крутиться волчок.

А в мире сияет солнце, и радуют смехом дети,
Конечно, беды растают, на время исчезнут, дружок.
Как веет прохладой с поля в денечки апрельские эти
И катит под скрипку Вивальди беспечный любви возок!

* * *

Людмиле

Упоительный шорох дождя
Мне сегодня о чём-то напомнил
И сиренью тревожно дыша,
Ворошил мою душу, неволил.

А потом с туеском, без гроша,
Он по крышам весь день барабанил,
Как шаман, над костром ворожа,
То плясал, то шептал, то гнусавил.

И я вспомнил про нашу любовь,
Про вечерний закат и криницу,
Про журчащую музыку слов,
Утро раннее, в речке зарницу.

Про зелёный шатёр до небес,
Где гуляют улыбки и смехи,
Где из радуги красок замес
Пейзажистам укор и помеха.

Ах, как голубь воркует в гнезде,
Белоснежкой своею доволен,
И бежит по земной борозде
Захмелевший ручей из неволи.

И не верится мне в этот день,
Что должник у безжалостной гостьи,
Что не будет грустить милой тень
На моём придорожном погосте.

08.01.1998 года.

* * *

Тропинка петляет меж елей,
В ней жизни теряется след.
В Михайловском, в царстве метелей,
Опальный тоскует поэт.

На версты сугробы, заносы,
Позёмка зовёт на погост,
Зимы проступают угрозы
В тревожном узорочье звёзд.

Поедет в Тригорское гостем
(От Вульфов прислали ответ).
Еще не пробило и восемь,
А в окнах давно уже свет.

Он, словно надежды касанье,
Приветливых глаз огонек,
Семьи дружелюбной посланье
И слова сияющий слог.

Остроты, беседы, романсы
И танца торжественный тур.
Рождаются с легкостью стансы,
И царствует в доме Амур.

Кто с тайны срывает рогожу,
Тот правду не может сгубить.
Но истина все же дороже,
А память ничем не убить.

Провинция, муз, шалуны
Любовь воскресили вдвойне.
В Тригорском опять полнолунье,
И свет канделябра в окне.

Февраль 1999 года.

* * *

“...Изысканный бродит жираф”

Н. С. Гумилёв

Поэт российский Ника Гумилёв,
Высокий, с чуть косящими глазами,
Бесстрашно шел на африканских львов
С молитвой и волшебными стихами.

Он бредил приключениями не год,
Влюбившись в деву с горестной улыбкой,
Но Аня Горенко - сердечный код,
И тайна, ставшая мечтою зыбкой.

Он - денди-шут и рыцарь-доброхот,
Высокомерен и раскрыт для Бога,
В нем жив герой из древних саг и од
И мастер поэтического слога.

Кавалерист на фронте мировой,
Всегда простой в общении и дружбе,
Он был с избранныками только свой,
По духу друг и сердцу - не по службе.

Достоинство - его великий дар,
А честь не променяет на карьеру,
Тerror в стране пылает, как пожар,
Окрашенный в кровавую химеру.

И следователь, некий Якобсон,
В штанах из кожи, мерзкий кровопийца,
Обрек поэта на смертельный сон,
Он и Агранов - гения убийцы.

Россия, гибель эту не забудь!
Финал кровавый - сатаны свершенье.
“Иду к Тебе... Иду в последний путь...
О Господи! Прости мне прегрешенья!”

Февраль 1997 года.

ОКЕАН ЛЮБВИ

Посвящается З.Х.

Я упливаю в океан любви,
Он весь из бурь и таинства желанья.
Его предназначение - губить,
Любовь и смерть - вот наши ожиданья.

А волны так бросают вверх и вниз!
Девятый вал и страсть сродни друг другу,
И гибельный восторг не легкий бриз,
Скорее чувств надежная подпруга.

Вдруг мачта рухнула... и бриг на дне,
Иду ко дну - нет шансов на спасенье...
Из сил последних устремляюсь к ней,
Любимой, весь в порыве притяженья.

Она как путеводная звезда,
Маяк в любви, спасительная ниша,
Она - тепло души, а иногда
Желанный берег, где поет затишье.

Меня влечет ее сердечный ритм,
Сиянье глаз и нежные колени,
Я поцелуюм приникаю к ним,
Обняв руками, их счастливый пленник.

Мрачнеет надо мною небосвод,
Еще блуждать в любви мне и бороться,
Пусть длится испытание не год,
Я тот моряк, который не сдается!

Сентябрь 2000 г.

* * *

Дождик непрерывно с неба льёт,
Пелена собою мир собой застлала...
Над кварталом музыка плывёт,
И она меня врасплох застала.

Лет прелестной более полста,
Но душа по-прежнему живая,
И всплывает в памяти звезда
Юная, прекрасная, нагая...

Я забыл про возраст и дела,
Весь промок до нитки, замирая,
Кажется, что песня увлекла
В домик, где любовь царит, играя.

Но кольнёт пронзительно внутри,
Сердце вдруг в восторге оборвётся,
Музыка, со мною не дури...
Мне ещё удача улыбнётся.

Дождь прошёл, и так свежо окрест,
Дышится, цветок в саду взбодрился,
И сквозь серый занавес небес
Солнца луч к ногам моим спустился...

Август 2000 года.

Закат спустился на зубчатый лес.
Усадьба погрузилась в дрему снова.
И благовест на мир крестьянский весь,
А в нем Руси молитвенное слово.

Вот сумерки собой одели бор,
И тишины дыхания не слышно.
Кругом покой. Закончен жаркий спор.
Вдруг пауза- и песнь струится свыше.

Гортанный низкий голос в ночь поёт,
То “Невечерняя” царит на свете.
Как упоителен её полет,
Какая боль, какая грусть в победе...

В нескладной полной женщине навзрыд
Рождается мелодия такая,
В ней божества восторг и чувства взрыв,
И кажется, что песнь звучит святая.

Но вслед за этим страстный скрипки взвизг,
Цыганка не поёт, а в плаче бьётся,
Как будто наступил смертельный риск
И сердца бег от страсти оборвется.

И слушает античный полубог
Цыганку Варю, Вареньку, сивиллу.
Золотокудрого звать Александр Блок.
Разлука с жизнью- расставанье с милой.

Но песня стихла... Утро настаёт.
И на панель уходит незнакомка.
А рядом кто-то мерзкий ржёт и пьёт,
Рыгает в стол и матерится громко.

Декабрь 1996

* * *

Гуляет важно по аллее граф,
Орлиный нос, камзол, трость в изумрудах.
Поляна вся в ковре из мятых трав,
И с веток нависают яблок груды.

В короне солнца на пригорке дом
Укрыт сиренью, паводком ирисов,
Раскрыт наполовину пухлый том
О де Грие с его сердечным риском.

Из окон вдруг доносит ветерок
Девичий голос, скрипки перепады.
О чём смычком поведает игрок,
Что шмель степенный прожужжит руладой?

Но не раскрыл нам тайны той клавир,
А рай исчез, усадебный,.. исконный ...
И смотрит он со стареньких картин
Глазами Богородицы с иконы.

Я тоже б выбрал век Екатерин,
Амурных взлётов, подвигов, амбиций.
За честь страдающий гардемарин
Моей России и императрицы!

Декабрь 1998 года.

* * *

На неприметной речке Чёрной ...
Какой нам выпал год и век !
В тот день для всей России скорбный
Кровь обагрила белый снег.

Страстей слепых игра, интриги
И смертоносный пули суд
Вдруг так пронзительно и мигом
Нить жизни грубо оборвут.

Но не обманешь смерть с косою...
Коротким стал страданий шлях...
И шла Россия к нам бosoю
В слезах... Да так и не дошла.

Я в храм войду с душой смиренной,
Свечу поставлю и зажгу
И помолюсь за убиенных,
За тех, о ком Христу скажу...

На незабвенной речке Черной
(Смешались в горе день и век)
Упал, чтоб стать звездою горней,
Курчавый смуглый человек.

Февраль 1999 г.

* * *

*“Ты одна мне помоиць и отрада,
Ты одна мне несказанный свет”.*

C. Есенин. Письмо матери.

“Матушка, открой-ка двери в сени!
Отзвучали крики птичьих стай,
Из Москвы я, твой Сергей Есенин,
Заявился на домашний чай...”

В клетчатом пальто, цилиндр помятый,
И в руке блистаёт лаком трость,
От лица пахнуло мёдом, мятой,
На ладони винограда гроздь.

Нет дороже очага родного,
Как приветлив из трубы дымок!
И в углу, где печь встречает снова,
С щами ждёт трудяга-чугунок.

А напротив с шишаками койка,
Тёмные иконы, образы..
На окне взлетает в клетке сойка,
На столе цветов степных краса.

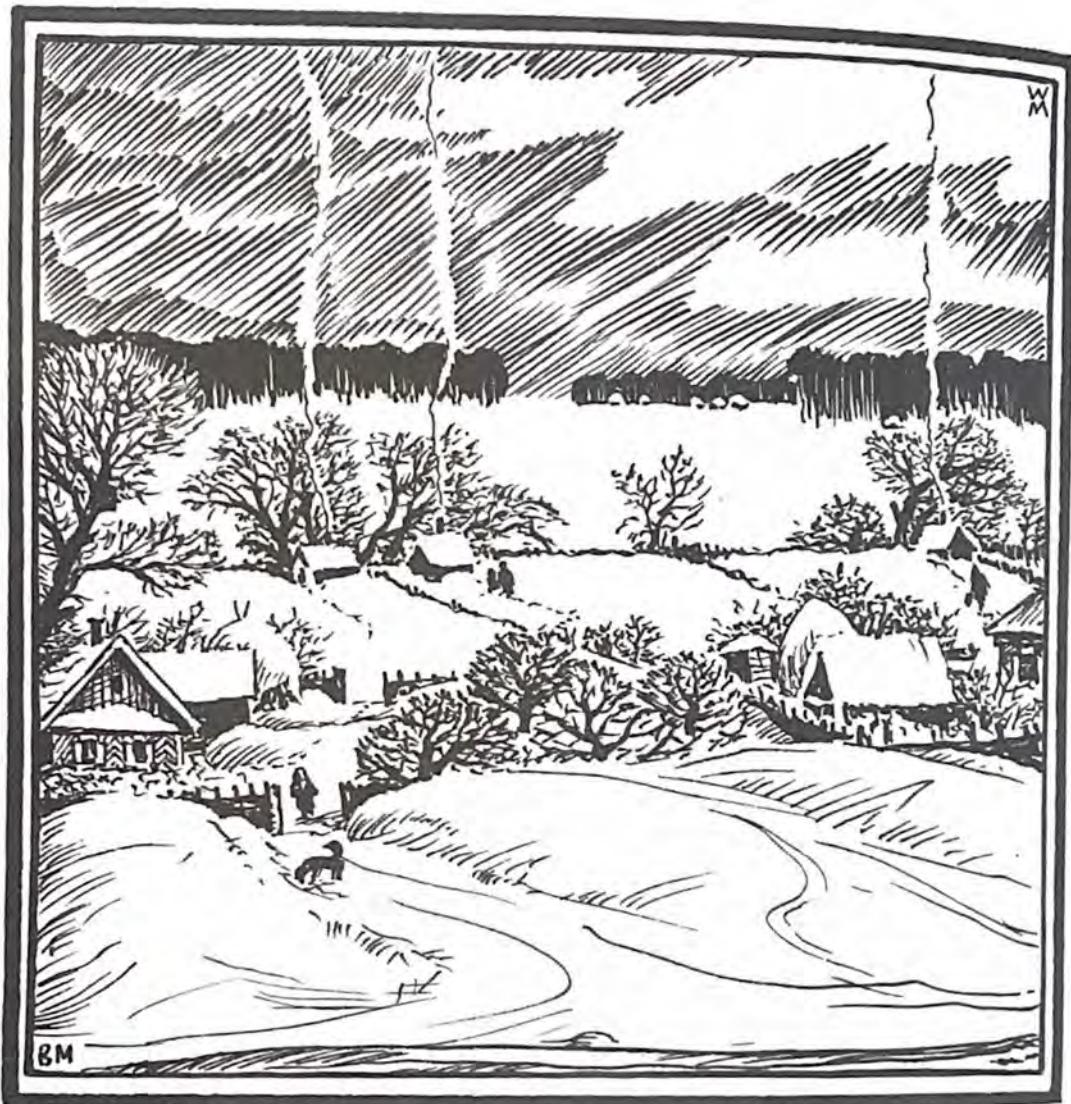
Он не ведает, что власть марксистов
Захлестнёт удавкой жизнь его,
А пока все так уютно, чисто,
Кот заснул, поёт веретено...

Мать есть мать. “Серёжа, мой сыночек!
Я связала для тебя носки,
Чтоб морозных и холодных ночек
Не боялся, как лихой тоски...”

Заскрипели ходики спокойно,
Призываю отдохнуть и спать.
Мать задула лампу и невольно
Вдруг слезу смахнула на кровать.

И забылся в сне её беспутный,
В детстве утопая, как в лугах,
Завтра утром день наступит судный,
Боже! Пожалей людей и птах!

Сентябрь 1998 года.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей.

*Василий
Манзя*

СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД

Изоповелла

В густой синеве ночного неба ярко горят крупные звезды. Ночь теплая и тихая. Такая тихая, что если прислушаться, то можно услышать, как звучит Мирозданье, нависшее над Землей лазурной тюбетейкой в бисерных узорах. А мне кажется, что это гармоничное звучание доносит к нам свет далеких созвездий. Неведомая благозвучная музыка выражает психические движения души, усиливает впечатления и рождает интересные мысли.

Не счастье всех звезд небесных. Многие из них наблюдались людьми ни одно тысячелетие до нас. Мы тоже их видим и знаем. Они по-прежнему лучатся. Но может оказаться, что некоторые из них давно уже потухли, а свет их все еще идет и идет к людям из мирового пространства. Мы же, глядя в небо, до сих пор представляем их бушующими огненными океанами.

Люди тоже, как звезды. Многие давно уже ушли от нас, оставив человечеству свой след - добрые дела и светлые мысли. Мы любуемся их творениями, отогреваем у живых источников сердечного человеческого огня свои души и говорим: "Они и сейчас живут с нами".

25.04.1999 г.

Миниатюры и изоповеллы

НЕБЕСНЫЕ СЧЕТЧИКИ

Каждый раз, встречая рассвет, я восхищаюсь размахом розовых крыльев зари над синим взором планеты. Наблюдаю, как, наполняясь днев-

ным светом, меняет небо пленительные разливы акварельных красок. Любуюсь и никак не могу вдоволь насладиться на нерукотворную живопись. Одно только хочется сказать, что зорь не бывает грустных.

Всегда радуюсь утренней. Она зажигает и дарит людям новые дни с чистыми замыслами и высокими свершениями. Хоть и гасит вечерняя заря всякий день, вычитая его из отпущенного нам времени, я все равно ей рад, особенно когда после умственного и физического напряжения подвожу итоги своего труда. В такие минуты меркнущие краски пылающего заката действуют успокаивающе, душа и тело отдыхают. Любуюсь земными зорями, мы невольно замечаем, что они, словно небесные счетчики, неумолимо отсчитывают убегающие наши дни.

КРАСОТА - ВЕЧНАЯ

У каждого человека на все должна быть своя точка зрения и свой горизонт. Одни видят больше, лучше и дальше, другие - ближе, меньше и хуже. Когда пассажиры, летящие в самолете, поднялись над облаками, то все увидели горизонт облачного массива с одной точки зрения. Получилось, будто небо всех уравняло?

Но я радовался, что печать уравнения лежала не на всех лицах, что люди по-разному воспринимают непривычную, не похожую на земную, прекрасную заоблачную бесконечность. Хорошо, когда, любуясь одним и тем же, мы можем обогатить друг друга своим восприятием и впечатлениями от увиденной красоты. Она же от этого станет еще красивее, значительнее и вечной.

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Жизнь человека складывается из двух равных между собой частей. Правда, эти доли у всех разные. У одних они короче, у других - длиннее.

Слабое маленько тельце родившегося человека растет, вооружается знаниями, развивает физическую и духовную силы, а когда он получит то, что удалось ему усвоить из отпущенного свыше, заканчивается первая половина жизни.

Теперь он начинает расходовать приобретенное. Но только у рачительных людей вторая половина жизни остается равной первой. Когда физические силы растратаются быстрее остального, организм стремительно слабеет и стареет. Вот тут-то и начинают проявляться все недуги, которые тоже были приобретены в начале жизненного пути. Они же и укорачивают его. Наступает пора досадных огорчений.

Умудренный опытом человек только прозрел и понял, как нужно делать лучше всего созданного ранее, но не до того... И становится до слез обидно от того, что окрепший дух и просветленная душа вынуждены покинуть немощное и бренное тело. Но эту прискорбную разницу между первой и второй частями жизни многие создают сами себе.

МОЛИТВА

Благодарю тебя, Господи, за красоту и гармонию всего Мироздания, созданного Тобою! За красоту Земли нашей и всего сущего на ней - от маленькой былинки-травинки до могучих лесов, плодоносящих нив и садов, от маленькой букашки до человека - все созданное Тобою прекрасно и совершенно.

Благодарю Тебя за данную мне способность видеть, чувствовать, понимать и передавать нерукотворную красоту в картинах цветом, в рисунках линиями, в книгах словами.

Пусть прочитавшие написанное мною прозреют сердцем и душою, чтобы открыли вокруг себя божественную исцеляющую природу родного края и познали радость созерцать красоту бессмертную.

НЕРЕИДА

Тысячи лет лежал в поле камень-валун. Потом рядом прошла дорога. И после этого еще не одну сотню лет пролежал он на обочине проселка. Мимо проходили и проезжали люди. В летний день, чтобы перевести дух и отдохнуть в пути, возле валуна останавливались древние старцы.

Странники отряхивали пыль со своих котомок, садились на теплый камень и закусывали тем, что Бог послал. За века ветры, выюги и дожди так отшлифовали его бока, что они для рук путника казались всегда теплыми, гладкими и даже мягкими, словно человеческое тело.

Через много лет после первой встречи с запомнившимся камнем, отдаленно напоминающим женскую фигуру, мне снова довелось проехать по этому проселку. Проехал и удивился, когда на знакомом месте не оказалось валуна.

Позже в близлежащем селе один дедушка рассказал вот что: "А тот камень-валунец увез внук мой. Он художник. В академиях обучался. Он, говорят, расколдовал тот камень и освободил из плена, не знаю какого, прекрасную деву. Сказывают, что она точь-в-точь похожа на его жену. Я не видел, так как ту скульптуру у него взяли в музей, в боль-

шой город. А наши сельчане, которые видели, говорят, что она как живая и даже тело ее теплое, только спит".

Слушая рассказ деда Максима, я вспомнил красивый миф о Пигмалионе и Галатее. И как тут было не поверить, что скульптор изваял ее спящей только потому, что жена его Людмила как две капли воды была похожа на Нереиду, расколдованную из придорожного валуна.

ЯЗЫК КОСМОСА

Говорят, что музыка - это звучащие мысли и чувства людей, льющиеся из самой глубины сердца. Но чтобы их выразить, в земных языках нет нужных слов. Зато всю палитру наших душевных переживаний прекрасно выражают всего семь нот. Мне кажется, что эти семь звуков представляют собой весь алфавит космического языка.

Если это так, то более прекрасного и более совершенного языка уже не может быть во всей Вселенной.

ЗЕЛЕНЫЙ МОНУМЕНТ

Однажды, в годы армейской жизни, мне довелось увидеть в Прибалтике огромный многовековой дуб. Местные жители называют его царским и утверждают, что дерево это посадил сам Петр Первый.

Разглядывая кряжистый ствол с испещренной замысловатыми морщинами коры и широко раскинутые в густой синеве, будто выкованные из меди, ветви, я подумал, что зеленый силуэт густой кроны на фоне неба и впрямь сильно напоминает царский профиль с картины Серова.

С моря дует штормовой ветер. Навстречу ему с непокрытой головой идет Петр. Его волосы разеваются, как ветви дуба.

В следующее мгновенье я уже любовался не дубом, а монументом, изваянным природой. Вдруг мелькнула мысль - возможно ли такое, что деревце, посаженное человеком, помня его черты, всю свою жизнь создавало полюбившийся образ? Разве это не чудо?

ОДНИ ВОПРОСЫ

Почему, разливая медовый аромат, так нежно ласкают луговые травы человека, прилегшего среди них отдохнуть? Почему они, питая все

живое, безропотно отдают свою плоть для создания новых жизней и бескорыстно исцеляют от недугов? Наконец, почему многие образцы из царства Флоры названы человеческими именами или праздниками, характерными для представителей Faуны?

Многие знают целебные свойства вероники и девясила, мать-и-ма-чехи, лилии и молодила, зверобоя и любки, василька и маргаритки, плакуна и незабудки, эфедры и кровохлебки. Их перечень можно продолжать без конца.

А не потому ли, что матушка Земля создает растительный мир из праха наших предков и всего жившего до нас? Тогда со временем прах и написавшего, и читающих эту миниатюру тоже расцветет аиром, заманихой, волчьим лыком или нальется алыми плодами древа познания добра и зла.

В ВЕЧНОМ БОРЕНИИ

Смотрит человек на березу, склонившуюся над водой, и думает: выросла такая кривая, что ни столбика, ни полоза для санок не вырубить. А другой любуется этим же деревом и видит в нем зеленоокую русалку, которая разглядывает свое отражение в зыбком зеркале реки.

На опушке соснового бора в желтых сарафанах и красных платках стоят березы с осинами, а издали кажется, что это девушки, ожидая своих ухажеров, водят пламенный хоровод. Каждый человек по-своему видит красоту окружающего его мира. Разные души - разное видение.

На небольшой высоте, рядом с озером, стоит дерево, на долю которого выпало испытать жестокие удары судьбы. Вот и не выдержали старые ветки в рукопашной схватке с налетавшими стихиями. Обломали злые ураганы кудрявую корону.

Теперь мне кажется, что дерево похоже на уставшего жить старца. Стоит оно, подняв корявые руки-сучья к солнцу, и умоляет светило, чтобы злой рок не стал губительным для молодой осинки, чтобы быстрее окрепли ствол и ветви деревца, которое поднялось и в рост пошло от корней его.

А надвигающаяся гроза уже треплет корону, гнет до земли неокрепший ствол. Всеми своими силами старое дерево старается смягчить удары новой беды, защитить молодое деревце, словно мать свое дитя...

Вот какие мысли пришли мне в голову, когда я увидел пейзаж с одиноким старым деревом на берегу озера. Этот мотив и подсказал мне композицию новой гравюры. Хочется, чтобы больше людей научилось видеть, чувствовать и понимать, что все сущее на земле находится в вечном борении за свою жизнь. Тогда мы станем добре, а мир - лучше.

*Кайролла
Муканов*

“ЧИТАЮТ ТЕБЯ С УПОЕНИЕМ В ГЛАЗАХ...”

Впервые я познакомился со стихами Пушкина в начальных классах Дмитриевской семилетней школы Октябрьского (ныне Тимирязевского) района в годы войны. Вначале это были стихи, посвященные временам года. В сентябре мы декламировали:

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса -
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Учительница наша, Александра Кирилловна Бычкарь, проводила с нами экскурсию в ближайший лес, и мы в натуре видели “в багрянец и в золото одетые леса” и “пышное природы увяданье”.

Когда пришла зима и северный ветер принес с собой холод и снег, звучали вызывающие озnob строки:

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл - и вот сама
Идет волшебница зима...

И еще:

Зима! ...Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь,
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

И уж очень близки всем были строки:

Вот бегает дворовый мальчик
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

Учебный процесс идет в школе своим чередом. Приходит весна. И вот уже мы читаем стихи:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга...

С огромным интересом читали ребята пушкинские сказки “О рыбаке и рыбке”, “О золотом петушке”, “О царе Салтане и его сыне князе Гвидоне”. С удовольствием заучивали наизусть “У лукоморья дуб зеленый”, еще не подозревая, что это только отрывок из поэмы Пушкина “Руслан и Людмила”.

В 5-7-х классах нам преподавала русский язык и литературу молодая учительница Мария Васильевна Самойленко. В этих классах мы уже изучали более сложные произведения великого русского поэта, знакомились с его биографией. Начали понимать патриотический и демократический смысл пушкинских стихов. Изучали такие его произведения, как “Узник”, “Кавказ”, “Дубровский”, “Полтавский бой” из поэмы “Полтава”... С упоением читали и заучивали наизусть стихи:

Горит восток зарею новой,
Уж на равнине по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам...

Я настолько полюбил Пушкина, что не смог довольствоваться теми только произведениями его, которые изучались по программе семилетней школы. Дома читал любые другие его произведения, в том числе “Евгения Онегина” на казахском языке. Правда, тогда не совсем понял роман. Его понимание пришло ко мне только в старших классах уже Марьевской средней школы, когда Пушкина изучали более подробно. Но это было позже. А тогда, в Дмитриевской школе, я попросил у своего одноклассника Николая Станового “Избранные произведения А. С. Пушкина” и прочитал книгу от корки до корки.

В 1949 году, когда мы учились в 7-м, выпускном классе, страна отмечала 150-летие со дня рождения поэта. Об этом везде писали и говорили. В нашей Дмитриевской школе тоже готовились к этому важному юбилею. Учитель рисования Алексей Васильевич Петушков нарисовал акварелью замечательный портрет Пушкина. Он висел на стене нашего класса. Видимо, вся атмосфера подготовки к юбилею поэта вдохновляла меня, и я написал стихотворение “К Пушкину”. Оно было помещено в общешкольной стенгазете “Школьная правда”, посвященной 150-летнему юбилею поэта. И хотя оно несовершенно, хочу привести некоторые строки как память тех школьных лет:

Ты, Пушкин, великий, любимый
За прекрасное создание стихов,
Ты нами всеми чтимый
Как мастер искусства слов.

ВМ

Все ярко, все бело кругом...

В Марьевской средней школе литературу нам преподавали замечательные учителя Иван Данилович Сикало (в 8-м классе) и Нина Степановна Шитикова (в 9-10 классах). Здесь мы уже более глубоко изучали жизнь и творчество Пушкина. С большой сопричастностью изучали его стихи, сочущиеся декабристам и всем тем, кого притесняло царское правительство. Его повести, романы, поэмы, драматические произведения, сатирические стихи, эпиграммы, любовная лирика - все поражало нас и восхищало. Мы настолько увлеклись литературой, что сами стали писать стихи и небольшие рассказы-зарисовки. А в 9-10 классах выпускали свою ежемесячную литературную газету "Юность", где помещали свои первые творения.

В период обучения в Марьевской средней школе я читал не только произведения самого Пушкина, но произведения других писателей и поэтов о нем, о его великих творениях, а также переводы его произведений на казахский язык. Так, с особым интересом я знакомился с переводом отдельных глав "Евгения Онегина" Абаем Кунанбаевым. Особенno его чудесный перевод "Письма Татьяны к Онегину" - одного из самых тонких, нежных, трагических лирических стихотворений Пушкина.

О том, как работал Абай над переводом, пишет в своем знаменитом романе-эпопее Мухтар Ауэзов:

"Весь вечер Абай сидел над Пушкиным. Этот день был первым днем, по-настоящему соединившим Абая с Пушкиным: он читал теперь пушкинские стихи не глазами читателя, а сердцем поэта..."

С глубоким вздохом Абай вновь склонился над письмом Татьяны. "Какие искусные слова! Не слова - дыхание, трепетное биение сердца... Нежная глубина!" - подумал он с восхищением.

Последние два дня он помогал ей заговорить на чужом ей казахском языке. Чем дальше, тем больше слов находит его Татьяна в мягкое побеждающее нежном напеве. Все благороднее в своей грусти, все красноречивее становилась эта девушка, покорившая его".

Абай не только перевел "Письмо Татьяны" на казахский язык, он сложил и музыку к нему, и получилась чудесная песня, которую сначала он сам с домбрай спел, затем научил певца Мухамеджана, который спел ее среди молодых казахских акынов, друзей Абая. Этот процесс Мухтар Ауэзов прекрасно показывает в романе:

"Мухамеджан запел, сразу приковав внимание всех. Это были чудесно грустные слова Татьяны. Гости притихли и, не шевелясь, следили за каждым словом песни. Новая песня, прекрасная и грустная, говорила о глубоких чувствах. Особенно очаровывал ее язык. Молодые акыны как будто впервые поняли, как нужно петь о любви. Такую искреннюю грусть, такую нежность они постигли впервые. Стихи захватили всех. Какое в них волнующее чувство, какая сдержанная гордость!"

Как будто теплое нежное сердце заговорило этой песней и льет перед людьми слезы из самой своей чистой глубины!"...

И далее М. Ауэзов говорит:

"Так в зиму 1887 года великий русский акын Пушкин впервые вступил в простор казахских степей, ведя за руку милую свою Татьяну. Он принес в эти просторы радость своих песен, а его Татьяна пришла как близкая, как родная всем и научила молодые сердца казахов тому языку искреннего чувства, каким еще никто не говорил в казахской степи".

А в 1937 году в дни подготовки к 100-летию со дня смерти Пушкина другой великий казахский акын 90-летний Жамбыл Жабаев сложил "Песню о Пушкине", где имеются такие вдохновенные слова:

Говоришь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.
Жемчужины песен ты миру создал,
Из черного века твой гений сверкал.
Сто лет пронеслось, как тебя погребли,
Ты стал всенародным акыном земли.
Читают тебя с упоением в глазах
Башкир и туркмен, белорус и казах.

Действительно, Пушкин всенародный и всемирный поэт. Его сейчас читает весь мир, ибо, как говорил Д. С. Лихачев, "Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово его в стихах требует раздумий".

То, о чем верно и замечательно сказал поэт: "И чувства добрые я лирой пробуждал" мы, можно сказать, в полной мере ощутили в те незабываемые школьные годы и читали ее действительно с "упоением в глазах".

*Геннадий
Осипик*

* * *

Горит, лучась, огонь его свечи.
Нам Бог послал умышленно неверно
Величья свет, хотя поэт молчит,
И на могилу снег ложится мерно.
Откуда в нас влюбленность и тоска,
Откуда нежность, пламенность и ревность,
И дерзкий ум, и смелая рука,
И строк любви крылатая напевность?
Все от него, и это, видит Бог,
Живет в потомках чутких, как святое,
Отнять поэта в нас никто не смог:
Бессмысленно стремление такое.
Прошла по сердцу каждая строка,
В нас возгорая пламенем мгновенно.
И движется великая река
Его стихов сквозь годы дерзновенно.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Кружится в вальсе первый желтый лист,
Березы светятся, река притихла.
Играет Баха ветер-органист,
Беря басы торжественно и тихо.
И видится гармония во всем.
Что может быть прекрасней для поэта?
И осени портрет в стихи внесен,
И осень рада, что случилось это.

* * *

Зачем ты, женщина, разбила
Судьбы сосуд,
В котором бережно хранила
Венчанья суть.
Теперь осколки режут ноги.
Ликует бес.
И перед нами три дороги -
Все в темный лес.
Мы ненавистны и капризны
Глаза в глаза,
А во взаимной укоризне
Так жить нельзя.
Разбит сосуд судьбы на славу:
Бессилен клей...
Но не хранить же в нем отраву
Грядущих дней?!

*Сергей
Пресняков*

А. С. ПУШКИН В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Сразу же оговоримся, Пушкин никогда не был в Северном Казахстане и вряд ли мечтал побывать в Приишимье. Но это не значит, что он не наш. Североказахстанцы знали его еще при жизни поэта. И не только русские, из колыбели которых он вышел, но и казахи, украинцы, татары, все представители многочисленных этносов казахстанской земли.

У нас есть основание утверждать, что Александр Сергеевич знал о существовании тогда сибирского городка, называемого Петропавловском. И вот что дает пищу для таких гипотез и догадок.

Достоверно известно, что, изучая документы о пугачевском бунте, он внимательно читал так называемые подметные письма крестьянского вождя. А если так, значит, не могли пройти мимо внимания А. С. Пушкина те из писем, в которых Е. Пугачев упоминал Горькую линию сибирских крепостей, призывал к восстанию гарнизон крепости святого Петра. В письмах султану Аблаю Пугачев сообщал о своем намерении лично побывать в крепости Петра, чтобы сделать ее центром крестьянского восстания всей Сибири. Эта важная часть планов и намерений Е. Пугачева не могла ускользнуть от внимания великого мыслителя А. С. Пушкина. И кто может знать... Если бы Александру Сергеевичу удалось осуществить свой замысел о написании, кроме "Капитанской дочки", монументального произведения о крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева, может быть, мы бы прочитали что-то пушкинское и о нашем скромном городке.

И еще одна небольшая деталь в биографии нашего города, соединяющая нас с гениальным сыном русского народа. В эпоху великого поэта триумфаторами русской славы России возносились герои Отечественной войны 1812 года. В числе прославленных боевых соединений, отличившихся в историческом сражении под Бородино, была 24-я Сибирская дивизия, в которой отважно воевали сотни казаков и солдат из Петропавловска. Легендарная дивизия героически защищала батарею и

ВМ

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты времишь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись...

редут генерала Раевского, любимого Пушкиным героя и его близкого друга. Раевский не раз с восторгом отзывался о подвигах сибиряков, и А. С. Пушкин не мог этого не слышать.

И еще одна гипотеза на эту тему. Всем известно, что Александр Сергеевич знал о Петре Ершове, читал его "Конька-Горбунка", интересовался личностью молодого сказочника и его творческими планами, в частности и работой над поэмой "Сузге". П. Ершова мы по праву считаем своим земляком. Но мало кто знает, что героиня поэмы "Сузге" - красавица-жена Сибирского хана Кучума - родилась в урочище Кызылжара, здесь же и похоронена после ее героической гибели на глазах сподвижников Ермака. У нас есть основания полагать, что А. С. Пушкин - большой ценитель эпоса народов России - был осведомлен о такой лирико-героической страничке истории нашего края.

Вот такие доводы для убеждений в том, что великий поэт знал некоторые сведения о нашем Приишимье.

Но у краеведов есть факты о том, что и петропавловцы знали о литературном гении уже в годы его жизни.

Через Петропавловский острог в первой половине XIX века прошла целая группа декабристов - единомышленников и друзей великого сына русского народа. Среди них Я. Высоцкий, Н. Кожевников, В. Сизиневский, Н. Цебриков, Л. Вронский и другие, а всего 11 декабристов. Большинство из них длительное время жили здесь не только узниками и ссыльными, но и представителями дворянской революционной культуры. В среде местной передовой интеллигенции были люди, которые общались с декабристами, разделяли их взгляды, одинаково ценили пушкинский талант.

Примечателен и такой факт: образованная группа петропавловцев читала "Современник" и регулярно получала по подписке ряд лет пушкинский журнал. Например, в год смерти поэта в Петропавловск доставлялись три экземпляра его издания, а в 1860 году - два.

И еще одно свидетельство признания и глубокого уважения петропавловцами великого поэта - присвоение его имени центральной улице города. Первые дома на этой городской магистрали появились на кануне и в год смерти гения русской литературы. Вознесенского проспекта (улицы Ленина) в то время не существовало. С тех пор и поныне Пушкинская, пожалуй, единственная в городе, сохранившая свое первоначальное наименование. В Петропавловске даже существуют легенды об этой улице.

Говорят, заявил однажды в Петропавловск генерал-губернатор и при осмотре новой улицы вдруг зачихал, закашлял. "Ох, незддоровится, видимо, нашему высокому гостю", - забеспокоился местный градоначальник. Но друга успокоил инспектор просвещения: "Нет, генерал здоров. Это он с ветерком проехал по улице Пушкина, который всегда поддавал вельможам крепкого перчика".

Вторая статья, напечатанная в Тобольских губернских ведомостях, сообщала, что присвоение имени Пушкина улице в Петропавловске проходило не просто. Эту акцию опротестовала губернская канцелярия на том основании, что после смерти поэта царский двор запрещал произносить имя Пушкина в дворянских кругах. Петропавловские чиновники прикинулись людьми темными, невежественными. Они подобострастно извинились перед начальством, но отменить уже принятое решение, как требовала канцелярия, преднамеренно “забыли”. Так до сих пор та улица и украшает наш город фамилией великого поэта.

Да, А. С. Пушкин никогда не был в Петропавловске. Но вот уже 200 лет он живет с нами, среди нас, глубоко в сознании петропавловцев.

*Юрий
Поляков*

В МИХАЙЛОВСКОМ

“Ну вот, брат Пушкин, ты и в ссылке.
Расчет царя предельно прост:
Прищучить твой характер пылкий
И прищемить язык и хвост.
О нет, романовского клана
“Плешиwyй щеголь, враг труда”,
Победе радоваться рано -
Ручным не буду никогда.
К чертям холодное унынье
И одиночества угар.
Не вы союзники отныне,
Не вам в закланье божий дар...”
Ну что же, тяжкий крест неволи
Отныне будут с ним в глухи
Делить Калашникова Оля
И няня - врач его души.
Ах, сколько замыслов роится
В его курчавой голове.
Им только б в строки воплотиться
Назло воинственной молве.
Пусть знает главный спрут России
Его уславший с глаз долой:
Любые щупальца бессильны
Пред гениальной головой.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Что рядятся там секунданты-стратеги?
Проезду мешает какой-то заплот?
Да к черту сшибите горбатые слеги,
Хозяин на место потом их прибьет.
Скорее к исходу! Ах, сердце! Как плачет.
Ну, кажется, все, отошла канитель,
Тропинка готова. Барьер обозначен -
В снег брошена свертком Данзаса шинель.
Знак подан. И сходятся в сумерках двое:
Холеный барон, интриган-ловелас,
И русской поэзии имя святое,
Кому предпочтенье Всевышний отдаст?
А впрочем, при чем тут желание Бога?
Ведь воля его от земли далека.
Зависеть обратная будет дорога
Сейчас оттого, чья не дрогнет рука.
Издерганный сплетнями яростный гений,
Безбрежную скомкай, пожалуйста, злость,
Расчетливо следует встретить мгновенье...
Ты помнишь железную тяжкую трость?
К михайловским рощам спеша на беседу,
Ее не однажды ты в спутницы брал, -
Предвидя житейские нудные беды,
Ты к тяжести руку свою приучал.
Ужели ж она подведет? Покачнется?
Не медли! Ты первый барьера достиг.
Пусть в снеги сейчас он навеки уткнется...
О, горе! Упущен для выстрела миг.
Не дымное эхо - сама будто речка
Вдруг ахнула глухо в вечернюю мреть.
И падаешь ты, словно черная свечка,
Чтоб позже на Мойке совсем догореть...
Прошло уже два сумасшедших столетья,
Другою ли стала, не знаю, юдоль,
Но горло России, как в то чернолетье
Сжимает поныне тягучая боль
За то предвечерье с закатом совиным,
В котором убийца, нажав на курок,
Ударил, спеша, по судьбе соловьиной,
Не подозревая, на что он обрек
Себя и свой род, и всю нашу историю,
Где выстрел аукнется той навсегда,
И черный платок неизбывного горя
Россия не снимет уже никогда.

*Альфред
Пряников*

ОДНОТОМНИК 37-ГО ГОДА

(Рассказ)

Шел по планете 1949-й год - год 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Страна наша еще не залечила полностью нанесенные войной раны, а села и деревни не справились еще толком не только от военных, но и от двух подряд неурожайных лет, вызвавших подлинный голод в семьях колхозников, вкалывавших без выходных за такие легковесные в эти два года трудодни.

Но дышать стало уже полегче, в том числе и сельчанам: еще в 47-м были отменены продуктовые карточки, на трудодни в 48-м году колхозники, в том числе и мы, пацаны, получили намного больше и зерна, и денег, чем в предыдущие два года. В магазин завозили все больше самых разных товаров, а в нашем глубинном селе даже открылись чайная и приемный пункт заготконторы, куда осенью мы тащили сушеные грибы и ивовую кору, а зимой можно было сдать сало, шкуры забитой живности. Больше стало книг в сельской библиотеке, а в клубе еженедельно "крутили" по воскресеньям новое кино.

Помнится, сразу после празднования Международного женского дня наша молодая учительница русского языка и литературы объявила на очередном уроке нам, шестиклассникам:

- Ребята, в июне во всем мире будет отмечаться 150-я годовщина со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Тихо, тихо, - знаю, что у вас в июне каникулы и что будете работать в колхозе. И что в мае будете картошку и овощи в огородах сажать - тоже знаю, не до праздников будет. К тому же в апреле будем готовиться к вечерам в честь Первомая и Дня Победы. Поэтому и решили отметить юбилей Пушкина пораньше, в весенние каникулы. Причем не только в школе, но и в клубе проведем вечер, с молодежью кое-что подготовим. Вы же будете основными нашими чтецами. Неделя вам сроку - берите в библиотеке книги Пушкина, может, у кого и дома есть - читайте и выби-

райте что по душе, учите наизусть. Да хорошенько учите. Пушкина нельзя по шпаргалке и с подсказками читать...

И надо же так совпасть: после уроков - лыжные соревнования между нашим и пятым классами. Заняли они часа два, и пока мы, сдав лыжи учителю физкультуры, добежали до библиотеки, оттуда уже выходили расторопные девчата-семиклассницы и те, кто уже окончил школу и работал сейчас в колхозе. Все - с серыми, зелеными и голубоватыми пушкинскими томиками в руках. А нам, сунувшимся было к полкам, библиотекарша Клава напомнила старую поговорку: "Кто опоздает, тот воду хлебает" и указала на несколько тоненьких книжечек, притулившихся с краю "пушкинской" полки: вот все, что осталось. Это были выпущенные отдельными изданиями "Капитанская дочка", "Дубровский" и "Драматические произведения". И то часть из них, оттерев нас, ухватили рослые семиклассники: они вместе с их "литераторшей" Верой Ивановной готовили отрывки из "Бориса Годунова", "Маленьких трагедий", а пятиклассники - инсценировки по "Дубровскому".

Мои одноклассники Валька Донцов и братья-близнецы Тюкины взяли прочитанную недавно "Капитанскую дочку" - решили выучить наизусть описание бурана, разыграть в лицах встречи Гринева с Пугачевым, ссору и дуэль Гринева и Швабрина. В те годы, помнится, тяга к инсценировкам любых эпизодов из прочитанных книг была среди и школьников, и взрослых очень велика. Инсценировали все, от "Поднятой целины" до анекдотов, поскольку хороших пьес, пригодных к постановке на клубной и школьной сцене, было раз-два и обчелся...

А мне хотелось выучить и прочесть именно стихи, но что поделаешь? Понуро вышел я вслед за ребятами из клуба и вдруг почувствовал: кто-то дергает за рукав. Обернулся - одноклассник мой, тоже страстный книжкой, эвакуированный ленинградец Димка Бельский. Он тихо оттер меня от других мальчишек и так же тихо проговорил:

- Погоди, не хмурься, я кое-что придумал...

Подождав, пока ребята, переговариваясь, где бы раздобыть пушкинские стихи, уйдут вперед, он заговорил вполголоса:

- Знаешь, у дяди Гриши, нашего хозяина, в сундуке есть бо-ольшущий том Пушкина. Он его никому не дает, сам читает вечерами. Айда попросим - все если заявимся, не даст, а нам двоим, может, и разрешит просмотреть и хоть переписать, что понравится...

Дядя Гриша Серов, квартирный хозяин Димы Бельского, его матери и сестренки, был в нашем селе фигурой примечательной. Хотя бы уже тем, что он единственный на моей памяти вернулся живым и относительно здоровым оттуда, из лагерей, куда, осужденные на разные сроки, "загремели" во второй половине тридцатых годов многие наши мужики. В том числе и младший брат моего деда, так и сгинувший в лагере. Да и деда, главного бухгалтера колхоза, "вычистили" вскоре после его ареста как брата "врага народа" из партии, продержав предварительно месяца полтора в следственном изоляторе.

Был дядя Гриша тогда совсем молод, только собирался жениться, окончил техникум связи и работал начальником почтового отделения, пристрастился к чтению книг, причем читал в основном зарубежных писателей. Да, видимо, и высказывался о прочитанном, сопоставляя жизнь на Западе и у нас, что его и сгубило. Говорили, что донес на него один из друзей-почтальонов, зарившийся на его должность. Забрали при обыске, как рассказывали старшие ребята, многие из найденных у него книг и комплекты журналов "Интернациональная литература", который он выписывал, оставили лишь книги для детей, которые мы с Димкой и выпрашивали по одной сначала у матери Григория, умершей незадолго до возвращения сына, а потом у него самого. Он давал нам и Жюля Верна, и Фенимора Купера, и Диккенса, но со строгим наказом: не брать книги в школу, не пачкать переплет и не слюнить пальцы, переворачивая страницы.

Димкину семью мать Григория пустила на квартиру, чтобы не было так одиноко и тяжело одной, они ее и похоронили, ухаживали за могилой, из-за нее и не вернулись к себе в Ленинград, прижились у нас в селе, тем более, что отец Димки погиб в боях, а квартиру их ленинградскую разбомбили немцы. И Григорий, вернувшись оттуда, не стал их выселять, оставил в доме, обустroив для себя большой чулан с окном и поставив там рядом с топчаном железную печку, перенес туда и сундук с уцелевшими книгами. Работал он, как и до ареста, на почте, монтером и почтальоном по дальним лесным деревенькам, куда бегал с сумкой на лыжах три раза в неделю.

К нему-то и отправились мы с Димкой, прикинув, что дядя Гриша должен уже вернуться с разноски почты - почти стемнело. Он и верно был дома - грел на кухне возле печки озябшие руки, свою, железную, видно, еще не затопил, разговаривал с Димкиной матерью.

- Зазнобу свою, невесту бывшую, встретил сегодня в Долгове, - говорил он, дуя на красные, обмороженные в лагере пальцы. - Не дождалась, выскочила туда замуж, двое детишек уже. Эх, судьба-злодейка, не дала пожить по-человечески, даром молодость ушла...

Нашу просьбу насчет однотомника Пушкина он выслушал вначале хмуро, но, услышав про юбилейный вечер в клубе, смягчился, вышел в свой чулан и вскоре вернулся, держа в обеих руках толстенную книгу в темно-коричневом переплете с блеклым тиснением.

- Вот, это ж тоже юбилейная книга - к столетию со дня смерти Пушкина издана. Я за нее тогда чуть не пол-аванса отдал, а прочитать так и не успел - забрали... Хорошо, хоть книгу эту оставили. Идите в горницу, читайте, переписывайте, а из дома не уносите - сам буду дочитывать, может, что и на вечере прочитаю...

Он отнес в горницу книгу, подстелил под ней развернутую газету, положил рядом с горевшей керосиновой лампой. Но в этот вечер мы просмотрели немного - надо было учить уроки, да и дома меня ждали.

Продолжали просмотр на другой день. Тогда-то и попалось мне на глаза стихотворение, сразу покорившее меня бойким, каким-то летучим размером (лишь потом я узнал, что это четырехстопный хорей), с мгновенно запоминающимися строками и коротким названием “Бесы”. И я с увлечением начал читать:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою Луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле...

Закрыл глаза - и сразу в памяти ежегодные поездки с дедом в зимние каникулы на санях к родителям за сорок километров, нежданные, как у нас говорят, налетные выюги, блуждание в чистом поле, завывания ветра, колдовские пляски “в мутной месяца игре” снежных бесов, которые “домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают”. Точно-то как все! И я, дочитав стихотворение, решительно пододвинул к себе том Пушкина и приготовленную тетрадку.

- Что, тоже выбрал? - заинтересованно спросил Димка. - Прочти!

Он еще раньше выбрал для себя стихотворение тоже с коротким названием - “Кавказ” и сейчас упоенно зубрил вполголоса:

И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье,
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной...

Послушав мое чтение, он восхищенно причмокнул:

- Здорово! Нас из Ленинграда в такую ночь вывозили, чтоб самолеты фашистские меньше бомбили. Тоже такая пурга свистела! А Генка Балабкин про Полтавский бой из хрестоматии читать будет: “Горит восток зарею новой...”. Тоже стихи что надо! И запоминаются сразу. Молодец Пушкин, что и говорить! Он же у нас в Ленинграде, Петербурге еще тогда, жил, столица там была. И погиб там же. Вернемся - обязательно в его музей схожу - до войны-то я еще малолеткой был, не успел...

Вернулся он, однако, с матерью и сестренкой в Ленинград только через полтора года, окончив семилетку. Писал мне лет пять, присыпал открытки с видами Ленинграда, и я ему отвечал. А потом закрутила нас учеба в институтах: меня - в педагогическом, его - в геолого-разведочном, практика, которую он, кстати, проходил как раз на Кавказе, новые друзья, затем работа - потеряли следы друг друга.

Лишь много лет спустя встретил я его фамилию в числе других геологов, открывателей какого-то большого месторождения в одном из молодежных журналов. И сразу вспомнился послевоенный 49-й год, тяжелый однотомник Пушкина, изданный в трагическом 1937-м, и мы

с Димкой, увлеченно читающие бессмертные строки. Вспомнился и полный уже к тому времени дядя Гриша, выступивший-таки на многолюдном литературном вечере в сельском клубе с чтением короткого, но непревзойденного по силе лирического чувства пушкинского стихотворения:

Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

И хоть стихотворение это было совсем коротеньkim, аплодировали дяде Грише односельчане раза в три больше, чем он их читал. Многие же знали, что строки эти - в какой-то мере отражение и частицы его горестной, непоправимо исковерканной судьбы, и хлопали ему не только за чтение стихов, а выдержку, стойкость, верность своему делу и своему увлечению книгами наконец.

С МЛАДЕНЧЕСТВА И ДО СТАРОСТИ - С НИМ

Как ни смешно и ни странно, но я имею все основания говорить и писать, что лучезарная и солнечная поэзия Пушкина вошла в мое сознание, что называется, с молоком матери.

Дело в том, что у моей благополучно здравствующей и ныне (дай Бог ей дожить до ста лет!) мамы-учительницы с юности и до сегодня были и остаются любимыми три поэта: Пушкин, Некрасов и Есенин - их портреты давно соседствуют и в моем рабочем кабинете. И родившихся вслед за мной трех дочерей-погодков она обычно убаюкивала песнями на стихи кого-то из них, зимой чаще всего - пушкинским "Зимним вечером" или есенинским "Клен ты мой опавший".

Просыпаясь ночью в тесной комнатке учительского общежития в моем родном селе от плача занедужившей сестренки Инны, живущей сейчас в Петропавловске и работающей, несмотря на возраст, в одной из городских школ, я, тоже еще малыш, слышал родной мамин голос, напевающей у плетеной из лозы сестренкиной зыбки-колыбели знакомое: "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя..." Так же она баюкала, укладывая спать, видимо, и меня (я-то, конечно, этого не помню), и остальных, младше меня, семерых детей.

А летом 41-го, незадолго до начала войны, родители мои переехали вместе с маленькими дочерьми в другую деревню, где мама живет и сейчас, проработав в местной школе 20 с лишним лет и еще пять - здесь, на целине, потом вернулись с отцом обратно. Я же с началом войны остался у дедушки с бабушкой и жил у них до окончания седьмого класса. Рано, до школы, начал читать и еще в начальных классах

Тонны вешиими лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

перечитал почти всего Пушкина, благо его произведений в нашей, с не очень богатым книжным фондом, сельской библиотеке было немало: и отдельными изданиями, и собрание сочинений, помнится, 9-томное, изданное еще до войны.

А у живущего неподалеку от деда дяди Гриши Серова, квартирного хозяина моего одноклассника, эвакуированного ленинградца Димы Бельского, был толстенный, изданный в год 100-летия со смерти Пушкина, том в темно-сером, кажется, переплете, из которого мы с Димкой в 1949-м году выбирали стихи для чтения со сцены, готовясь к литературному вечеру в честь 150-летия со дня рождения Александра Сергеевича.

Трехчасовой вечер этот проводился в сельском клубе, и в дни, предшествующие ему, все наше довольно большое село буквально “переболело” Пушкиным. Репетировались и ставились на сцене отрывки из “Бориса Годунова”, “Маленьких трагедий”, инсценировки из “Дубровского” и “Капитанской дочки”, участие в которых принимали не только мы, школьники и наши учителя, но и взрослые, и даже пожилые колхозники. Исполнялись и романсы на стихи Пушкина, читалось и многое из его лирики. Я, помнится, читал тогда взволновавших меня “Бесов”, а мой друг Дима Бельский, будущий геолог, - “Кавказ”.

С того вечера, наверно, я и “заболел” поэзией, начал писать сам, посыпал свои стихи в редакции газет и известным московским и ивановским (детство и юность мои прошли в Ивановской области) поэтам. Еще школьником начал печататься в районной, а затем - и в областных газетах и по-мальчишески гордился каждой публикацией, хотя стихи мои, как я понял через несколько лет, были еще слабые, ученические, подражательные. Но тогда мне нравились, и я, приезжая на каникулы, горделиво показывал газеты с моими стихами деду с бабкой. И дед, надев очки и пробежав глазами мои опусы, со вздохом говорил, возвращая газету: “Ну, пиши, пиши, лучше Пушкина все равно не напишешь!”. На что я с мальчишеской самонадеянностью отвечал: “А мне и не надо лучше, лишь бы по-своему...”

Но, прочитав еще в детстве пушкинскую лирику, в юности я почему-то редко к ней возвращался. Зато часто перечитывал его прозу - чеканную, без всяких премудростей и выкрутасов, всю какую-то ясно-прозрачную, как октябрьский предзимний воздух. А будучи студентом Ивановского пединститута, выступал по его прозаическим произведениям на семинарах, коллоквиумах и даже, помнится, написал какой-то реферат по стилевому разнообразию пушкинской прозы.

Когда же поделился мучившим меня вопросом: почему проза Пушкина привлекает меня больше, чем его стихи? - с моим литературным наставником, известнейшим поэтом, другом Есенина Дмитрием Николаевичем Семеновским, о стихах которого одобрительно писали и Блок, и Горький, он, усмехнувшись, заметил:

- Лирика Пушкина, дорогой мой, входит в сознание сразу и надолго. Перечитывать ее чаще всего уже и не требуется. А вообще-то это у многих стихотворцев бывает. Вот и Сережа Есенин - писал в основном стихи - и какие стихи! - а читал, помню, больше прозу. Уезжая за границу с Айседорой Дункан, стопку книг взял с собой и в основном - повести и романы, из стихов - только свои и своих друзей...

Вернулся всерьез к поэзии Пушкина я уже на четвертом курсе, когда в ходе педпрактики нужно было подготовить и провести школьный вечер по творчеству кого-либо из писателей-классиков. Я сразу же выбрал Пушкина, тем более, что как раз в те дни исполнялось 120 лет со дня его смерти. Целый месяц пропадал в школе до позднего вечера, замучил своих восьмиклассников репетициями, подготовил с ними и большую, на двух листах ватмана, "пушкинскую" стенгазету, и постановку по "Сказке о попе и работнике его Балде". С помощью учительницы пения восьмиклассницы мои исполнили несколько песен и романсов на пушкинские слова, разыграли разговор Татьяны с няней из "Евгения Онегина", а стихи и отрывки из прозаических произведений читали чуть не полкласса. В целом, вечер вроде бы удался, во всяком случае, за педпрактику я получил "отлично", что сулило повышенную стипендию.

А через два года, уже работая в одной из небольших школ Северо-Казахстанской области, решил повторить этот вечер с сельскими школьниками в честь приближающегося 160-летия со дня рождения Пушкина. Получилось, естественно, поскромней, чем в городской школе, но тоже вроде бы неплохо - ученикам моим вечер этот, во всяком случае, запомнился надолго, как и вечера по творчеству Некрасова и Крылова.

С тех пор прошло ровно 40 лет. Не раз я, работая в сельских и городских школах, готовил и проводил пушкинские вечера, многократно цитировал его стихи и прозу на занятиях литературно-творческих кружков в разные годы, обращал внимание на его кропотливую работу над словом, тщательную отделку каждой строки, сравнивал варианты стихов.

И на уроках, приступая каждый раз с волнением к изучению жизни и творчества Александра Сергеевича, всегда стремился вдохнуть в ребячью сердца любовь к многообразию его творческого гения, понимание его стихов, их соответствие эпохе, в которой жил и творил поэт, сочувствие к его многотрудной судьбе и жизни. Не забывал каждый раз рассказать и о связях Пушкина с Казахстаном, о его поездке в 1833 году в Оренбург и Уральск, о записи им казахского эпоса о Козы-Корпеше и Баян-Сулу, о том, как любил его творчество и как вдумчиво, любовно переводил стихи Пушкина на казахский язык великий Абай, так переложивший письмо Татьяны к Онегину, что оно стало казахской народной песней. Надежными помощниками мне в этом были и В. Вересаев с его замечательным исследованием "Пушкин в жизни", и

тома полного собрания сочинений с его письмами, и Н. Раевский с его книгами “Если портреты заговорят” и “Портреты заговорили”, и работы многих других пушкинистов. Пригодились и впечатления от моих поездок в Москву и Ленинград, в пушкинские музеи, и специально выпущенные к пушкинским юбилеям газеты.

И посейчас темно-коричневые пушкинские томики нередко “переплывают” со своего постоянного места на книжных полках на мой письменный стол, а когда грустно и муторно на душе, вновь и вновь я твержу его ободряющие, поднимающие дух, воистину животворные строки:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет!
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило.

И сразу спадает камень уныния с души, легче становится на сердце.

УРОК ПО ТЕМЕ “ЛЕРМОНТОВ”

Сначала просто: ссылки и сраженья...
Но вот,
Печаль неся издалека,
Сердечной болью входит в объясненье
Зеленая подошва Машука.
И тучи гонит, гонит ветер мглистый,
Забыв мундир пехотный застегнуть,
Стоит поэт, упрямый и плечистый,
Ветрам и пуле открывая грудь.
Глядеть ему на каждую травинку
И жить еще,
И чувствовать еще...
Я вижу, как нежданную слезинку
Смахнул мальчишка с побледневших щек.
Пускай в программу это и не входит,
Читаю им,
Листая толстый том,
О Тerekе, о грусти, о свободе
И о земле в сиянье голубом.
И класс притих,
И грозовые тучи
Проходят здесь
Чуть ниже потолка...
Как близок стал ученикам поручик
Тенгинского пехотного полка!
По классу строчки эхом отдаются,
Ребята могут - верю - их понять...
Я слышу, как сердца мальчишek бьются,
Готовые Поэзию принять.

ШАЛЯПИН В ПАРИЖЕ

Срывает ветер
Пестрый хлам афиш,
В тавернах шумно от ночного гама,
И бредит засыпающий Париж
Угрюмыми химерами Нотр-Дама.

Открыть окно,
И снова - ночь без сна,
И снова дождь
По стеклам пишет косо,
И снова снится русская весна,
Последний снег на северных откосах,

Подснежник в старой спутанной траве,
Такой лиловый
И такой несмелый,
Последний лед на волжской синеве
И первый грач на пашне почернелой.

Тоска - она чем дале, тем сильней...
Что лекари -
Он родиною болен,
Веселым гулом волжских площадей,
Печальным звоном сельских колоколен.

А залы смотрят тысячами глаз,
И в русских ложах вздрагивают плечи:
Лишь им понять,
Куда зовет их бас,
О чем тоской тоскует человечьей.

Уже чуть брезжит утренний восток,
Опять рассветом прорезаясь рыжим...
Который час он смотрит, одинок,
В чужое небо
Над чужим Парижем?

Пустой фиакр прогромыхал и стих,
Намокший цвет летит с каштанов долу,
И дождь лихой на улицахочных
В обнимку с ветром пляшет “Карманьолу”.

НАД ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ

Ярится ветер вновь холодный,
Сквозь ставни рвется напролом.
Послевоенный год голодный,
И я, мальчишка, за столом.

Над старой книгой мысли бродят,
И увлекая, и маня,
И строки пушкинские входят,
Как воздух родины, в меня.

Как мало в лампе керосина -
Не хватит томик дочитать!
Опять, боясь за зренье сына,
Меня погонит мама спать.

Но, неустанно сердце грея,
Не сосчитать, который год
Четырехстопного хорея
Очарование живет.

Промчатся дни,
Минуют сроки,
Привыкну с рифмою дружить,
И снова пушкинские строки
Подскажут мне,
Как надо жить.

Тома, бесчисленные книжки
В себя впитаю для того,
Чтобы девчонки и мальчишки
Познали это волшебство.

За годом год,
За датой - дата,
И снова в сердце непокой...
Пусть грезят, как и я когда-то,
Над вечной пушкинской строкой.

Пусть дружбу ценят,
Край свой любят
От парты до волос седых -
Всему, что в жизни нужно людям,
Поэт научит молодых!

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Темно-синяя ночь опустилась опять
И заставила сердце запеть.
Как посмотришь вокруг - ни за что не понять:
Что бескрайнее - небо иль степь?

Травостои омыты холодной росой.
Лег волнистый туман до утра.
И о девушке с черной смолистой косой
По-казахски тоскует домбра.

И гармошка по-русски о русой косе
Молодой незнакомки поет.
И созвездья дрожат, отражаясь в росе,
И луна вдохновение ляет.

Тени спящих деревьев на травы легли.
Остыает натруженный тракт.
И слышны голоса за рекою вдали
Размечтавшейся музике в такт.

Ночь влюбленным доверила тайны свои
И, сердца тишиной обласкав,
Подарила высокую песню любви,
Что понятна на всех языках.

ПИСЬМО КАЗАХСКОМУ ПОЭТУ

Счет ли дождь, метет ли в окна выюга,
Иль в тихий час июльской темноты
Давай с тобой переводить друг друга:
На русский - я, а на казахский - ты.
Не первый век народы наши дружат,
И чтоб всегда им в единенье жить,
Крылатым словом нам, поэтам, нужно
Ту дружбу в переводах изложить.
Я сохраню и образы, и ритмы,
И мысль твою ничуть не изменю,
Казахскую отточенную рифму
На пушкинском наречье подарю.
И буду счастлив, если так случится,
Что, закрепляя нашей дружбы ход,
Прочтет меня в аулах и в столице
На языке Абая твой народ.
Пусть зазвенит созвучьями округа
В часы, когда окраины тихи.
Давай всегда переводить друг друга:
Пусть дружат, пусть братаются стихи!

Андрей
Римский-Корсаков

“ПЕТРОПАВЛОВСК ВСПОМИНАЮ С НЕЖНОСТЬ...”

Знакомство двух этих людей, состоявшееся летом 1942 года, не изучают специалисты, его не освещали газеты и оно никак не повлияло на ход исторических процессов. И если сегодня я вспоминаю о нем, то только потому, что один из этих людей имеет прямое отношение к отмечаемому в эти дни пушкинскому юбилею.

В ту пору я был, к сожалению, слишком мал, чтобы по достоинству оценить все происходящее и запомнить все детали. Сейчас я могу скопрее домысливать, как это было, вспоминая лишь обрывки тогдашних своих ощущений и опираясь на семейные разговоры.

Итак, перенесемся в конец августа 1942 года. Война. Немцы приближаются к Сталинграду. Ленинград в блокаде. Линия фронта в ста пятидесяти километрах от Москвы.

А теперь - глубокий тыл, Северный Казахстан. Пресновка - районный центр в 140 километрах от города Петропавловска. У дверей столовой бушующая толпа рабочих, служащих, шоферов пытается прорваться внутрь. Телогрейки, комбинезоны. Дождь. Слякоть.

Пропуская вперед тех, кто чуть ли не локтями пробивал себе дорогу, не спеша, немного даже робко, она вошла в обеденный зал, слегка прищурившись, огляделась и, увидев одно свободное место, решительно подошла и села, стараясь не глядеть на окружающих. Ее соседом по столу оказался немолодой исхудавший мужчина с наголо обритой головой и с ним два мальчика - один лет пяти, другой постарше. Все трое одеты были по-городскому. У лысого мужчины - довоенный потертый френч и совсем необычный для этих мест галстук под белым воротничком рубашки. На детях темные курточки, кое-где не очень умело подшитые пленные

Официантка долго не подходила, хихикала перед столиком с шоферами.

Мальчики сидели грустные. Наконец, младший не вытерпел, поте ребил за рукав отца: “Папа, скоро?” - “Наберись терпения, я, надеюсь,

к нам подойдут, наконец”, - неожиданно громко ответил отец и забарабанил пальцами.

- Вы, очевидно, приезжие? - спросила женщина, сочувственно улыбнувшись.

- Да. Но как вы угадали? - притворно удивившись, шутливо ответил он.

- Просто я вас здесь раньше не видела.

- А вы давно здесь живете? В Пресновке?

- Мы здесь уже третий год.

- Мы - это кто? Ваша семья?

- Да. Я и мои дети.

- У вас дети? Не может быть! - удивился он искренне. Она улыбнулась, оценив комплимент, но промолчала. - Почему же вы их не кормите?

- Я их кормлю дома.

От шоферского стола донеслось что-то нецензурное и все загоготали.

Мужчина нахмурился, а старший мальчик недовольно буркнул: “Папа, пойдем отсюда, сколько еще ждать?” Женщина заметила: “Зачем же вы детей терзаете? Здесь всегда такие очереди, шумно, грязно, накурено. Вам надо брать обеды на дом”. И неожиданно громко позвала: “Тося! Здесь дети, подойдите сюда, пожалуйста!”

Чем-то недовольная Тося наконец-то подошла к их столику, взяла талоны и ушла на кухню.

- Извините, я не представился, - сказал лысый мужчина и привстал.

- Римский-Корсаков, Георгий Алексеевич.

- Наталья Евгеньевна Воронцова, - тихо ответила она, протянув руку, и поправилась, - Воронцова-Вельяминова.

Она улыбнулась, вдруг поняв, насколько этот странный джентльмен неуместен здесь, в этой дикой обстановке, со своей учтивостью, а он несколько секунд смотрел ей в глаза, вспоминая что-то, и сказал: “Я знал кое-кого из Воронцовых-Вельяминовых, давно, еще в Питере. Простите за любопытство, вы случайно не в родстве с Пушкиными, с его семейством?

- Он мой прапрадед, - сказала женщина, принимая от Тоси железную миску с галушками.

- Как! Кто?! - изумился отец двоих детей, которые, вздрогнув, с любопытством взглянули на него. Задев стул, прошла к выходу нетрезвая телогрейка с бычком в зубах, матюгнулась.

- Александр Сергеевич, - немного сконфузившись, ответила женщина и тут же заметила: “А ложки вы лучше приносите свои. Их здесь очень плохо моют”...

Вот так или примерно так началась дружба моего отца с одним из потомков славного рода. Дружба, длившаяся почти 30 лет.

Наталья Евгеньевна Воронцова-Вельяминова, урожденная Клименко, была прямым потомком А. С. Пушкина, по линии его старшего сына генерала Александра Александровича Пушкина. Родившись в 1907 году, она застала еще и его, и его сестру Марию Гартунг (“Машку и Сашку”, как их называл в письмах к жене Пушкин). Отнюдь не по своей воле молодая, цветущая 35-летняя женщина, мать двоих детей-подростков оказалась в Северном Казахстане. Живя в юности у родственников в Польше, она после гражданской войны оказалась отрезанной от России и всех своих близких. В 17 лет вышла замуж за В. И. Воронцова-Вельяминова и там же, в Польше, родила ему сына Юру, а затем дочь Веру. Но 1939 год все изменил в ее судьбе. По Советско-Германскому пакту в Польшу вошли советские войска. Начались репрессии. Муж Наталии Евгеньевны, Владимир Иванович, профессор-лесовод, тогда же сгинул в застенках НКВД, а ее саму вместе с детьми погрузили в эшелон и с партией поляков отправили на Восток. Так она оказалась в Пресновке. Без денег, без вещей, без квартиры...

Наша семья, эвакуированная с началом войны из Москвы, осела в Петропавловске. Отец долгое время не мог найти работу, пока ему не предложили место в пресновской районной газете, которую возглавлял тогда известный писатель Шухов. Детей пришлось взять с собой, так как в Петропавловске кормить их было нечем.

Из воспоминаний Г. А. Римского-Корсакова о той поре:

“В Пресновке я обнаружил любопытную смесь общества. Тут были и природные сибирские казаки-станичники, и приезжие советские работники, и переселенцы, и высланные. Я застал еще здесь значительную группу поляков. Держали они себя чрезвычайно гордо и старались не замечать окружающих их людей. Многие были одеты в очень опрятные лохмотья. Странно было видеть, как они, здороваясь с польскими дамами, целовали им руки и разговаривали с непокрытой головой... Однако, жизнь в Пресновке была совсем не легкая. К удивлению моему оказалось, что базар здесь бывает только раз в неделю, да и то купить там все необходимые продукты не всегда было возможно. Так, например, не было картошки - жители Пресновки имели ее со своих огородов, также капусту и прочую зелень. Цены были не многим дешевле петропавловских. Питаться приходилось главным образом в столовой, где качество обедов было самым низким...” И далее совсем скрупульно отмечает: “Здесь, в этой столовой, являвшейся местным клубом, я познакомился с праправнучкой Пушкина... Она оказалась в Пресновке с двумя детьми-подростками. Работала она на мельнице, разнорабочей”.

Позднее Наталья Евгеньевна рассказывала, как ей пришлось научиться запрягать в телегу быков и перевозить на них разные грузы. В то время, не имея ни одежды, ни обуви, она делала сама себе юбки из старых вафельных полотенец, окрашивая их в черное, а летом часто приходилось обходиться без обуви, ходя на работу босиком.

Ее прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют.

Через два месяца мы вернулись в Петропавловск. Перед отъездом отец помог своей новой знакомой составить письмо в Москву на имя Берии. В нем она просила о разрешении переехать, ради детей, в Петропавловск и указывала на свое родство с Пушкиным. Мы не знаем, как зловещий нарком относился к поэзии, но, как ни странно, “Александр Сергеевич” помог, и областное Управление НКВД очень быстро получило из Москвы распоряжение перевести Воронцову в Петропавловск и обеспечить работой, что и было сделано. В Петропавловске ее устроили в военторг.

Далее отец вспоминает: “Надо признать, что городская общественность мало интересовалась жизнью родственницы Пушкина. Сама она, будучи очень скромной, о себе не любила напоминать и хлопотала о переезде в город только из-за детей, желая дать им образование. Пособие в Союзе писателей она себе никогда не просила. Это за нее делала тетка в Москве (С. П. Вельяминова) или тайно от нее Петропавловские друзья. Пособия эти бывали редко и незначительные и направлялись дочери, Вере Воронцовой, на ее ученье”.

Попав в Петропавловск, Наталья Евгеньевна вскоре, не без помощи отца, оказалась в кругу людей, которые, как и она, в советской жизни оставались на обочине или были гонимы. А таких, волею судеб, нашлось немало в столице Северного Казахстана. Эти люди, подчас помимо своей воли, хотя бы в силу своего воспитания, культуры, знаний создавали тот нравственно-культурный фон, который так необходим для любого общества. Это и “враг народа” С. Н. Коншин, музыкант, не состоявшийся наследник владелицы особняка “Дома ученых” в Москве. Это “пажи” - выпускники Пажеского корпуса, а теперь актеры театра, “лишенцы” князь Кугушев Г. И. и Кузьмин П. В. Выпускница Смольного института, беженка из-под Курска О. И. Желиховская и другая “смолянка” - ссыльная княгиня Н. А. Козловская, вдова генерала, руководителя Кронштадтского мятежа.

Особенно радушно и тепло встречали ссыльнопоселенку Наталью Воронцову в стенах уютного деревянного домика на ул. Карима-Сутюшева. Его хозяйка Варвара Ивановна сама считалась в дальнем родстве с Пушкиными - ветви ее древа вели к двоюродному брату отца поэта. Здесь, за толстыми стенами и высоким забором с воротами, охраняемыми злым сторожевым псом, можно было, не таясь, вести беседы на любые, даже самые опасные темы или полистать дореволюционные редкие книги, а после самодельной наливки и чая из самовара, с домашним вареньем, можно было даже спеть на два-три голоса старорежимный “Вечерний звон”. На одном таком чаепитии, пасхальном, я, уже 10-летний мальчик, с удивлением впервые услышал, как поет мой отец.

Хозяин дома Матвей Федорович Гаврилов, инженер с “номерного” завода, позднее, в трудные для Воронцовой дни оказывал ей де-

нежную помощь из своих сбережений, иногда даже втайне от Варвары Ивановны.

Этот дом, который Наталья Евгеньевна в шутку называла “цитаделью”, и эту семью она не раз вспоминала с благодарностью. Это и понятно. Здесь она была по-настоящему “дома”, здесь забывалась вечная неустроенность быта, отсутствие своего угла. Вспоминает отец: “В 1949 году, в Пушкинские дни - отмечалось 150-летие со дня рождения - друзья Воронцовой напомнили о ней горсовету, который запросил Наталью Евгеньевну, в чем она нуждается? Ответ был короткий: в квартире. Президиум горсовета “принял решение”: обеспечить Н. Е. Воронцову жилплощадью. На этом дело и закончилось. Годы шли. Юра Воронцов кончил учиться, отслужил в армии, женился, переехал в Иркутск. Дочь Вера окончила университет в Одессе, стала там же учительствовать. Н. Е. Воронцова собралась ехать жить к дочери. Советская общественность подняла вопрос о проводах Воронцовой и о помощи ей собравшись в дальнюю дорогу. Президиум облисполкома и горсовет дали соответствующие указания, предложили выделить средства, организовать проводы... Наверно, все это было бы выполнено, но Наталья Евгеньевна торопилась к дочери, ожидавшей рождения первого ребенка. Это было весной 1957 года”. Завершает свои воспоминания о ней Г. А. Римский-Корсаков такими словами: “Все, кто встречался за эти годы с Н. Е., сохранили о ней исключительно теплую память. Она была человек очень незаурядный, с широким и светлым - “пушкинским” умом, с глубоким пониманием жизни, с острым критическим взглядом на все общественные явления...”

Как-то, незадолго до отъезда в Одессу, мы с отцом встретили ее напротив входа в парк, около столовой. “Боже, как вырос鄋ша”, - сказала она про меня. Мне было 18, и я тогда, кажется, впервые стал понимать, кто стоит передо мной. Но понимание мое было все же поверхностное. И пока они с отцом о чем-то живо говорили, я вглядывался в ее лицо, решая обывательский вопрос: похожа - не похожа? Светло-русые кудряшки по всей голове и на висках я нашел очень схожими с пушкинскими. Хотя это могли быть и бигуди, модные тогда. Но профиль! Нос, губы, сжатые в полуулыбке - почти все так, как на известном автопортрете из “Литературки”. И особенно брови - приподнятые, округлые. Все это разглядел я тогда и решил про себя - похожа! (Кстати, уже в наши дни, разглядывая портреты других потомков Пушкина, я вынужден был признать, что внешний облик Н. Е., пожалуй, более других ее родных унаследовал черт от великого поэта).

В тот день Наталья Евгеньевна была очень возбуждена, что с ней бывало не часто. Оказалось, что она только что смотрела квартиру, которую ей предложили, но она непригодна для жилья и требует большого ремонта. Потом она предложила нам пообедать в столовой, но та уже была закрыта. Однако она постучала, назвала себя, и дверь перед нами

любезно распахнулась. К этому времени в городе ее хорошо знали и очень уважали за честность, бескомпромиссность и порядочность - качества, которые для служащего треста столовых и ресторанов, где она тогда работала, во все времена бывают, увы, редки.

Переехав в Одессу, а затем в Тбилиси, Н. Е. Воронцова не забывала своих петропавловских друзей. В письмах она часто жалеет, что уехала, тем более, что на новом месте не все складывалось для нее благополучно. Вспоминает "цитадель" и Варвару Ивановну, интересуется городскими новостями, С моим отцом идет обмен политическими, культурными новостями, книжными новинками. Все 60-е годы пронизаны такими строками: "Получила Ваше письмо и захотелось в Петропавловск", "Очень скучаю и очень бы хотела вас видеть всех", "Здесь мне не с кем говорить, очень одиноко" и наконец: "Странно, ничего у меня в Петропавловске хорошего не было, а вспоминаю я его с нежностью. Наверно потому, что там у меня были друзья".

Письма эти хорошо отражают образ мыслей и интересы интеллигента 1960-х годов. Н. Е. Воронцова жадно читает все литературные новинки, "Новый мир". В Москве у своих родных читает в самиздате романы Солженицына, ловит по приемнику "вражеские голоса", возмущается сталинистами в Грузии, неизменно ходит по праздникам в церковь.

А в Петропавловске Наталье Евгеньевне все же удалось еще побывать и даже поработать какое-то время в том же тресте, где ее, как работника и как человека, высоко ценили. Последний раз она попрощалась с Петропавловском в 1965 году, теперь уж навсегда.

Н. Е. Воронцова-Вельяминова намного пережила своих петропавловских друзей. Скончалась она в 1992 году в Москве.

В своих "Пресновских страницах" любимец Горького и Сталина писатель-коммунист Иван Петрович Шухов ярко и образно донес до нас множество исторических фактов из жизни родной ему станицы Пресновки. Многих людей помянул. Жаль только, что из окна своего редакторского кабинета он не разглядел ту босую женщину, что четыре года подряд ходила по пыльным улицам Пресновки. Как не заметил он и красивую молодую даму, торговавшую с лотка мороженым, и там же, в те же годы - Ксению Сабурову, внучатую племянницу Лермонтова, правнучку П. А. Вяземского, дочь княгини Шереметевой, владелицы Остафьева...

Как там? "Мы ленивы и нелюбопытны"? Сегодня Пушкин, наверное, выразился бы гораздо " круче".

Когда я разбирал архив своего отца, я нашел всего одно фото Н. Е. Воронцовой. На плохоньком любительском снимке она стоит с дочерью Верой на берегу Черного моря и смотрит вдаль. Не знаю, специально ли фотограф развернул ее в профиль, но я опять вдруг узнал знакомые черты ее прапрадеда - того, что на первой странице "Литературки"...

*Валентина
Суслова*

* * *

Чем версты лет длиннее, тем туманней,
Но к героиням Пушкина спешу
И вместе с вечной Лариной Татьяной
Переживаю вновь: “Я к вам пишу...”

Не только я. Те строки из романа
Влюбленным всем покажутся близки.
И, может, шепчет девочка Татьяна
“Я к вам пишу...” под ивой у реки.

Стыдливо прячется за строчкой тайна,
А в ней - надежда, счастье, горечь, боль...
Ах, девочка, ах милая Татьяна,
Непонятой сочувствовать позволь.

Мне так понятно страстное томленье,
Что гений нам вселяет в сердце вновь...
Ты только верь в прекрасное мгновенье,
Что даст ответ любовью на любовь.

* * *

Как грешница, на муку обреченная,
Несет свое страдание река,
Которой суждено оставаться черной
В знак траура на долгие века.

А жизнь - венец мучения и славы -
Простит ее, свидетельнице зла:
Сплетение терновника и лавра
Река до нас волною донесла.

И вновь у нас с тобой такая встреча,
Зовущая к слезам издалека...
Ты - нашей скорби вековой предтеча,
Прощенная создателем река.

ОТКРЫТИЕ

Встречаю новой рифмой час заветный,
Вновь погружаясь в тайны бытия.
Как хорошо, как больно жить на свете, -
Земную мудрость постигаю я.
Сквозь все мои падения и взлеты,
И вихри встреч, и гавани разлук,
Изменчивой судьбы водовороты,
И холод, и тепло любимых рук,
Сквозь все мои сомнения и слезы,
Да неисповедимые пути,
Высокие заманчивые грезы
И незабудок синь в твоей горсти.
Сквозь путь, когда в лицо - колючий ветер
В сознанье бьет, как хлесткая волна:
Как хорошо, как больно жить на свете!..
На белом свете есть всему цена.

... Пастух и земледел в младенческие лейбы,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют чуж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду...

* * *

Я забывала, как умела,
Всю позолоту дивных слов.
Прощаясь, выстонать сумела:
“Храни, Господь, мою любовь!”
Не ждать тебя я так старалась,
Но шла к тебе на встречу вновь,
Чтоб снова вымолвить, прощаясь:
“Храни, Господь, мою любовь!”
Ты -вольный ветер в чистом поле,
А я с разлучницей-судьбой
Твержу и в радости, и в горе:
“Храни, Господь, мою любовь!”
И мне, обиженной, мечталось
Переиначить время вновь...
Но шепчет тихо бабья жалость:
“Храни, Господь, мою любовь!”

МУЗЫКА МОЕЙ ДУШИ

Я перебираю струны
В свете лунном, в свете лунном,
И подглядывают звезды
В тайники моей души.
Вы - глазастые всезнайки,
Угадайте - разгадайте,
Почему мне очень нужно
Посидеть средь вас в тиши.
Я перебираю струны
В свете лунном, в свете лунном.
И секрет открою давний:
Очень нужно поспешить,
Чтоб успелось до рассвета
Спеть про то и спеть про это,
Чтоб разнес под утро ветер
Музыку моей души.

ОСТРОВ ПРОЗРЕНИЯ

Вхожу на остров Горького прозренья,
Как в королевство вечной мерзлоты...
Там наших судеб тесное сплетенье,
Былой полет до звездной высоты.

Смятенье губ и рук... Очарованье,
Ты (как у Гете), я прошу: замри!..
Зачем молю постыдно подаянье?
Кому нужны стенания мои?

И вот стою на острове прозренья
Совсем одна. И вдруг навстречу - ты,
С другою рядом - новым вдохновеньем.
А мне - пустыня вечной мерзлоты.

*Анатолий
Хорольский*

МАДОННА ЛИТА

От той тоски на лице тонком
Мне показалось сгоряча,
Что это мать с больным ребенком
Ждет запоздавшего врача.
Чуть-чуть обиженные губы,
Чуть-чуть усталые глаза,
И я стою - большой и грубый,
И стрелки вертятся назад.
Моя печальная Мадонна!
Вы в этом мире - как родник,
Что глубину постиг бездонную
И в высь подзвездную проник,
Где, дирижируя веками,
Сметая всех, кто шкурой толст,
Молитвы одевались в камень,
Ложились красками на холст.
Вы есть. И большего не надо.
И так мне кажется, пока
Не зазвучит в душе соната
Улыбки вашей сквозь века.

О НЕСБЫВШЕМСЯ

Когда-нибудь узнаешь ты:
Живут во мне цветными снами
Проспекты, мачты и мечты,
И все несбывшееся с нами.
Дворцов сверкающий парад,
Закат, торжественный, как знамя,
Тропинка в осень. Летний сад.
И все несбывшееся с нами.
Кому молитву сотворить?
С какими зваться мне богами? -
Пришла пора благодарить
За все несбывшееся с нами.

ИНСТИТУТ ПОСТРОЕНИЯ ЖИЛИЩА

Россия - страна осенняя. Осенняя охра русских икон. Осенняя по-золота куполов. Осенний Александр Сергеевич. Печальная, светлая загадка русской осени и души.

Так уж повелось на Руси, что осень - пора свадеб и новоселий. Пора созидания и неясного томления души. Говорят даже, что осенние запои по беспространной горемычности своей и основательности не сравнить ни с какими другими. Что с нами происходит? Откуда он, этот осенний не то срыв, не то всплеск страстей и эмоций?

Давайте вернемся в детство. И вспомним шалаши и "штабы" из картофельной ботвы, уютные норки, вырытые в копнах сена или соломы. Кто забыл - оглянитесь. Вот малыши с помощью картонных ящиков превратили бесхозный кузов "Запорожца" в теремок, вот целый окоп во дворе вырыли, вот из каркаса детплощадовской ракеты вигвам соорудили. И сидят там. И слушают шум дождя.

Думаю, что это действует давно и прочно забытый нами инстинкт построения жилища. Этот мощнейший осенний импульс, доставшийся нам от предков, в своем первозданном виде проявляется только в детстве. Но и потом никуда не исчезает. Он просто преобразуется, и его энергия у каждого устремляется в свое русло. Вот почему и осень у каждого своя. Пьяная. Трезвая. Веселая. Грустная. Болдинская.

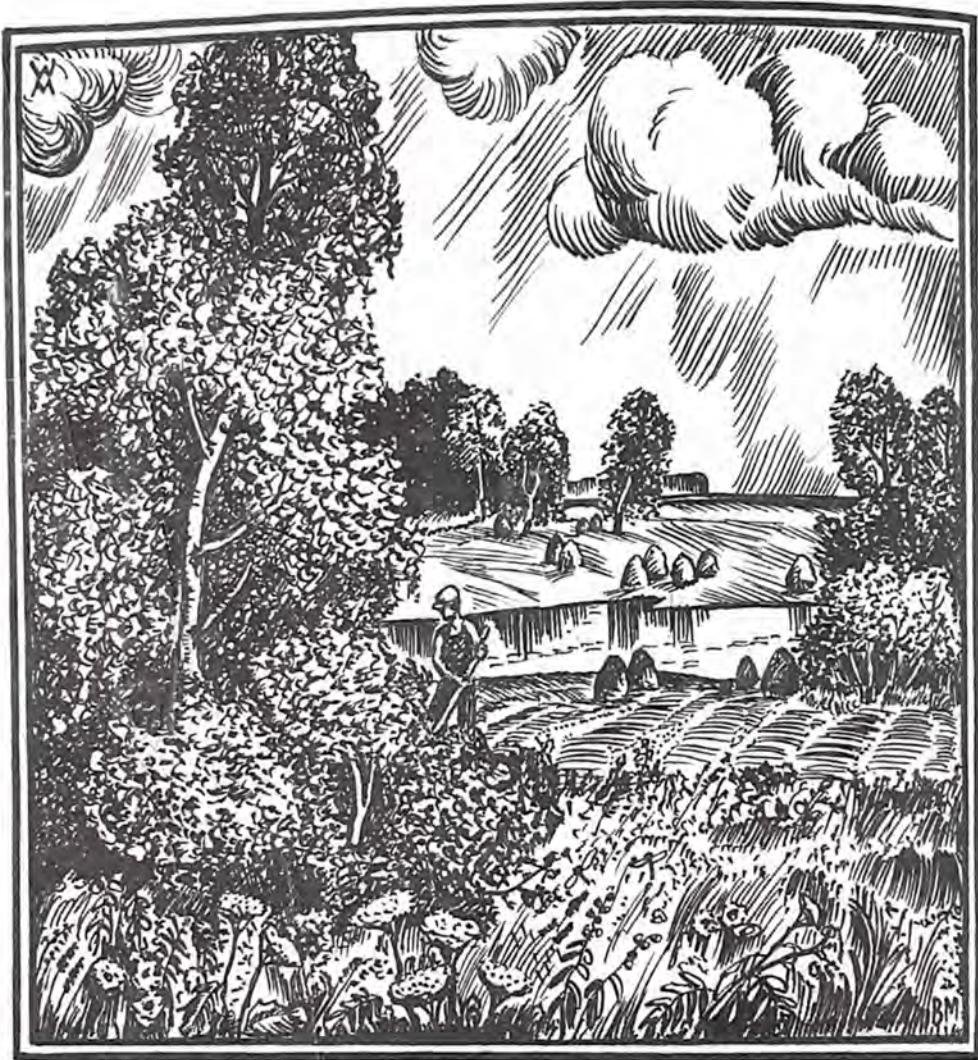
ДУРАЦКИЙ ВЕТЕР СО ВСЕХ СТОРОН

Плохо уезжать насовсем. Блажен, кто уезжает, чтобы вернуться. Что Петропавловск без меня? Что я без Петропавловска? Память, отдаляясь от него, переходит в какое-то новое качество... Березка на остановке, окно на пятом этаже, люди, которых встречаешь на улицах, и с которыми, не зная их, хочется поздороваться. Да что там... Даже скрип половиц на кухне, даже выщербленная ступенька между вторым и третьим этажом... Конечно, память нематериальна. Только вот, отдаляясь от всего этого, она становится еще более нематериальной. И, наверное, это уже не память, а просто-напросто тоска. По той, настоящей, отдавшейся памяти.

Тяжело уезжать насовсем. Потому и срабатывает защита, включается хитроумный аппарат самооправдания. Ну в самом деле, что такое Петропавловск? Заштатный городишко, безликий областной центр, коих десятки и даже сотни. Ни башни тебе Пизанской, ни пирамид, ни гор, ни водопадов, ни даже реки приличной. Одна особенность, да и та поганая: куда бы ни пошел, все время ветер в лицо. То ли оттого, что на бугре стоим, то ли от бездарных проезжих архитекторов, превративших улицы и переулки в сотни больших и малых аэродинамических труб.

И все-таки... Печально и обреченно знаю, что именно его-то и будет больше всего не хватать, этого дурацкого ветра со всех сторон.

Не надо бы уезжать насовсем...

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

Елена
Шевченко

ПРЯМЫЕ ПОТОМКИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА ЖИЛИ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

В семейном альбоме среди блёклых любительских фотографий далёкой юности есть и крошечная - 3x4 сантиметра фотография школьной моей подруги Веры Воронцовой. Судя по белому уголку в правой нижней части фотографии, сделана она была для паспорта.

Кто она, Вера Воронцова, и какое отношение имеет к величайшему русскому поэту? Расскажу по порядку.

Детство и юность мои прошли в совхозе имени Буденного на границе Северного Казахстана в 200 километрах от Петропавловска. Это хозяйство образовалось году в тридцать четвёртом. Рабочие нового совхоза наскооро построили землянки-времянки, несколько бараков - под школу, контору, магазин, почту, животноводческие помещения, МТМ, зерносклад. Земля там - метровый чернозём, кругом берёзовые леса, рядом большое пресное озеро. В 1940 году построили в совхозе просторную светлую кирпичную школу, в планах было уже строительство более благоустроенного жилья, но тут началась война, на полтора десятилетия законсервированная село в его убогом облике с землянками, сараишками, кучами назьма, непроходимой грязью на улицах.

Сказать, что мы испытывали какую-то ущербность от всего окружающего нас, было бы неправдой. Всё воспринималось как данность, другой жизни мы не знали. Мы не голодали, в лохмотьях не ходили, учились в школе. Детство помнится походами по ягоды и грибы, незатейливыми играми. И тряпичных своих "катек", "люб", "марусь" тогдашние девочки любили не меньше, чем нынешние своих "барби".

О том, что есть совсем другая жизнь, мы впервые узнали от ссыльных поляков.

В 1939 году в совхоз прибыли десятка полтора семей, выселенных из освобождённых, как тогда говорили, областей Польши. Взрослых мужчин ни в одной семье не было - только женщины и дети. Почти

все они неплохо говорили по-русски. Никакой не только вражды, но и неприязни к ним со стороны коренного населения не было. Они стали, как все, работать в совхозе, жить, как все, в землянках, дети пошли в школу, и местная детвора быстро с ними сдружилась. Но надо сказать, что ссыльные все же многим выделялись среди нас - одеждой, вежливостью, общей культурой. И к ним потянулись, многому у них учились, особенно женщины. Среди полячек оказалось немало рукодельниц. По их выкройкам стали шить платья, блузки. Они просветили местных модниц в таких "секретах", что любая одежда должна шиться по фигуре, что бюстгальтер украшает девичью и женскую стать, научили вязать шерстяные вещи "с рисунками".

Моими подругами стали Зоя Развадовская, Туся Гурвич и Вера Воронцова. Мама у Туси Гурвич была необыкновенно красива. От нее я впервые услышала о конкурсах красоты, на которых она занимала призовые места в каком-то польском городе.

Вот такая предыстория к моему рассказу о семье Воронцовых.

Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова пятнадцатилетней девочкой поехала в Польшу из России погостить у своего дяди. Вскоре разразилась первая мировая война, и она осталась в Польше в имении графа Воронцова. Наташа подросла, дядя граф был ещё молод, и она с разрешения Папы Римского стала его женой. Близкородственные браки у католиков не запрещены, но Наталья Александровна была русской, поэтому и пришлось обращаться к самому Папе. Брат её Воронцов-Вельяминов и другие родственники остались в России. Брат впоследствии стал автором неоднократно переиздававшегося у нас учебника по астрономии для десятого класса.

Самое удивительное было то, что Наталья Александровна была правнучкой самого А. С. Пушкина!

О Пушкине мы уже, конечно, кое-что знали. И не только по школьной программе. В 1937 году в стране необыкновенно широко отмечалось столетие со дня гибели поэта. Оно было ознаменовано массовым изданием его произведений. Школьные тетради, помнится, несколько лет выходили в "пушкинском" оформлении: на первой странице обложки портрет поэта или рисунок, иллюстрирующий то или иное его стихотворение, на последней - само стихотворение ("У лукоморья", "Песнь о вещем Олеге" и др.).

У самой Натальи Александровны внешнего сходства с прародителем не просматривалось. Разве что кудрявые от природы волосы. Тогда у нас завивка ещё не была в ходу, и её "кудрявость" сразу обращала на себя внимание.

Немного вещей вывезли сосланные семьи, брали с собой лишь необходимое и дорогое как память. Наталья Александровна часто показывала роскошно оформленный альбом, который мы рассматривали с большим интересом.

- Это внучка Александра Сергеевича Пушкина, а моя бабушка, - поясняла Наталья Александровна, указывая на фотографию пожилой женщины в чепчике и с кошечкой на руках. Запомнилось, что в голове долго не укладывалось: внучка, а сама бабушка...

- А что это за здание? - спрашивали мы, рассматривая фотографию, на которой был запечатлен особняк посреди парка.

- Это графское имение, наш загородный дом, а жили мы больше в городском доме. Летом в имение съезжалось много гостей, родственников, их принимали, угостили, и весь дом был занят ими.

- Сколько же в этом доме комнат? - любопытствовали мы.

- Что-то около сорока, - грустно отвечала бывшая графиня.

- А чтобы угостить всех, кого приглашали, сколько же надо было еды?

- следовал прозаический вопрос.

- Ну бывало, что забивали только на обед до сорока кур.

Может быть, я ошибаюсь, но, как я теперь понимаю, Наталья Александровна не была лишена сословной спеси и своим графским титулом гордилась, пожалуй, больше, чем родственной близостью к Пушкину.

До десятого класса я училась с братом Веры Воронцовой Юром. Сходство его через много поколений с Пушкиным было поразительным. Волосы у него были русые, но кудрявые, губы пухлые, нос абсолютно "пушкинский", "баки" от висков курчавились.

На уроках ходили по классу его стишкы, в основном что-то вроде эпиграмм на учителей.

Юра родился в 1926 году, Вера - в 1929-м. У неё тоже были курчавые волосы рыжеватого, как тогда говорили, теперь бы сказали каштанового цвета.

С Верой я училась в десятом классе в районном центре - станице Пресновке, родине известного казахстанского писателя Ивана Шухова.

В 1946 году, когда полякам разрешили выезд в Польшу, Наталья Александровна не могла уехать как русская по происхождению. Она задумала вступить в фиктивный брак с пожилым поляком, но дети его воспротивились, и Наталья Александровна осталась в Советском Союзе. Впоследствии она уехала к дочери на Кавказ нянчить внука, но возвращалась в Петропавловск дорабатывать стаж для пенсии.

У Юры и Веры были официальные бумаги из музея Пушкина с изображением родословного древа поэта. На вершине одной из ветвей в квадратиках или кружочках, не запомнилось, были обозначены их имена. Любопытная деталь: одно время вводилась оплата за обучение в школе после седьмого класса, кажется, 15 рублей в год. Я была освобождена от оплаты как дочь погибшего на фронте, а Юра и Вера - как прямые потомки А. С. Пушкина.

После школы жизнь развела нас. О дальнейших судьбах Юры и Веры я знаю немного.

Юра был призван в армию, служил где-то в Сибири. Служба шла у него тяжело - графское происхождение воспринималось не только с

иронией, но и с некоторым озлоблением. Теперь это называется дедовщиной. Сразу после службы женился. В семье появилось четверо детей. Материально был обеспечен плохо. Наталья Александровна брак его не одобряла, помочь ничем не могла.

Позже он с семьёй переехал в Петропавловск. Последний раз я видела его году в шестьдесят втором. Возле колхозного рынка была водокачка. С коромыслом и ведрами он стоял в очереди за водой. Худой, плохо одетый. Постеснялась подойти. Подумала, может, прараправнучку гения и сыну графа будет неприятно предстать в таком виде перед бывшей одноклассницей. Теперь, конечно, жалею об этом. Может статься, он жив, может, в Петропавловске живут его дети, не знаю.

Вера заочно закончила географический факультет Одесского университета, уехала работать на Кавказ. До шестидесятых годов кое-какие весточки о ней доходили до меня, а потом дороги наши разошлись, как понимаю теперь, навсегда.

Не хватило у меня в свое время понимания, что судьба свела меня с людьми необыкновенными, можно было бы побольше узнать о них и от них. Но все же общение с ними - незабываемые страницы моей жизни. В год двухсотлетия великого поэта я рассказываю своей внучке Аньюточке, с пяти лет знающей наизусть множество стихов Пушкина, о том, что была знакома с его прямыми потомками. И Пушкин словно сходит с пьедестала и становится и для меня, и для нее еще более дорогим и близким.

Владимир
Шестериков

СИБИРСКИЕ МАДОННЫ

Осатанело выюги стонут
На перепутьях дум-дорог.
Спешат сибирские мадонны
К невольникам
в глухой острог.

О, эта добровольность плены
В медвежьем сумрачном углу!
... Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.

Снега, снега, как привиденья,
Да редких огоньков игра,
Всей жизни стоит отреченье
Во имя долга и добра.

Лишь только след саней поющих,
Звенящих елей серебро,
...Узнав про то мгновенье,
Пушкин

Тотчас возьмется за перо.

В час вдохновенья, полный страсти,
Предвидя на Руси восход,
До современников Некрасов
Великий подвиг донесет.

И на сибирских старых улицах
Мне в зимний день,
под свист пурги,

Из века прошлого почудятся
Тех женщин доблестных
шаги.

И я отдаю поклон им низкий
За то, что шли в неравный бой
За честь души, за бескорыстие,
За верность долгу, за любовь.

За то, что путь их был увенчан
Высоким светом красоты,
За то, что ищем в наших женщинах
Чеканных профилей черты.

И пусть уже давно настали
Иные времена и дни,
Но в час сuroвых испытаний
С гравюр глядят на нас они.

И ищут взором напряженным
На жгучий свой вопрос ответ:
“Достойны ль мы, чтоб наши жены
Вот так пошли за нами вслед?”

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Еще плывет в толпе восторг
И звон кандалыный не бряцает,
Еще не следует в острог
В санях графиня Трубецкая.

Не грянул гром судьбы пока,
Еще в промозглой зимней стужи
Солдат Московского полка
Выводит сумрачный Бестужев.

Утих сановный шум карет,
Как рекам, думам растекаться...
Безмолвно строгое каре
На гулкой площади Сенатской.

А до свободы - два шага,
Но трудно их сейчас осилить...
Кругом в глубокие снега
Была закована Россия.

Еще миг светлый вдалеке -
И далека пора рассвета...
И у Каховского в руке
Дымится эхо пистолета.

КАПИТАНЫ СВОБОДЫ

13 июля 1826 года на флагманском корабле “Князь Владимир” совершена гражданская казнь моряков-декабристов.

Среди них морские офицеры гвардейского и других флотских экипажей: Бестужев, Кюхельбекер, братья Беляевы, Чижов и другие.

15 человек были как государственные преступники приговорены к лишению чинов и дворянства, к каторге, разжалованы в солдаты.

В парадную форму одеты,
Становятся узники в ряд,
Срываются с плеч эполеты
И в бездну морскую летят.

От жертв отступив на три шага,
В каре замирает конвой...
Со свистом ломаются шпаги
Над ними -
одна за другой.

В Сибирь офицеров опальных
Отправят -
с лишеньем чинов...
Закованы в цепи на палубе
Бестужев... Беляев... Чижов...

Баркасы отходят от берега,
Пронзительно чайки кричат,
... Не станет ни Куоком, ни Берингом
Ни этот,
ни тот лейтенант.

Но верят они:
через годы
Взойдет над страною восход,
А их в капитаны свободы
Россия произведет.

И пусть не положен при этом
Ни крест и ни блеск эполет,
Но выше нет званья на свете,
Где знаков отличия нет...

* * *

Словно спутник незримый,
Как от друга привет,
Все горит негасимый
Несказанный твой свет.

То он вспыхнет, как солнце,
То мигнет издали,
Как зарница в оконце,
Как свеча Натали.

Свет во взоре поющем,
В твоей гордой судьбе,
И рождается Пушкин
Для стихов - о Тебе!

* * *

Бегут вперед неслышной ратью
За чередою дней года.
Уходит что-то невозвратно,
Уходит кто-то навсегда.

И с каждым днем ранимей слово.
И с каждым годом горячей
Смолистый дух ветвей еловых
И свет мерцающих ночей.

Но ни почем мне будут годы,
Пока всегда
 перед собой
Я буду видеть лик твой гордый
И тот
 чеканный профиль твой.

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам сущей.

* * *

Я не сравню тебя ни с кем.
И не приму сравнений громких
Ни с незабвенной Анной Керн
И ни с прекрасной "Незнакомкой".
Пускай в тебе, мой друг, нашли
Все то, кому что стало ближе,
Одни - всю прелесть Натали,
Другие - тайну Моны Лизы.
Но нет сомнений ни на миг,
Что ты, -

пусть их черты вобрала, -
Была не копией других,
А как они, оригиналом!

* * *

Дорогому другу и жене Нине

Ты вовсе в том не виновата,
Сверкая яблоней в цвету,
Что слишком дорогую плату
Судьба берет за красоту.

Что,
как-то раз сведя с тобою
На стропах жизненных путей,
Заставит заплатить ценою
Не обретений, а потерь.

Ценой того,
что тайно мстили
В тебя влюбленные друзья,
Что не они в кумирах были,
Что изменить тебя нельзя.

И со злорадством замечали,
Как год от года красота
Чуть горькой складкою печали
Обозначается у рта.

Теперь с годами стала чаше
Тревожить душу цепь невзгод
И больше все-таки на счастье
Подругам-золушкам везет.

И ты глядишь в окно устало,
И белый свет порой не мил,
А мне все кажется, что мало
Тебе стихов я посвятил.

Но обжигают душу жарко
То оправдание себе,
Что и у Блока, и Петрарки
Нашел стихи я - о тебе.

ЖАР-ПТИЦА ПЕТРА ЕРШОВА

1. “МЕЖДУ ТЕМ ГРАДСКОЙ ОТРЯД...”

А в самом ли деле автор знаменитой сказки “Конек-горбунок” Петр Павлович Ершов провел часть своего детства в Петропавловске?

Над этим вопросом я не раз задумывался, посещая поляну сказок в городском парке культуры и отдыха, которую, казалось, явственно оглашают сидящие на высоких насестах резные деревянные петухи.

Он так и “недоделан” местными умельцами, сей чудесный сказочный городок по мотивам “Конька-горбунка”, но в нем всегда целый рой мальчишек и девчонок, которым ни зимой, ни летом не дают покоя “чудо-юдо рыба-кит”, пушки, что с “пристани палят”, да и сам текст, написанный крупной славянской вязью.

- Как же не был Ершов у нас? Разве не с тогдашнего знаменитого петропавловского базара списана сия живая картинка?

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд:
Смотрят - давка от народу,
Нет ни выходу, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.

И при этом многие мои земляки непременно и вполне закономерно ссылаются на книгу “Рожденный в недрах непогоды” Виктора Уткова, отдавшего много лет исследованию жизни великого сказочника. В ней описана весьма экзотическая сценка менового двора и пограничной таможни в бывшей крепости во имя святых Петра и Павла, остатки которой - рвы и насыпи, часть строений - сохранились до нашего времени, а чугунная пушка, торчащая из стены декоративного укрепления в парке, до сих пор будоражит воображение мальчишек.

В своих “Заметках на полях”, помещенных в конце книги, Утков указывает, что Ершовы переехали в Петропавловск скорее всего в 1818 году и что переезд их из деревни Безруковой установлен на основании просмотра за ряд лет “Адрес-календаря, или общего штата Российской империи” известным литературоведом Б. Бухштабом. Точно так же предположительно указывался и переезд на новое местожительство в Омск в 1821 году.

Я попросил местного краеведа, преподавателя истории Петропавловского педагогического института Михаила Ивановича Бенюха уточнить, если это возможно, годы пребывания Ершовых в Петропавловске. Выяснилось, что имя петропавловского частного комиссара, губернского

секретаря П. А. Ершова встречается в “Месяцеслове с росписью чиновных особ, или общего штата Российской империи” за 1819-21 годы. С 1822-го он, судя по тому же источнику, получил повышение по службе, о чем свидетельствует его новая должность - омский исправник и чин коллежского секретаря.

Значит, в Петропавловске, по уточнению краеведа М. И. Бенюха, будущий автор “Конька-горбунка” находился от четырех- до семилетнего возраста, что очень важно для его детских впечатлений.

Чтобы судить о них, стоит перенестись в приишимскую степь в начале прошлого века, когда, освистанная горьковатым ветром, натуженно дребежала дорожная четырехколесная повозка, а вокруг расстилались бескрайние просторы с березняками, звонко поющими на все лады голосами птиц, с горько-солеными озерами, курганами, погрузившимися в глубокие раздумья.

Павел Алексеевич Ершов ехал с семьей к месту своего нового назначения в Петропавловск. Будущему творцу “Конька-горбунка”, родившемуся 6 марта 1815 года, было тогда всего четыре года, но зато минуло более полувека с того времени, когда в походную канцелярию главного командира войск в Сибири 8 мая 1752 года примчался специальный курьер из Петербурга и старый генерал-майор и кавалер Киндерман, сорвав печати, скрепляющие толстый пакет, с волнением прочитал указ “Об учреждении новой линии крепостей и редутов...”

Тогда же было принято решение о сооружении по реке Ишиму, основной водной артерии северной части казахской степи, крепости Святого Петра в урочище, называемом казахами Кзылжаром (Красным яром), изобилующем землей, щедрой на промыслы, богатой сенокосными и лесными угодьями.

Сейчас можно только предполагать, о чем думалось в дороге под свист степного ветерка отцу будущего знаменитого сказочника, мелкому полицейскому чиновнику, когда он, черемшанский комиссар, покидал деревню Безруковку, когда-то бывшую форпостом на Ишимской линии, но постепенно утратившую свое значение, особенно после того, как пограничная линия передвинулась на юг и стала называться Горькой. А думалось скорее всего о том, что ждет его на новом месте и доколе еще можно ожидать повышения в чине, которое, по подсчетам Павла Алексеевича, давно приспело. Иначе он не стал бы беспокоить самого генерал-губернатора Сибири “о разрешении ему производства чинов”.

В 1819 году Павел Алексеевич Ершов оставался в прежнем чине, став петропавловским земским комиссаром. А на эту должность жаловаться грешно. Еще в 1803 году вышел закон о сокращении уездов в Тобольской и Иркутской губерниях и “о разделении оных на несколько комиссариатов, с определением в оные особенных начальников, под именем земских частных комиссаров”, обязанных “ответствовать за благососто-

жение вверенных им волостей, представлять в разборе маловажных тяжб и споров действие земского суда”.

Частный земский комиссар подчинялся только уездному исправнику, который, как повелевал царский указ, “есть главное лицо в уезде”. И хотя Павел Алексеевич ко времени своего переезда в Петропавловск пережил то падения, то взлеты на тогдашней полицейской иерархической лестнице, назначение петропавловским частным комиссаром его не могло не радовать. Он теперь должен был ответствовать за благосостояние многих волостей по Горькой линии от редута Гагарьего до крепости Лебяжьей.

И еще один факт из жизни нового комиссара должен был сыграть свою роль - факт, который пока еще не встретили ни в одном исследовании родословной автора “Конька-горбунка”. В годы Отечественной войны Павел Алексеевич Ершов, как говорится, тряхнул нехитрой мошной и выложил из небогатого своего кармана на нужды армии 150 рублей. И, можно сказать, тем самым он, происходящий из “приказного звания”, утер нос многим сибирским дворянам, имеющим движимое имущество.

Комиссар Ершов представляется за свой вклад в разгром супостата к награждению памятной медалью, которую получает уже находясь в Петропавловске в 1819 году.

О том, насколько хлопотной была его должность на новом месте, можно судить по объяснению его предшественников, полицейских чинов, в ответ на упреки присланных ревизоров в беспорядках, о том, что “на улицах разный помет, духота, легко могущая вредить здоровью людей, от наваленного помета всюду и назьмы, и сверх всего находятся валяющиеся человеческие головы и руки...”

Тогдашний комиссар на это ответствовал: “Заваливание навоза для возвышения улиц есть одно средство к проезду, но ежели строго возбранить, то тогда невозможно было по оным и пройти... Что в крепости Петропавловской валялись открыто человеческие головы и руки, о сем он, комиссар, не известен”.

Ишимский земский исправник поддержал своего подчиненного, “присовокупив” со своей стороны: “при личном его осмотре в предмете той крепости никакой нечистоты... не оказалось”.

Тобольский вице-губернатор Штейнгель (отец будущего декабриста) тоже высказал на сей счет свои соображения:

“В крепости св. Петра определить особого полицейского чиновника под названием петропавловского градского комиссара на права городничего и подчинить ему введение полицией в сей крепости над домами обывательскими”.

Однако в жизнь прошло предложение генерал-губернатора Сибири Пестеля “назначить не частного комиссара на правах городничего, а

городничего - подобно другим городам, а для несения полицейских должностей определить городовых казаков”.

Не тот ли самый это “градский отряд”, о котором упоминает будущий писатель в своем знаменитом описании конного торга?

Но был не только чиновничий и полицейский Петропавловск, получивший в 1807 году статус города, но и тот, о котором известный ученый Гумбольт писал:

“В Петропавловск (привожу пример почти неизвестного в Европе пункта) в 1830 г. с 9 по 21 июня пришли из Ташкента, расположенного на берегах Сихуна или Яксарта, 832 верблюда. Они были нагружены хлопком, козьей шерстью, овечьими шкурами и сушеными плодами и прибыли в сопровождении 60 телег... Один из караванов, подвергшийся нападению на берегах Чу, употребил только 56 дней на путь из Ташкента в Петропавловск”.

К приезду в Петропавловск комиссара Павла Алексеевича Ершова крепость святого Петра как стратегическое укрепление свое значение утратила, а у ее стен вырос город, главное место в котором заняли меновий двор и пограничная таможня.

Казалось, шел дым из ноздрей огненных скакунов, предлагаемых на конном торге крупного торгового центра в степи, где перекрестились караванные пути запада и востока, севера и юга, города, первый герб которого венчали кочевник в длиннополом халате и верблюд.

Не здесь ли, на меновом дворе, куда степные кочевники пригоняли табуны необузданых коней, приходили нескончаемые караваны верблюдов, родился знаменитый персонаж ершовской сказки “Конек-горбунок”?

2. “ЗОВУТ ИХ - ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ”

А теперь перенесемся в столичный град России Санкт-Петербург, в небольшой деревянный одноэтажный дом на Песках, в котором скромная мебель и опрятность во всем подчеркивали не только бедность, но и достоинство его обитателей.

И худощавый озябший юноша, присев на низенькую скамейку в полутемной комнатенке, тянет застывшие на холоде руки к весело потрескивающей поленьями печке.

Прошло почти десять лет с тех пор, как его детское воображение поразила старая крепость на Ишиме, огромные, возвышающиеся в степи, как корабли в океане, верблюды, плывущие легкой иноходью кони, на которых, кажется, можно подняться и умчаться за облака.

Куда только с тех пор не забрасывала кочевая судьба бывшего чремшанского, затем петропавловского частного комиссара, а вместе с

ним и его сыновей, прежде чем он выхлопотал себе место в Петербурге. Ершовы помнили Омск, Березов, Тобольск, "стольные" города сибирского захолустья, где увязывались предания и легенды с бывальщиной, и красное, емкое похрустывающее, как снег в крепкие морозы, словцо было в почете у крестьян и чиновников, казаков и монахов. Все увиденное на базарах, рынках, постоянных дворах, услышанные байки причудливо соединялись в замысловатые картины, будоражащие чувство и разжигающие фантазию.

Блики огня играли на стене, скользили причудливыми тенями. И вот уже не пламя, жарко вспыхивающее в ночи, а огненные скакуны проносятся перед взором озябшего юноши, а с ними - смелые джигиты, непринужденно сидящие в седлах. Вспоминаются встречи на базарах и торжках Петропавловска, Омска, Тобольска.

Стук в дверь. К нему? Кто это может быть? Владимир Треборн? Это о нем он писал впоследствии: "славный малый, поэт шуток и знакомец целого Петербурга, всегда выдумывающий себе занятия, но никогда ими не занимавшийся". Именно таким был самый сокровенный и любезный друг его сердца, с которым он постоянно гулял, читал, рассказывал юмористические и шуточные истории - до них оба были большие охотники.

Не ему ли с задушевным юмором рассказывал Ершов о березовских, а может быть, и петропавловских оригиналах, с коими он сталкивался в детстве. Быть может, о балагуре экспедиторе, служившем прежде денщиком, добывавшем деньги, когда их у него не было, путем игры в лотерею.

- Что же будем разыгрывать? - спрашиваем у него.

Не моргнув глазом, экспедитор отвечал: "Да вот хотя бы пару сапогов: один годен к употреблению, другой требует починки". Смеха ради билеты разбирались, и экспедитор в накладке не оставался.

Или о вошедшем в "историю", благодаря рассказу Ершова, судье, достопримечательностью которого была огромная меховая шапка, с которой он не расставался зимой и летом даже в гостях. Была у него странность: если увидит у кого-либо вещь, которая ему понравилась, кладет ее в шапку и несет к себе домой.

Безусловно, такое поведение озадачивало полицейского комиссара. Но его тут же успокаивали: "Да вы не беспокойтесь. Все вещи, добывшиеся таким путем, судья выкладывает у себя дома, и хозяин может спокойно ее забрать".

Но чу! А это что? Уж не стремительная ли "птица-тройка" несется в воображении приятелей? Да нет, просто Ершову вспоминается любимая забава детства, когда он в бумажную каретку, сделанную своими руками, впряжен... четверку или шестерку тараканов.

В те годы он все делал словно шутя - готовя уроки, фантазировал, добавляя к ним занимательные истории, рассказы, шутки и поговорки, поверья, услышанные от стариков. И не от них ли он узнал о том, как в детстве его за грош продали через окно нищему? Таким путем, его, слабого от рождения и страдающего припадками, решили излечить по существующему поверью родители. “И припадки, - смеялся Ершов, - как рукой сняло. - И на что мне чины и почести, когда я стою только грош”.

Это в альбом Треборну написал Петр Ершов строки:

Вступая в свет неблагодарный,
И видя скорби, я роптал.
Но мой хранитель светозарный
Мне в утешение сказал:
Есть два сопутника меж нами:
Они возьмут тебя в свой кров,
Они усыплют путь цветами, -
Зовут их - дружба и любовь...
И я с сердечною тоскою
Пошел сих путников искать...
Один предстал ко мне с тобою,
Другого, может, не видать...

Когда гостю открыли дверь, то в вошедшем, быть может, Ершов все-таки увидел того самого “другого” в лице Андрея Ярославцева, кому мы обязаны тем, что из “первых рук” узнали о замечательном его современнике.

- А я тут по-сибирски руки грею, - сказал ему Ершов, вставая с низенькой скамейки перед топившейся печкой и протягивая руку товарищу, который с ним особенно сблизился после чтения его сказки “Конек-горбунок”.

В тот день Петр Ершов, как всегда, сидел на своем излюбленном месте, на “галерке”, когда профессор Плетнев, взойдя на кафедру, вместо лекции начал читать негромким голосом:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе - на земле
Жил старик в одном селе.

И все сразу попали под обаяние удивительно простой и бесхитростной, но очень яркой и образной народной речи.

Но ведал ли кто из студентов, что автор, скромный и добродушный паренек, сидит тут же, среди них, и неловко, застенчиво улыбается. Вряд ли был в числе других и его будущий друг. По свидетельству Ярославцева, он не раз видел его со старшим братом в большой сборной комнате университета, обычно у окна с книгами и тетрадками, причем, это

место, где их можно было застать до начала лекций, стало для братьев постоянным. Оба - среднего роста, Петр - чуть пониже, с темными, слегка волнистыми волосами на лбу и висках. Он обычно избегал знакомств, особенно с сыновьями некоторых высших сановников, вокруг которых обычно увивались, заискивали иные. Когда являлся профессор и все шумной гурьбой устремлялись в аудиторию, он обычно шел позади других и садился на одну из последних скамеек, рядом с тем, кто был ему ближе.

... Весело потрескивает печь. В полутемной комнате зажигается свеча. Колеблющийся фитилек делает причудливыми тени приятелей в комнате. Гостю верится и не верится, что сказка писалась именно здесь. Всегда молчаливый, чуть ироничный, любящий посмеяться и пошутить над людскими слабостями, но всегда избегающий резких порицаний, Петр Ершов почти ни с кем не делился своими замыслами, носил их в себе. Правда, когда Треборн ночевал у Ершова, то хозяин, улегшись в постели, нередко рассказывал ему сказки. Говорили про "Конька-горбунка". Но то, что сам пишет, ни разу не обмолвился. Было у него правило - не открывать прежде времени того, что еще не сделано.

Как и почему именно у него родилась сразу ставшая знаменитой сказка? Что он за личность такая? Тогда еще Ярославцев не знал, что именно ему первому предстоит поведать о нем читателям России. Да и мы воспользовались его воспоминаниями, чтобы описать изложенное выше, а также отдельные последующие сценки из его жизни, внешне, для несведущего глаза, ничем не примечательные.

Тут, думается, настала пора дать слово самому Ярославцеву, чьи биографические воспоминания, изданные в 1872 году в Санкт-Петербурге, давно стали библиографической редкостью.¹

"Сказка "Конек-Горбунок", напечатанная впервые отрывком, с необыкновенным отзывом покойного О. И. Сенковского, в 3 томе журнала "Библиотека для чтения" 1834 года и вслед затем, в целом виде, отдельною книгой, явилась при жизни Ершова, в течение 34 лет, семью изданиями; начиная с 4-го издания, в 1856 году, стала она печататься с восстановлением тех мест, которые исключены были в прежнее время и заменены в первом издании точками. В 1871 году сказка напечатана вновь, восьмым изданием..."

... Покойный А. С. Пушкин, прочитав эту сказку, отозвался, между прочим, Ершову, - как рассказывает он сам: "Теперь этот род сочинений можно и мне оставить". Слова эти, впоследствии, через несколько лет уже, подтвердил мне лично и бывший при этом случае у Пушкина

¹ А. Ярославцев. П. П. Ершов - автор сказки "Конек-горбунок". СПб, 1872.

покойный барон Е. Ф. Розен (и именно в 1860 году, когда я был цензором С-Петербургского цензурного комитета, с которым Розен имел сношения как литератор).

Пушкин заявил в то же время намерение содействовать Ершову в издании этой сказки, с картинками, и выпустить ее в свет по возможно дешевой цене, в огромном количестве экземпляров, для распространения в России, но, при недостаточных средствах автора и по случаю смерти Пушкина, намерение это не выполнилось. В. А. Жуковский, П. А. Плетнев и известные наши литераторы также искренне приветствовали тогда Ершова..."

3. "ЛУЧОМ ГРАЖДАНСТВА ОЗАРИТЬ"

А теперь давайте вспомним вдохновенные строки хрестоматийного пушкинского стихотворения:

Пока свободою горим.
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятив
Души прекрасные порывы!

Как зозвучны им программные строки, посвященные П. Ершовым своему другу Константину Тимковскому,нуку знаменитого русского путешественника Григория Шелехова:

Какая цель! Пустыни, степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить.

Живо представляется сценка, описанная все тем же Ярославцевым.

"... Ершов положил свой указательный палец на стол, за которым мы сидели на диване.

- Что это? - спросил я.
- Посмотри...

Я увидел на пальце черное металлическое из роз кольцо, с серебряной пластинкой, на которой изображены буквы М. В.

- "Mors et vita!"

"На жизнь и смерть", - произнес он торжественно.

- Посмотри, пожалуйста, и внутри.

Он снял кольцо и подал мне. На внутренней стороне обручика вырезаны были число, месяц и год, когда они оба, по объяснению Ершова, решительно согласились на путешествие по Сибири..."

Друзья поклялись приложить все силы к изучению и исследованию Сибири, мечтая создать для этого специальное общество, издавать свой

журнал. Одним словом, выработали целую программу широкой гражданской деятельности на благо родины.

- Сведений будет вдоволь, - делится Ершов своими планами с Ярославцевым, - подписка на журналы доставит новые средства... Тимковский обещал привести из Америки шхуну для хода по водам где можно...

Но все оказалось в жизни иначе, и свою мечту "разрушить умственные цепи" Ершову пришлось осуществлять, борясь с захолустным невежеством на более чем скромном посту учителя Тобольской гимназии. Да и за эту должность уже хорошо известному тогда в литературных кругах автору "Конька-горбунка" пришлось пережить немало унижений, скитаясь по канцеляриям чиновного Петербурга.

Прошел целый год, прежде чем Ершов получил назначение в Тобольск.

К этому времени - за год до окончания братьями Ершовыми университетского курса - они остались без отца, а затем болезнь унесла горячо любимого брата Петра - Николая, смерть которого он горько оплакивал. Может быть, потому и пришлось оставить свои планы?

И все-таки он "у судьбы под острыми когтями не изменил призванию первых дней".

И пусть очень разителен контраст между блистающими дворцами и набережными "Северной Пальмиры" и отдаленной от него не одной тысячей верст сибирской глубинкой, близки и милы его сердцу описанные впоследствии его другом известным краеведом, общественным деятелем и художником Михаилом Степановичем Знаменским и узенькие закоулки Тобольска, и старуха, разложившая на скамейке соблазнительный товар - кучки золотистой репы и кедровых шишек, и лошадь, щиплющая траву в канаве.

Пусть всего лишь с преподавания мертвой латыни началось Ершовым "освоение" Сибири, о чем он так горячо мечтал, в нем бьет ключом задор молодости, творческая энергия, стремление отдать ниве проповедования "души прекрасные порывы".

В письмах к петербургским друзьям он посмеивается: "я вступил в должность латинского учителя и целый месяц мучил латынью и себя, и учеников..." .

"... наша обоюдная мука кончилась к совершенному удовольствию обеих сторон. И в половине сентября я торжественно вступил на кафедру философии и словесности в высших классах и получил связку ключей от знаменитой, хотя и не утвержденной в этом звании, гимназической библиотеки. Но главное в том, что я пользуюсь совершенным раздольем - часов немного и учеников немного".

Чувствуется, что еще живут в Ершове прежние порывы юности, а в его письмах преобладает мажорный оптимистический тон.

Рассказав об одном из своих сослуживцев, он сообщает в письме Треборну: “Из других знакомых моих я назову тебе только двоих: “В-лицкого, воспитанника Парижской консерватории, и Ч-жова, моряка, родственника (племянника) нашего профессора Д. С. Ч. Читаю редко, да и не хочется. Зато музыка - слушай - не хочу! Каждую среду хожу в здешний оркестр, состоящий из 60 человек учеников Алябьева, которыми нынче дирижирует В-лицкий. Играют большей частью увертюры новейших опер и концерты...”. Это, очевидно, о них идет речь, когда Ершов пишет: “Здешние знакомства мои очень ограничены - два-три человека, но таких людей поискать в Петербурге...”.

Исследователи расшифровали эти написанные через дефис фамилии. В первом случае речь идет о сосланном в Тобольск участнике польского восстания Констанции Волицком.

Во втором - имеется в виду отнесенный к государственным преступникам восьмого разряда и присужденный к лишению чинов, дворянства и ссылке на вечное поселение декабрист Николай Чижов, племянник профессора Петербургского университета Дмитрия Семеновича Чижова, переведенный после настойчивых просьб матери рядовым в Первый сибирский батальон в Тобольск.

Кстати сказать, в списке ссыльных декабристов, отбывавших срок в Петропавловске, есть и его имя, о чем доселе вряд ли известно исследователям декабристского движения. Собирая на протяжении нескольких лет вместе с краеведом М. И. Бенюхом сведения о нем, я обратил внимание на статью литературоведа Б. Бухштаба “Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов”, установившего, что не Ершову, а Чижову, активному участнику любительских спектаклей в Тобольской гимназии, принадлежали стихотворные куплеты, включенные в оперетту “Черепослов, сиречь френолог”, известные как сочинение Козьмы Пруткова. Ершов их передал В. М. Жемчужникову и они были опубликованы.

В письме от 5 марта 1837 года в Петербург, сообщая, что написал для гимназического театра две презентабельных пиески, одна из них прекомическая опера, а имя ей дается Якутское, Ершов добавляет: “Еще приятель мой Ч-жов готовит тогда же водевильчик “Черепослов”, где Галлю (основатель френологии. - В. Ш.) пречудесная шишка будет поставлена. А куплеты в нем что ну, да на, и в Питере послушать захочется”.

Заметим: чтобы дружить с государственными преступниками в то время, не боясь повредить своей репутации, надо было иметь гражданское мужество. Ершову его не занимать. Именно Чижов стал первым декабристом, с которым он так близко сошелся. Быть может, потому, что избранный им путь в жизни чем-то напоминал путь Константина Тимковского, с которым поклялся в верности своим идеалам автор “Конька-горбунка”.

Прежде чем отправиться на каторгу, лейтенант флотского экипажа Чижов успел совершить путешествие на Новую землю под командой Литке и первым дал ей описание. Сейчас уже известно, что именно после сообщения Чижова о восстании Московского полка вывел Николай Бестужев на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж. И это о нем написал Николай I коменданту Петропавловской крепости: "Присылаемого при сем Чижова посадить особо на гауптвахту". На вопрос высочайше утвержденного Тайного комитета: "Что побудило вас вступить в тайное общество?" - декабрист ответил: "Вступил я единственным из любви ко благу моих соотечественников, именем сего священного чувства и был я в оное приглашен".

И подобно взрыву бомбы, прозвучали опубликованные в 1832 году в "Московском телеграфе" переданные из суровой Якутии стихи декабриста "Нуча". Надо ли говорить, какую взял на себя смелость Ершов, чтобы не только находиться с опальным декабристом в творческой дружбе, но и помочь, благодаря своим литературным связям, публикации его стихов в "Русском инвалиде" в 1837-38 годах.

К тому же Чижов, отправленный уже в чине унтер-офицера из Тобольска в крепость святого Петра (Петропавловск) с сопроводительной бумагой, в которой значилось, что он относится к числу государственных преступников, - не единственный декабрист, с кем поддерживал добрые отношения учитель Тобольской гимназии Ершов. Он желанный гость ссыльного декабриста М. А. Фонвизина, активного члена Северного общества, в доме которого собирались самые просвещенные умы города: его товарищи по изгнанию Бобрищев-Пушкин, Штейнгель, Анненков, приезжавший из Ялуторовска Пущин и Басаргин. В кругу передовых людей того времени Ершов читает свои новые творения и находит неизменную поддержку.

Один из друзей поэта художник М. С. Знаменский в своих воспоминаниях "Тобольск в сороковых годах" так описывает литературный вечер в доме Михаила Александровича и Натальи Дмитриевны Фонвизиных: "После чаю и последовавшей за ним паузы Наталья Дмитриевна обращается с просьбой к литератору исполнить свое обещание. Поэт, предпослав несколько фраз, свидетельствующих об его авторской скромности, вынул из бокового кармана тоненькую тетрадку из почтовой бумаги, прокашлялся и начал:

МОЯ ПОЕЗДКА
Город бедный, город скучный,
Проза жизни и души.
Как томительно, как душно
В этой мертвенної глухи...

Мастерски и симпатичным голосом читал поэт, и, притаив дыхание, публика слушает. Автор между тем продолжает после описания Тобольска: "Тройку, тройку мне, и в поле я стрелою улечу...".

А вот что пишет сам М. А. Фонвизин жене Наталье Дмитриевне, адресуя ей письмо 29-го апреля 1853 года с парохода “Орел”: “Половина десятого часа, кладу перо - я буду читать повесть, которую П. П. Ершов отдал мне для сообщения ее издателю “Москвитянина”.

...11 часов с четвертью. Кончил рассказ Ершова и вспомнил, что он нам читал его в прошедшем году - рассказ естественен и довольно интересен, верен по своему местному колориту; думаю, что его охотно напечатают и даже, может быть, заплатят за него деньги”.

Говоря о связях автора “Конька-горбунка” с декабристами, исследователи его творчества не раз отмечали, что это благодаря ему становятся достоянием читателей неизвестные стихи Пушкина, посвященные декабристу И. И. Пущину.

Знакомясь с дневниками и письмами М. А. Фонвизина, нахожу подтверждение этому в письме И. И. Пущину от 6 августа 1841 года:

“Поэт Ершов бывает обыкновенным моим спутником. Он мне скаживал, что получил благодарность за Пушкина стихи, вами ему сообщенные, и которые напечатаны в “Современнике”.

Речь шла о публикации в “Современнике” стихотворений А. С. Пушкина “В альбом Пущину” и “Мой первый друг, мой друг бесценный” со следующим предисловием: “П. П. Ершов, известный поэт наш, лично знаком был с покойным Пушкиным, который его полюбил, прочитав стихотворение его “Конек-горбунок”, как обыкновенно Пушкин до пристрастия привязывался к каждому возникающему таланту. Ершов хорошо помнит почерк Пушкина. Случайно встретив эти два небольших стихотворения, собственною рукою автора “Онегина” вписанные в памятную книгу одного из его приятелей, он поспешил их сообщить в редакцию “Современника” для напечатания. Благодаря его за подарок, мы остаемся в прежней уверенности, что еще долго не составить нам полного собрания сочинений Пушкина без участия общего и единодушного. Кто из русских не берег в своих листках, если удалось ему принять, и строку этого золотого пера”.

Нельзя было не заинтересоваться, каким образом были переданы эти стихи великим русским поэтом своему лицейскому другу, зачисленному в разряд государственных преступников. Ведь под стихами Пушкина стояла дата - 13 декабря 1826 года, время, когда поэт находился в Псковской гостинице по дороге из Михайловского, а его друг... всего в нескольких сотнях верст, заточенный в Шлиссельбургскую крепость.

Читаю и перечитываю пущинские “Записки о Пушкине” и нахожу нужное место: “...Я осужден 1828 года, 5 января, привезли меня из Шлиссельбургской крепости в Читу, где я соединился наконец с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог. Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю: знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушев-

ным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукою написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

(Псков, 13 декабря 1826).

Отрадно отзывался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнанье. Увы, я не мог даже пожать руку той женщины, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга: но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного, может быть, другим людям и при других обстоятельствах, а Пушкину, верно, тогда не раз икнулось.

Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мной и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом. По приезде моем в Тобольск в 1839 году я послал эти стихи к Плетневу: таким образом были они напечатаны; а в 1842-м брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ...”.

Стихотворение “Мой первый друг, мой друг бесценный” было передано Пушкиным с Александрой Григорьевной Муравьевой вместе с адресованным декабристам посланием “Во глубине сибирских руд”, когда она последовала к мужу в Сибирь вслед за Трубецкой и Волконской.

Свидетельством добрых доверительных отношений, установившихся между Пушкиным и Ершовым, становятся строки его письма к Треборну от 25 сентября 1841 года: “После откровенного объяснения твоего насчет “Современника” я оставлю свое желание и буду так просто делиться с добрейшим П. А. (инициалы Плетнева. - В. Ш.) чем бог послал. И в доказательство снова присылаю стихи Пушкина в том виде, в каком они мне доставлены. Касательно их подлинности нет ни малейшего сомнения. Мне прислал их задушевный приятель Пушкина, лицейский его товарищ, тот самый, который доставил мне первые. Об имени его - до случая...”

Вот так озаряет Ершов лучом гражданства Россию из далекой “мертвенной глупши”.

4. “... И ЧЕЛОВЕКА СОТВОРИТЬ”

Приведем еще одно письмо “государственного преступника” М. А. Фонвизина. На этот раз - декабристу И. Д. Якушкину, посланное из Тобольска.

“Здешняя гимназия, несмотря на малоумие своего директора, est en progres (прогрессирует). Я недавно читал упражнение в словесности учеников 5, 6, 7-го классов и не мог довольно налюбоваться сочинениями. Этим они обязаны учителю словесности Ершову, человеку с дарованием, знающему превосходно свой язык и делающему свое дело весьма добросовестно. Ничто не может быть полезнее деятельности этого человека, и он, конечно, приготовит много грамотных людей: притом в сибиряках есть много природных способностей”.

В трудных, далеко не романтических условиях, в условиях тугого затянутого в полицейский мундир чиновного захолустья пришлось Ершову идти к своей гражданской цели, начертанной в программном стихотворении “Тимковскому”: “Разрушить умственные цепи и человека сотворить”.

Каким схоластическим методом велось обучение, можно видеть на примере риторики Кошанского. Учащиеся писали свои сочинения по вопросам: кто, что, где, при чьей помощи.

Какие уморительные вещи при этом получались, свидетельствует шутливый ответ на подобные вопросы одного гимназического остряка:

- Кто? - Петр Кузьмич Рязанов.
- Что? - надоел всей гимназии своей латынью.
- Когда? - и до лекции, и после них.
- Где? - везде. И дома, и в гимназии.
- При чьей помощи? - при помощи грамматики Попова, где больше исключений, чем правил.

Приводя этот пример, С. Замахаев и Г. Цветаев замечают в “Исторической записке о Тобольской гимназии за сто лет ее существования - 1789-1889”, что Ершов, “сам оригинальный сочинитель, у которого юная голова наполнена живыми образами, просившимися выйти наружу в оригинальной форме, всеми силами ненавидит риторические источники изобретения, связывающие умного ученика по рукам и ногам, убивая в то же время в нем самостоятельность, а глупого приучающие ни о чем не думать, что он намерен поступать вопреки всем этим источникам: в сочинениях он представит каждому ученику и собственную точку зрения”. “Иначе, - утверждают они, - и не мог смотреть на дело поэт, воспитавшийся на сочинениях первоклассных гениев литературы того времени, во главе которых стоял Пушкин”.

Пытаясь “разрушить умственные цепи”, сковывающие учеников, Ершов излагает свои “Мысли о гимназическом курсе” с новой программой воспитания юношества, отправляет в Петербург “Курс словесности”, который после скитаний по канцеляриям Министерства народного просвещения отвергнут как не вполне отвечающий понятиям воспитанников. К тому же приходится работать в атмосфере немыслимой казенщины, в постоянных конфликтах с “ходячим параграфом” Качуриным, занимающим пост директора гимназии. Но когда в 1849 году гот уходит в отставку и пост директора должен по праву занять он, Ершов, на эту должность назначается по ходатайству человек, не имеющий никакого отношения к просвещению. За что такая немилость? За смелые суждения, высказанные поэтом по поводу преподавания? А может быть, за дружбу и связь с ссыльными вольнодумцами, “государственными преступниками” - декабристами?

Или охранке III отделения стало известно, что он был другом юности отставного лейтенанта флота Константина Тимковского, речь которого “возбудительная, в духе коммунизма” на “пятнице” Петрашевского произвела на всех потрясающее впечатление.

Любопытно, что несколько десятилетий спустя в подобной связи с политическими “преступниками” был заподозрен сын Ершова Владимир, пошедший по стопам отца, о чем свидетельствует Л. И. Рошевская в своей книге “История политической ссылки Западной Сибири во II половине XIX века”, ссылаясь на документы, которые сейчас находятся в ЦГА Казахской ССР: “Еще в 1880 году арестанты Киевской тюрьмы, ожидая отправки в Сибирь, обсуждали возможные варианты освобождения из ссылки и запасались адресами в Петропавловске, Омске и Тобольске. Как оказалось впоследствии, в адресах были перепутаны имена и отчества. Некоторые сведения устарели (одни переехали, другие безнадежно болели, а третья зарекомендовали себя перед властями “безукоризненно порядочными”). У киевских арестантов был Петропавловский адрес родителей видного революционера, одного из основателей Южно-Русского рабочего союза Н. Щедрина, нескольких чиновников и учителей, в том числе учителя В. П. Ершова в Тобольске. Сын известного поэта Владимир Петрович Ершов, студент Петербургского университета, был арестован в 1880 году, но вскоре освобожден и вернулся на родину, подчинен негласному надзору полиции, когда в Киеве нашли его тобольский адрес. Через некоторое время он приехал в Омск и стал смотрителем Омского училища. Весной 1881 года при повышении Ершова по службе главный инспектор училища Западной Сибири запрашивал у акмолинского губернатора характеристику Ершова и получил ответ, что за это время он не проявил политической неблагонадежности...”.

Не отцовское ли влияние испытывал сын того, кто, сталкиваясь на каждом шагу в гимназии с бюрократической службой “в длинном мун-

дире, в шпаге и шляпе”, смелыми суждениями, оригинальными мыслями роняет в души своих воспитанников “непостижимого мучения неистребимое зерно”, всей деятельностью своей доказывает, что прямое значение образования - “приготовить юношу к общественному служению (принимая это слово в обширном смысле) и дать ему возможные средства к довольствию и счастью земной жизни”.

Пример замечательного общественного деятеля Петропавловска Петра Степановича Черданцева, бывшего ученика Петра Павловича Ершова, лишний раз подтверждает, какие “души прекрасные порывы” рождал у своих питомцев тобольский гражданин, поэт и учитель.

Проживающие в Омске внучки Черданцева О. В. Каретникова и М. Э. Смирнова, с которыми установил связь Петропавловский краевед М. И. Бенюх, рассказывали ему, как бережно хранят они семейные предания о Петре Ершове. Не раз встречались они в Тобольске. Старший по возрасту Ершов как бы завещал своему молодому другу эстафету борьбы за народное просвещение, за справедливость.

И дом народного учителя Черданцева всегда был открыт для всех, в чьих душах он сеял разумное, доброе, вечное. Отдавая себя ниве просвещения в Петропавловской приходской школе, Петр Степанович стал истинным защитником справедливости. М. И. Бенюх разыскал документ о защите им поляков, сосланных за участие в восстании 1863 года в Петропавловск, когда анонимный доносчик (Черданцев доказал, что это был местный купец Зенков) обвинил их в подготовке покушения на члена царской фамилии, посетившего старую крепость на Ишиме.

Из поколения в поколение семьи Черданцевых с любовью, как по эстафете, передавалось предание о том, как приезжал Ершов в Петропавловск, непременно посещая своего друга, лаская его детей, конечно, делясь мыслями о просвещении народа.

К сожалению, личный архив П. С. Черданцева погиб во время пожара, а воспоминания Ольги Васильевны Каретниковой и Магды Эриховны Смирновой опираются лишь на устный рассказ деда, но факт, что Ершов бывал в городе своего детства, - имеет реальные основания.

Утвержденный после многих мытарств директором училищ Тобольской губернии, он в ноябре 1857 года сообщает своему петербургскому другу: “На днях отправляюсь путешествовать по дирекции. А дирекция, нечего сказать, дистанция огромного размера - пять тысяч верст, не более. Нынче делаю только около трех тысяч, оставляя остальное до февраля...”

Разумеется, в сферу деятельности директора училищ входил и Петропавловск, с первого января 1839 года ставший заштатным городом Ишимского уезда Тобольской губернии Западно-Сибирского губернаторства. А о том, как обстояли дела на ниве просвещения в городе его детства, свидетельствует такой факт - в нем располагалось семь церквей и мечетей и ... одна-единственная начальная школа для город-

ских жителей. На грани закрытия находилась приходская школа для девочек.

О том, сколько сил и времени отнимала у Ершова просветительская деятельность в Сибири, свидетельствуют его письма к жене и друзьям.

Вот строки из них:

“В буквальном смысле я завален работой. По сибирским моим правилам я службу не считаю одним средством для жизни, а истинным ее элементом. Отстав от литературы, я всего себя посвятил службе не в надежде будущих благ, которых в нашем скромном занятии и не предвидится, а в ясном сознании долга”.

“Утро провел в сборах и дороге. Потом был у купца Шишкина. Хлопоты мои о возобновлении в Кургане женской школы кончились успехом”.

“Увязнувши половину дороги в снегу, в рост Т-борна, а другую колотясь о замерзшие кочки, лелеявшие, как драгоценность, горсточку снега, я воротился 27 ноября к своим пенатам и жив-здоров, если только насморк, кашель и что-то вроде жабы в горле не мешают называться здоровьем...”

“...Во вторник, в 4 часа после обеда, я отправился из Тюмени. До Туринска было 160 верст; следовало бы это расстояние сделать каких-нибудь в полсутки, но не тут-то было. Дорога, благодаря обозам, до такой степени избита, что часто должно было ехать шагом из опасенья опрокинуться. Но, слава богу, отдался только сломанной оглоблей да несколькими тычками, хотя и довольно чувствительными...”.

Когда же Ершов был командирован в Петербург для обозрения училищ (эта поездка была устроена втайне от него почтенным образованым начальником, относящимся сочувственно и душевно к состоянию Ершова), сибирский поэт и просветитель, отправившись в путь с юношеским задором, по приезде тяготится сановным Петербургом.

А ведь были прием у министра Ковальского и разговор с Плетневым, встречи с друзьями Треборном и Ярославцевым, вспоминающим: “Мы встретились опять как студенты-приятели. Но только взгляdevши в него, я нашел в лице его те же черты, с которыми за 22 года назад уехал он из Петербурга: то же добродушие в глазах и во всем облике, а случись встретить его мельком, на дороге, я не узнал бы его. Он подрос и потолстел, но мускулы и цвет лица его не обнаруживали в нем полного здоровья, много и седых волос виднелось на голове его.

...Разговор завязался, но то не был уже прежний разговор, полный шуток, замыслов, вымыслов, предприятий и надежд. Ершов охотнее уже слушал, нежели говорил...

...В полночь мы расстались с ним при взаимных обещаниях видеться. Смутное впечатление произвело во мне это свидание с Ершовым, не хотелось думать, чтобы он не создал еще чего-нибудь, чтобы ость-

ся только благонамеренным полезным служакой, а между тем слабо верилось, чтобы он уже мог создать что”.

Читишь эти строки и видишь, какая пропасть лежит между друзьями студенческой юности, по-разному определившими свои, как принято сейчас говорить, жизненные позиции. Тому, кто подвигается на поприще цензора Петербургского цензурного комитета, привыкшего сглаживать и обходить острые углы, вероятно, более подходит определение “благонамеренный полезный служака”, чем великому подвижнику и поэту Ершову, написавшему в Петербург после приезда: “Вещунье-сердце тянуло поскорее в Тобольск, куда я и приехал 24 мая. Теперь смейтесь, сколько хотите, а я снова повторю, что мой родной Тобольск в тысячу раз милее, - по крайней мере для меня, вашего великолепного Петербурга...”

5. “ЧЕРЕЗ ОГНЬ ГОРНИЛА”

О том, как любил Ершов свою малую родину - независимо, свято, преданно, мы узнаем из его письма к жене Елене от 23 ноября 1858 года:

“...В 6 часов мы были уже со смотрителем в Безруковой, месте моего рождения, и пили чай. Тут явилось несколько крестьян с сельским головой с просьбами о моем содействии - соорудить в Безруковой церковь... Смотритель сказал, что церковь надобно соорудить во имя преподобного Петра, и крестьяне согласились. Место для церкви они выбрали то самое, где был комиссарский дом, то есть именно там, где я родился... Признаюсь, я целую ночь не спал, раздумывая о том - неужели господь будет так милостив, что исполнится давнишнее мое желание и освятится место моего рождения и восхвалится имя моего святого...

...А как приятно мне было слышать от старых крестьян нелицемерные похвалы моему отцу”.

По свидетельству его приятеля, незадолго до смерти Ершова пришли к нему несколько крестьян селения Безруково. Ершов, уже изнемогая, понимал, что требуется его помочь для отделяемой церкви, но помочь им уже ничем не мог. Увидев слезы на глазах своего друга, прослезились и крестьяне.

Таким вот - всегда скромным, простым, желающим помочь другим, безупречно честным - оставался он до конца своих дней. Когда уже после неожиданного ухода со своего поста в отставку кто-то из родственников решил подарить одной из его дочерей шелк на платье, то Ершов, как рассказывает Ярославцев, отмечая его простирающуюся до сущности честность, смущился и сказал: “Прошу вас избавить меня навсегда от таких подарков, дети мои могут носить только такое платье, которое я в силах им сделать”.

Недоброжелатели пытались опорочить его, строили козни, строили доносы, что и явилось, быть может, вместе с прогрессирующей болезнью причиной его преждевременной смерти в августе 1869 года. Но любовь народную к тобольскому поэту, гражданину, человеку (нельзя без волнения читать, как он проводил целые часы у постели умирающего Кюхельбекера) никто не смог очернить.

Выражая признательность университетскому товаришу Ершова, оставившему потомкам наиболее полное свидетельство жизни автора "Конька-горбунка", нельзя согласиться с мнением Ярославцева, постоянно подчеркивающего, как бесплодна, губительна была для Ершова "отрезанная далью от всего образованного мира жизнь в Сибири".

Но с легкой ли руки Ярославцева бытует мнение, что Ершов остался в нашей литературе автором одной вещи? А в качестве причины то и дело выдвигается житейская проза, засасывающая трясина быта, подобно сибирской метели задевающая огонь ершовского таланта. Да, Ершову пришлось творить в условиях царской чиновничьей провинции, да, были и житейские заботы, и горькие потери, и мрачное расположение духа, и несбыившиеся надежды. Но его талант упрямо ищет свое. И вряд ли в любом ином "царстве", а не в пестром многообразном мире сибирских селений, по которым вместе с отцом кочевал будущий автор народной сказки, ощущавший биение "народной жилки" в кипучей жизни простого люда, мог родиться ершовский "Конек".

Не будь в сказке картинок, подсмотренных на базарах и торгах Петропавловска, Омска, Березова, Тобольска, в среде крестьян, купцов, чиновников, скоморохов и бродяг, на трактах и постоялых дворах в далеком от столицы провинциальном захолустье, где властвовал чиновничий и полицейский произвол, сказка "Конек-горбунок" была бы может, обычной сказкой, как десятки и сотни других. Без сценок конного рынка, где полным хозяином положения чувствует себя городничий земского суда, где все дела вершатся в пользу кита, и других реальных картин, свидетельствующих о неустроенности общественной жизни, без мыслей о разумном царстве, в котором не место глупым царям, социально беззубым мог бы получиться "Конек". И вряд ли накинули бы на него царские цензоры свою крепкую узду - ведь до самого 1856 года издавался "Конек-горбунок" с цензурными купюрами. Крашенинников не выпустил ее в полном объеме, на что незамедлительно отозвался автор: "Конек мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливый ему путь! Крестный батюшка его, Крашенинников, одел его очень чисто и хвалит крестника напропалую. Журнальные церберы пока еще молчат; или от того, что не обращают на него ни малейшего внимания, или собирая громы для атаки. Но ведь конек и сам не прост. Заслышиав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнев, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он очень мало думает о нападках господствующей школы и тешит люд честной, старых и малых, и сидней, и бывальных, и

будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, то есть до скончания века...”.

Часто спрашивают: что еще замечательного, кроме “Конька-горбунка”, написал Ершов?

Это, в первую очередь, созданная в лучших народных традициях поэма “Сузге”, где выведен возвышающий душу образ красавицы из гарема Кучума Сузге, чей подвиг в осажденной крепости роднит ее с лучшими романтическими и героическими чертами женщин всех времен, приносящих себя в жертву во имя долга.

Водевиль “Суворов и станционный смотритель”, написанный, по определению писателя Олега Михайлова, “остроумно, весело, крепким и ядренным русским языком”.

Цикл рассказов (пусть и не равноценных) “Осенние вечера”, о которых Плетнев говорил: “Вы не можете и писать иначе, как прекрасно”.

Такие шедевры фольклорной лирики, как “Русская песня”, “Молодой орел”, “Песня казачки” и другие.

Читая их, со всей силой сознаешь правоту Петра Ершова, когда он писал:

“Огонь поэзии еще не потух в душе моей. При взгляде на мир, на судьбы людей, при мысли о творце сердце мое бьется по-прежнему юношеским жаром, но уже не испаряется в легких звуках, а крепко ложится на душу в важной думе”.

Александр
Штейнберг

ТРИПТИХ О ПУШКИНЕ

Для каждого просвещенного человека Пушкин стал частицей самих нас; мы не мыслим себя без его творчества, без самого Пушкина.

Вот почему каждое новое слово, свежее изыскание, пусть даже скромное, имеющее частный характер, но помогающее хоть чуть глубже понять его жизнь, творчество, его эпоху и непосредственное окружение, представляют непреходящий интерес для людей России и за ее пределами.

УЖ ЭТИ ФАМИЛИИ!

Александр Сергеевич Пушкин был человеком чрезвычайно общительным и имел обширные знакомства. Большинство лиц, которые составляли круг общения Пушкина, хорошо знакомы не только литератороведам, но и широкому кругу почитателей пушкинского гения. Из связанных с именем Пушкина лиц мы в первую очередь знаем его друзей, среди которых были такие известные писатели, поэты, как Жуковский, Баратынский, Веневитинов, Вяземский, Одоевский, Мицкевич, Гоголь и многие другие; друзьями Пушкина были Даль, семья генерала Раевского, лицейские приятели (Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер...), писатель-философ Чаадаев, Соболевский. Художники Тропинин и Кипренский написали его портреты, пожалуй, лучшие из всей пушкинской иконографии. Имена многих простых людей история сохранила только благодаря их близости к Пушкину. Это замечательная его няня Арина Родионовна, его слуга Никита Козлов.

Мы многое знаем и о женщинах, ставших источником пушкинского вдохновения. Это в первую очередь, разумеется, Анна Петровна Керн, которой поэт посвятил одно из лучших, глубоко проникновенных своих стихов: “Я помню чудное мгновение...” и которой, в глубокой страсти, из своего московского окна довелось увидеть, как мимо прово-

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

зили бронзовую фигуру Александра Сергеевича работы Опекушина для установки ее на постамент, тогда - на Тверском бульваре.

Перлом русской лирической поэзии, о котором не могу не упомянуть, является и стихотворение Пушкина, посвященное памяти безвременно ушедшей из жизни, вдали от России, красавицы Амалии Ризнич, которой поэт увлекался в одесский период своей жизни:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...

Разумеется, у Пушкина были и недруги - как на литературном поприще, так и в свете. Красота Натальи Гончаровой, ставшей женой Пушкина и переехавшей с ним в Петербург, произвела сильное впечатление как на царя, так и на высший свет северной столицы.

Ну а пока откровенные ухаживания и домогательства по отношению к жене поэта со стороны ветреного кавалергарда, беглеца из революционной Франции, приемного сына голландского посланника, барона Геккерна, стали притчей во языцах в великосветской среде злорадствующих недоброжелателей Пушкина. Сплетни, анонимные письма-пакости, им получаемые, доводили Пушкина до тяжелого морального состояния. Автором анонимных писем, по глубокому убеждению поэта, являлся барон Геккерн, который всячески содействовал своему приемному сыну Дантеzu в его неприкрытых и настойчивых ухаживаниях за Натальей Николаевной. Но в свете было немало и других недоброжелателей, травивших поэта. И среди них одну из наиболее гнусных ролей играла Идалия Полетика, которая даже организовала у себя свидание Натальи Николаевны с Дантеzом, о чем Пушкин узнал из очередного анонимного письма. К какой трагической развязке привели эти злостные интриги против поэта, закончившиеся роковой дуэлью с Дантеzом, все мы хорошо знаем.

Ираклий Луареабович Андроников, известный писатель и литературовед, в своем выступлении по телевидению, которое я как-то смотрел, справедливо называл Адалию Полетику одной из непосредственных виновниц, отравляющих жизнь поэту и приведших его к гибели.

Здесь я считаю небезынтересным обратить внимание на произношение фамилии этой виновницы в терзаниях Пушкина - женщины из светского общества. Ираклий Андроников произносил ее фамилию с ударением на втором слоге (на гласную "е"), что делал и я за десятки лет до этого, впервые прочтя ее фамилию в литературе - Полéтика. Но впоследствии я стал задумываться над происхождением этой довольно необычной фамилии (тем более, что таковую носил и один из членов "Арзамаса", друг Жуковского), для которой мне не удавалось подыскать ни русских, ни, скажем, итальянских, испанских или французских корней. Но когда я изменил произношение этой фамилии, поставив ударение на предпоследний слог (на звук "и") - Полетика, то сразу же стали прослушиваться в ней славянские истоки: полети-ка - слово, аналогичное со словами типа погоди-ка, подожди-ка, поскочи-ка, побегай-

ка. Фамилии, составленные из двух отдельных слов, но пишущиеся слитно, нередко встречаются, к примеру, на украинском языке: Вершигора, Отченаш, Майборода, Кладинога и подобные. И то обстоятельство, что фамилия, происходящая от слова “полети-ка!”, стала писаться слитно, не является некоей странностью.

Поскольку Ираклий Андроников произносил разбираемую фамилию иначе (и, очевидно, так же произносили ее и многие литературоведы его круга), то полагаю, что он ошибался (что ж, и авторитеты тоже могут ошибаться), и эту фамилию следует произносить, исходя из понятного русской речи слова “полети-ка！”, хотя это всего лишь моя версия.

Ожидая правомерного вопроса. Какое значение, как именно следует произносить фамилию этой одиозной особы, имя которой давно было бы позабыто, если бы оно, к несчастью, на очень недоброй основе не оказалось связанным с именем Пушкина.

Увы, история сохраняет имена не только положительных героев. В любом случае имена и фамилии, дошедшие до нас из прошлого, следует произносить правильно, ибо их искажение, которое может казаться несущественным, пусть исподволь влечет за собой искажение какой-то частицы самой истории.

В моем утверждении о правильном произношении вышеназванной фамилии, хотя я не считаю себя судьей в последней инстанции, полагаю, содержится в чем-то обоснованная суть.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ГАДАЛКИ

Известно, что в разные времена человеческой истории появлялись популярные гадалки, предсказательницы и прорицательницы, которые пользовались успехом у широких слоев населения. Как относиться к этим людям с необычными способностями, предоставляю каждому читателю решать самому на основе собственных взглядов, ибо искусство гадания пока не решается научными исследованиями, а относится к так называемой парапсихологии. Большинство прорицателей и прорицательниц это либо обманщики, хитрецы, либо просто люди, уверовавшие в свои необычные способности. И все же...

В наше время жила в Болгарии слепая Ванга, в предсказания которой многие люди разных стран верили, и ее предсказания нередко сбывались.

А во времена Пушкина... В Петербурге появилась пожилая гадалка, немка Кирхгоф. У нее, в желании узнать свою судьбу, бывал весь Петербург. Посетил ее с тремя друзьями и Пушкин. Об этом свидетельствуют его современники, знакомые, друзья: Нашекин, Соболевский, брат Пушкина Лев Сергеевич. Разрозненные воспоминания о Пушкине очень удачно собрал воедино Вересаев в своей книге “Пушкин в

жизни". Все описания встречи Пушкина с гадалкой Кирхгоф, с очень незначительными нюансами, весьма близки между собой, и, по свидетельству, сам Пушкин не раз в кругу друзей рассказывал в присутствии лиц, с которыми посетил гадалку, о ее предсказаниях, которые сбывались очень точно на протяжении всей его жизни. Она гадала на картах. Но, по-видимому, обладала еще каким-то особым чутьем, позволявшим ей предугадывать события в жизни человека. Во всяком случае, в отношении Пушкина это было так.

Вот как описывает предсказание гадалки Пушкину его друг, библиофил Соболевский.

"Предсказание было о том, во-первых, что он скоро получит деньги; во-вторых, что ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, что он прославится и будет кумиром современников; в-четвертых, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой-то беды от белой лошади или белого человека, которых и должен опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер: Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии. Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было вторичною ссылкою...".

Неуклонное исполнение предсказаний гадалки Кирхгоф заставило впечатлительного поэта на тридцать седьмом году его жизни опасаться встречи с белой лошадью или с белым человеком. И он старался избегать ссор. Ну а в 38 лет, когда срок предсказания как будто прошел, Пушкин стрелялся с "белым человеком" - Дантеом и был им смертельно ранен.

Таким образом, исходя из воспоминаний друзей, Кирхгоф ошиблась в предсказании смерти Пушкину всего лишь на один год.

Лично у меня в связи с этим сложилось иное мнение насчет точности предсказаний гадалки. Это не Кирхгоф немного напутала, а напутал сам поэт, не совсем верно поняв слова старой немки. Дело в том, что гадалка Кирхгоф не владела русским языком и, как свидетельствуют друзья Пушкина, гадание проходило на немецком языке. А Пушкин и его приятели, превосходно владея французским, немецкий знали недостаточно, чтобы уловить некоторые тонкости предсказания. В действительности - я в этом почти уверен - Кирхгоф предсказала ему возможный трагический конец не на тридцать седьмом году жизни поэта, а в тридцать седьмом году - то есть в 1837-м, когда Пушкину было уже

тридцать восемь! Если бы Александр Сергеевич правильнее понял сделанные ему предсказания, он бы именно в тридцать седьмом году того века опасался ссор и дуэлей, и его конфликт с Дантеом не принял бы, возможно, столь трагический для жизни поэта исход. Но, как говорится, увы, судьба распорядилась иначе.

На эту, вполне возможную ошибку Пушкина в трактовке последнего предсказания ему гадалки, говорившей по-немецки, насколько мне известно, никто из исследователей жизни поэта почему-то до сих пор не обратил внимания. А жаль...

ПРОПУЩЕННЫЕ СЛОВА И СТРОКИ

Пушкинская поэтическая строка не нуждается в восхвалении, ибо она гениальна и любима каждым человеком, для которого русский язык – родной. Звучность, певучесть, точность и полнота мысли, необычайная образность и красота пушкинской строки настолько поразительны, что, сказанная отдельно, вне связи с текстом, она нередко приобретает самостоятельное значение и неотразимую силу. Мы порой даже не замечаем, что мыслим и говорим пушкинскими строками.

Пушкин любил не только точную рифму, но и следил, чтобы все строки его стихов рифмовались (разумеется, если речь не идет о так называемых “белых стихах”). Но вот что удивительно: в “Полтаве” имеется строка, которая, увы, не рифмуется ни с какой другой! Вот она: это строка последнего абзаца первой песни: “... она унылых пред собой...”.

Не верится, чтобы Пушкин сам изначала допустил подобную небрежность. Скорее всего одна строчка выпала при последующей переписке. Воображение мое восполнило этот досадный пробел. Стихи могли бы читаться так:

... Порой, как туча, затмевает
Она унылых пред собой,
Убитых горькою судьбой
Отца и мать воображает...

“Убитых горькою судьбой” - эта строка в смысловом отношении полностью подходит к тексту и превосходно рифмуется с предыдущей строчкой. Но у Пушкина ее нет. И все же на ее месте у Пушкина была, очевидно, какая-то строка, хорошая, пушкинская! Но на некотором этапе она выпала. Поразительно, что литератороведы обходят этот факт молчанием. Кажется, что столь маленький казус выпал из их поля зрения, и они его не замечают.

Иногда встречаются у Пушкина стихотворные строки с пропусками слов. Для чтения такие стихи бывают затруднительны. Но одновременно они и интригуют, заставляют читателя поразмыслить о содержании

пробелов. Порой Пушкин, по тем или иным мотивам, умышленно пропускал в своих стихах слова и даже строки.

Пожалуй, ярким примером умышленного пропуска слов является небольшое пушкинское стихотворение “Собрание насекомых”, появившееся в 1830 году в альманахе “Подснежник”. При жизни поэта оно печаталось так:

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых.
Ну, что за пестрая семья,
За ними где не рылся я?
Зато какая сортировка!
Вот ** божия коровка,
Вот *** злой паук,
Вот и ** российский жук,
Вот ** черная муравашка,
Вот ** мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрытно за стеклом и в рамках,
Они, пронзенные насеквостью,
Рядком торчат на эпиграммах.

В этой эпиграмме Пушкинами были пропущены собственные имена, что вызвало многочисленные отклики в печати. На пародии в “Вестнике Европы” и в “Московском телеграфе” Пушкин ответил иронической статьей, в которой отмечал: “Пародия “Вестника” отличается легким остроумием, “Телеграфа” – полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностью”.

В “Вестнике Европы” вместо звездочек были подставлены названия пушкинских произведений. Например: “Полтава - божия коровка, Кавказский пленник - злой паук” и так далее. В действительности же Пушкин имел в виду некоторых современных ему литераторов. В рукописных сборниках того времени их имена проставлялись в строках вместо звездочек. Большой разнобой был в определении в девятой строчке. Назывались: Рюмин (Бестужев), Олин, Федор Глинка, Тютчев, Греч. В десятой - Раич и Борька (Федоров).

Сейчас “Собрание насекомых” печатается уже без звездочек, так как считается, что имена осмеянных литераторов установлены точно. Это соответственно: Глинка - публицист и поэт, декабрист (отличался незлобивостью, писал псалмы, отчего и получил эпитет “божия коровка”); Каченовский - литератор, историк, редактор “Вестника Европы”, враждебно относился к Пушкину (на него поэт написал несколько острых эпиграмм); Свинин - издатель “Отечественных записок”, собиратель древностей, которые позже были проданы с аукциона; Олин - журналист, переводчик, бездарный писатель; Раич - поэт, журналист, преподаватель словесности. Таким образом, теперь “Собрание насекомых” для

читателя перестало быть загадкой. Но пропуски слов в некоторых других стихах Пушкина остаются и, по-видимому, останутся навсегда. В этих случаях читатель, естественно, может сам подумать и решить для себя, что скрывается за авторскими пропусками. Однако сделать это далеко не всегда представляется возможным - даже приблизительно. Но в некоторых случаях недостающие в пушкинских строках слова довольно явно напрашиваются. Вот пример. Привожу стихотворение полностью - как оно воспроизводится в печати.

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека
И все величие его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Не правда ли, в предпоследней строке имеется очень досадный пробел. Но такой ли он уж, и в самом деле, досадно не восполнимый? Мне представляется, что последняя строфа могла бы читаться следующим образом:

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как без оазиса пустыня
И как алтарь без божества.

Именно так: "... как без оазиса пустыня..."! По всей вероятности, Пушкин так и намеревался написать, тем более, что слово "пустыня" им написано было! Что удержало Пушкина от написания всей строки, мы не знаем. Но мое восстановление недостающих слов - полагаю, читатель со мной согласится - полностью соответствует смыслу фразы и тому художественному приему - сравнению ("... и как алтарь без божества"), к которому прибег поэт, заканчивая стихотворение.

О восстановленной мною предпоследней строке стихотворения так и тянет сказать: она должна звучать именно так и никак иначе! Но у Пушкина этих нескольких, столь напрашивающихся, слов нет. Пробел остается пробелом...

*Владимир
Ильин*

НАШИ ГЕНИИ

В стороне от зависти
вдалеке от злости,
помнишь, гений радости
звал с тобой нас в гости?

Чуть левее важности,
чуть правее лести,
помнишь, гений жалости
умолял быть вместе?

Выше неизбежности
и обиды выше,
помнишь, гений нежности
помогал нам выжить?

Посещал средь прочего
нас бы гений лада!
Дай бог!

А для творчества
хватит и таланта.

* * *

*О, много ли надо земли
Для дома, для поля, для луга?..*

Д. Самойлов.

О, много ли надо удач,
чтоб дом был, как полная чаша,

чтоб дочка на выданье, Маша,
в смех верила так же, как в плач?

О, много ли надо тепла,
чтоб пасеку иль мастерскую
за воду отдать ледяную,
которая душу бы жгла?

О, много ли надо весны,
чтоб в шепоте листьев услышать:
по-птичьи трепещут и дышат
людские надежды и сны?

ПЛОДЫ

Уже печали вызрел плод...

Абай.

Уже печали вызрел плод,
как будто плод разлуки,
он упадет уже вот-вот
в дрожащие чуть руки,
а может, встречу торопя,
его подхватит память
осенней сеткою дождя,
поляною с грибами,
есть и у памяти плоды, -
и падают порою
они на старые следы
с живой водою.

СЛОВО

Мы порой повторяем слова,
не подслушав их сердца живого,
но опять обретает права
в тайне мук оперенное слово,
и забуду про все я дела,
и невольно замру на опушке -
вдруг послышатся колокола
в тихом шепоте древней старушки,

слово словное, словно апрель,
в нем весенней травы притяжение.
жаль, не может оно на дуэль
вызвать нас за его искаженье,
и жар-птицей ко мне на ладонь
прилетит это слово.

И снова,
будто древние люди огонь,
я боюсь потерять это слово.

* * *

Кого-то не обидел,
а все-таки задел.
чего-то не увидел,
а может, не сумел,
а может, просто в прятки
играл с самим собой,
считал, что все в порядке,
пока вдвоем с грозой,
пока на перекрестке
премудрости и лжи
осенний ветер хлесткий
спасеньем для души,
пока дожди рекою,
а суть-то, может, в том,
о чем молчим с тобою
за праздничным столом.

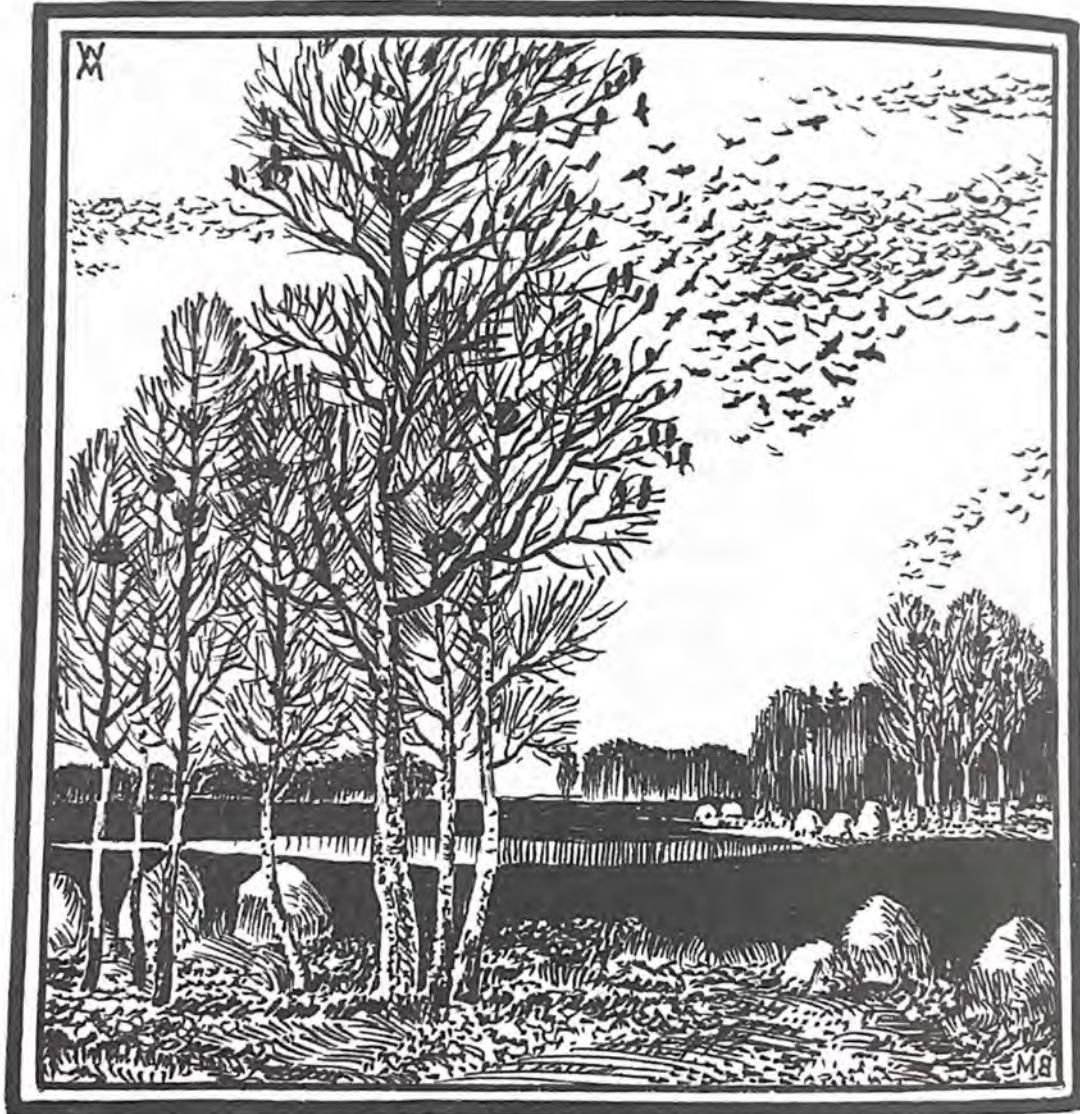
* * *

Куда мне деться в этом январе?

O. Мандельштам

Куда мне деться в этом январе
от февраля, что снова на заре
придет и - постарею я на месяц?
Мне буквой заблудиться б в буквare,
мне вдруг горой присниться бы горе
и в шапке облаков стоять бы вместе!

Куда мне деться в этом январе,
Чтоб этот год светился в серебре
моих причуд, похожих на сравненья?

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк...

В снежки играют дети во дворе
и в строчке Мандельштама нет тире,
и снег на снег похож на удивленье!

ПРИШВИН

Стояла весна или осень,
тянуло к полям и лесам,
захаживал часто он в гости
и к зайцам, и к муравьям,
и утром, а может, под вечер,
совета просил у берез,
выпытывал что-то у речки
и облаку ставил вопрос,
опять забывал он про старость
в наплыве нечаянных слов,
и не было лучше лекарства,
чем запахи прелых пеньков,
ему те пенечки, где б не был,
как тайны земного тепла,
как будто бы крошечки хлеба,
упавшие вдруг со стола.

* * *

Не обижайте цифру “2”,
она хотела б стать “пятеркой”,
как хочет прелая трава
стать снова наподобье шелка.

Не обижайте слово “мать”,
оно ведь не для сквернословья,
ему бы не сходить с ума,
а лишь цвести у изголовья.

Не обижайте цвет и звук,
и тень, и сон, что вам приснится,
ведь им так не хватает рук,
чтоб от обиды защититься.

* * *

Валерию Любушину

Не понять без метафор
озаренье души,
как без прошлого - завтра,
как без честности - лжи.

Не понять без гипербол
попаданье впросак,
как без дождика - небо,
как без чуда - пустяк.

Все имеет значенье,
и значенье судьбы
не понять без сравненья,
как без следа - тропы.

И, случается, гений
умирает не раз
от бессия сравнений
и затмения фраз.

“НЕИЗВЕСТНАЯ”

И. Н. Крамского

... А жизнь светла еще, казалось.
Но в молодом покое рук
угадывается уже усталость
от неизбежности разлук.
Ничто беды не предвещает.
Но в глубине спокойных глаз
таятся нежность и отчаянье,
все то,
с чем жизнь ее сплелась.
Она как будто ждет ответа,
а годы мчатся все быстрей.
хотя стоит ее карета
и тает все,
что там - за ней.

НЕСБИТЫЕ САМОЛЕТЫ

Сын говорит отцу:

- Кожедуб выше Покрышкина: он сбил 62 немецких самолета, а Покрышкин только 59.

- И 59 самолетов - это много, - замечает отец.

- Много, а все равно на три самолета меньше, чем у Кожедуба, - упорствует сын.

- Надо еще сравнивать и несбитые самолеты, - говорит отец. - То есть те, которые тот и другой мог бы, но не сбил. И тут выше окажется тот из них, у кого таких несбитых самолетов меньше.

Сын удивленно посмотрел на отца и задумался.

Задумался и я, слушая их разговор. Я до сих пор все еще никак не могу подсчитать свои несбитые самолеты...

ВМЕСТО КОРАБЛЕЙ

Кто в детстве и юности не мечтал о море! Хотелось и нам с Юрой Бодровым плыть под голубыми или алыми парусами. Помню, начитавшись книг о море, великих флотоводцах, мы где-нибудь в подходящем месте как бы воспроизводили то или иное морское сражение, расставляя спичечные коробки или камешки вместо кораблей и колдуя над ними в роли адмирала Ушакова и Нельсона.

... Я и сейчас еще ловлю порою себя на том, что занимаюсь не своим делом, не тем, к какому я призван судьбой, а, как и в далекие годы, расставляю вместо кораблей спичечные коробки или камешки...

СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ

Когда построят дом, кажется, что в него на правах жильца вселяется и время.

Шутить со временем может позволить себе только тот, у кого на шутки нет времени.

Торопит время только тот, кто его опережает.

Мужчине - уже 50, женщине - еще 50.

ЛИКИ ВОЙНЫ

В детстве я воспринимал дуэль как детскую игру взрослых людей. Но в результате такой детской игры погибли Пушкин и Лермонтов. И дуэль мне стала представляться в юности как бой гладиаторов. А теперь дуэль для меня - это война в миниатюре.

Но какой бы ни была война, чем больше читаешь и размышляешь о ней, тем меньше ее понимаешь. Это похоже на то, как в детстве мы повторяли много-много раз подряд одно и то же слово до тех пор, пока оно не теряло свой смысл.

ИШИМ

Мои воспоминания о детстве никак не связаны с рекой, хотя и прошло оно в двадцати километрах от реки Ишим. Вроде и недалеко по нынешним меркам, а в те давние годы это было большое расстояние, так что встречи с Ишимом были у меня крайне редкими и случайными

А ведь как хотелось мне пожить у речки! Вот и не хватает теперь мне этих двадцати километров воспоминаний...

ДЖИНА ЛОЛЛОБРИДЖИДА

Джина Лоллобриджида смотрит на меня с киноэкрана с таким видом, будто сочувствовала мне в том, что я поздновато родился, что я не киноактер, что живу я в стране, где долгие годы свирепствовал Сталин, что я ни за что не смогу написать достойных ее стихов, что...

Впрочем, достаточно. Ведь на самом-то деле это не она смотрела с сочувствием на меня, а я глядел на нее влюбленными глазами...

СПОР

В городском сквере спорят три женщины. У одной на руках ребенок. Наконец, одна из них говорит, обращаясь к старшей по возрасту:

- Ты вот старшая, ты и рассуди нас!

А та отвечает:

- Не я старшая среди вас. Старшая вот она - с ребенком.

БАБА МАРФА И ДЕД ИВАН

Бабе Марфе уже за пятьдесят, но все еще хорошо помнит, как, уже невестой Ивана, с которым прожила хорошо ли, плохо ли, не один десяток лет, одернула у своих колен его нетерпеливую руку. Ивану и дела нет до того, помнит ли она это, а вот она помнит.

А сидят они рядышком, как сиживали не раз молодыми, все на той же, а может, и не на той же скамейке, это и не важно. Важно, что сидят. А еще важнее, что рядышком...

ЯБЛОКО

Яблоко! Мечта детства! Но в нашем доме яблоко было диковинной редкостью. Может быть, потому запомнившиеся мне с детства слова с окончанием на “о” - “Айвенго”, “Борнео”, “Ватерлоо”, “Шевченко” - до сих пор звучат для моего слуха с каким-то оттенком сладости, вызывая чувство детского умиления.

И ведь в самом деле, слово-то какое - “яблоко”!

ДНЕВНИК

Дневник - это письмо самому себе длиною в целую жизнь.

Дневник способен рассказать о своем авторе больше, чем он знает о самом себе.

Дневник не заменит “Войну и мир”, даже если это дневник Льва Толстого. Но писать его следует так, будто пишешь “Войну и мир”.

Если, перечитывая свой дневник, ты ни разу в нем не заблудился - его не стоило бы и писать.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Любушин</i>	
Испутление Пушкиным	5
<i>Виктор Вихляев</i>	
Спасенный Пушкин	10
<i>Юрий Гусинский</i>	
“Прилечу издалека...”	15
Ожидание	16
Венчание	17
“Я к воле, как будто в неволю”	18
“Когда в Отечестве разруха”	19
“Любовь не знает середины”	21
Байга	22
“Мальчуганы с седыми висками”	23
<i>Борис Дивинский</i>	
“Я посетил места...” (отрывок из повести)	24
<i>Василий Коноплев</i>	
Размышления об энциклопедичности “Евгения Онегина”	27
Что в имени тебе моем?	35
<i>Александр Курленя</i>	
Мой Пушкин	42
Теория вероятности	43
Первый выпуск царскосельского лицея	44
“Как трудно жить в невысказанной муке”	45
Ссылка Пушкина	47
“Когда погибают поэты”	48
Мирская чаша	49
Сад камней	50
Обращение к Господу	51
Возвращение блудного сына	52
“Скажи мне, зачем в этом мире”	53
“В акварельной легкости заката”	54
“В разгаре мое безотчетное лето”	55
Колокола России	56
Предзимье	58
“Я люблю эту женщину, Господи!”	59

“Подарит нам опять рождсные ночи”	60
Нежность	61
“Вы уходите смело, не робко”	62
Склони свою голову мне на плечо”	63
 <i>Валерий Любушкин</i>	
“А Пушкин не капул в вечность”	64
“Расскажи мне, лесной коростель”	65
“Пушистая елка”	67
“У вербы набухли почки. Она в ожиданье рожденья”	68
“Упоительный шорох дождя”	69
“Тропинка петляет меж елей”	70
“Поэт российский Ника Гумилев”	71
Океан любви	72
“Дождик непрерывно с неба льет”	73
“Закат спустился на зубчатый лес”	74
“Гуляет важно по аллее граф”	75
“На неприметной речке Черной...”	76
“Матушка, открой-ка двери в сени!”	77
 <i>Василий Манзя</i>	
Свет далеких звезд	79
Небесные счетчики	79
Красота - вечная	80
Позднее прозрение	80
Молитва	81
Нереида	81
Язык космоса	82
Зеленый монумент	82
Одни вопросы	82
В вечном борении	83
 <i>Кайролла Муканов</i>	
“Читают тебя с упоением в глазах...”	84
 <i>Геннадий Осиик</i>	
“Горит, лучась, огонь его свечи”	89
Болдинская осень	89
“Зачем ты, женщина, разбила”	90
 <i>Сергей Пресняков</i>	
A. С. Пушкин в Северном Казахстане	91
 <i>Юрий Поляков</i>	
В Михайловском	95
Черная речка	96
 <i>Альфред Пряников</i>	
Однотомник 37-го года	97
С младенчества и до старости - с ним	101

Урок по теме “Лермонтов”	106
Шаляпин в Париже	107
Над пушкинской строкой	108
Ночная песня	109
Письмо казахстанскому поэту	110
 <i>Андрей Римский-Корсаков</i>	
“Петропавловск вспоминаю с нежностью...”	111
 <i>Валентина Суслова</i>	
“Чем версты лет длиннее, тем туманней”	118
“Как грешница, на муку обреченнная”	119
Открытие	119
“Я забывала, как умела”	121
Музыка моей души	121
Остров прозрения	122
 <i>Анатолий Хорольский</i>	
Мадонна Лита	123
О несбывшемся	124
Институт построения жилища	124
Дурацкий ветер со всех сторон	125
 <i>Елена Шевченко</i>	
Прямые потомки великого поэта жили в Северном Казахстане	127
 <i>Владимир Шестериков</i>	
Сибирские мадонны	131
На Сенатской площади	133
Капитаны свободы	134
“Словно спутник незримый”	135
“Бегут вперед неслышной ратью”	135
“Я не сравню тебя ни с кем”	137
“Ты вовсе в том не виновата”	137
Жар-птица Петра Ершова	139
 <i>Александр Штейнберг</i>	
Триптих о Пушкине	159
Уж эти фамилии!	159
Предсказания гадалки	162
Пропущенные слова и строки	164
 <i>Владимир Щукин</i>	
Наши гении	167
“О, много ли надо удач...”	167
Плоды	168
Слово	168
“Кого-то не обидел”	169
“Куда мне деться в этом январе”	169
Пришвин	171

“Не обижайте цифру “2”	171
“Не понять без метафор”	172
“Неизвестная”	172
Несбитые самолеты	173
Вместо кораблей	173
Свойства времени	173
Лики войны	174
Ишим	174
Джина Лоллобриджида	174
Спор	174
Баба Марфа и дед Иван	175
Яблоко	175
Дневник	175

“... И светлых мыслей красота”

Редакторы-составители *A. Курленя, В. Любушин*
Рисунки *В. Манзи*

Технический редактор *И. В. Константинова*
Корректор *К. Н. Ившина*

ЛР 010214 от 17.04.1997 г. Плр 00108 от 05.11.1999 г.
Сдано в набор 19.09.2000 г. Подписано в печать 27.11.2000 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура Newton. Усл. п. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 12,28. Тираж 1000. Заказ 2448.
ГУИПП “Омский дом печати”
644056, г. Омск, пр. Маркса, 39.